РУССКИЙ ЯЗЫК
В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ

3

АССОЦИАЦИЯ РУСИСТОВ СЛОВАКИИ
БАНСКА БИСТРИЦА
2000

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ 3

Международная редакционная коллегия

Е. Колларова (Словакия) главный редактор

А. Л. Бердичевский (Австрия)
Л. Л. Вохмина (Венгрия) ответственный редактор
Я. Генцель (Польша)
Й. Коженевска-Берчинска (Польша)
И. Поспишил (Чехия)
Л. Рис (Чехия)
А. Червеняк (Словакия)

Банска Бистрица
2000

Адрес редакции: Кафедра русистики (АРС)
Факультет гуманитарных наук
Университет имени М. Бела
Тайовского 40
974 01 Банска Бистрица
тел/факс: +421 - 88 - 41 33 137
e-mail: kollarova@fhv.umb.sk

ISBN 80-968315-3-4

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЕ НОМЕРА

АВТОГРАФ М. РУФУСА 5

МИКЕЛАНДЖЕЛО. Перевод О. Малевича 6

ЛИНГВИСТИКА

В. Маслова
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ 7

Е. Канова
ЯЗЫК МОЛОДЕЖИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ 15

Э. Буйнова, Е. Широкова
РУССКИЕ СЛОВА И СЛОВОСОЧЕТАНИЯ, КОТОРЫХ
НЕТ В СЛОВАРЯХ 21

З. Папп
ИЗМЕНЕНИЯ В КОММЕРЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ 24
НА ПРОТЯЖЕНИИ ПРОШЕДШИХ ЛЕТ НАШЕГО СТОЛЕТИЯ

ЛИТЕРАТУРА

И. Поспишил
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, РУСИСТИКА И ЦЕНТР ЕВРОПЫ 27

А. Червеняк
ФЕНОМЕН «МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА» 30

Г. Бинова
ЕВГЕНИЙ ХАРИТОНОВ В КОНТЕКСТЕ “НОВОЙ ВОЛНЫ” 38
И РУССКОЙ ТРАДИЦИИ

Д. Кшицова
РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЭРОС 47
В КОНЦЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

И. Поспишил
ГРОДНО КАК НОВЫЙ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ ЦЕНТР 51
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ
РОССИЯ В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ 53

МЕТОДИКА

А. Бердичевский
КАК ПОДДЕРЖАТЬ ВНУТРЕННЮЮ МОТИВАЦИЮ 55
В ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Н. Щипанская
АССОЦИАТИВНЫЙ ПРИНЦИП ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 60

О. Виддова
К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТА НА УРОКАХ РКИ 67

Н. Трофимова
ЛАТВИЯ: УЧЕБНИК В НОВЫХ УСЛОВИЯХ ПРЕПОДАВАНИЯ РЯ 75

РУСИСТИКА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

З. Окунек
РАЗВИТИЕ МОНГОЛЬСКОЙ РУСИСТИКИ ГЛАЗАМИ 80
ЧЕШСКОГО РУСИСТА

Масахару Ура
ПОЛОЖЕНИЕ РУСИСТИКИ В ЯПОНИИ 82

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

И. Коженевска-Берчинска
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ 85
(ИЗ ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ АВТОРСКОГО СПЕЦСЕМИНАРА)

С. Корычанкова
РУССКИЕ СВЯТЫЕ 92

Л. Б. Трушина
ИЗ «ПЕСТРЫХ ГЛАВ» 101
СИМВОЛИКА ЦВЕТОВ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФЛАГ
РОССИЙСКИЙ ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ

И. Лендел, К. Седлакова
«НАЦИОНАЛЬНАЯ ГАЗЕТА» КАК СРЕДСТВО 105
СЛОВАЦКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

КУЛЬТУРНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

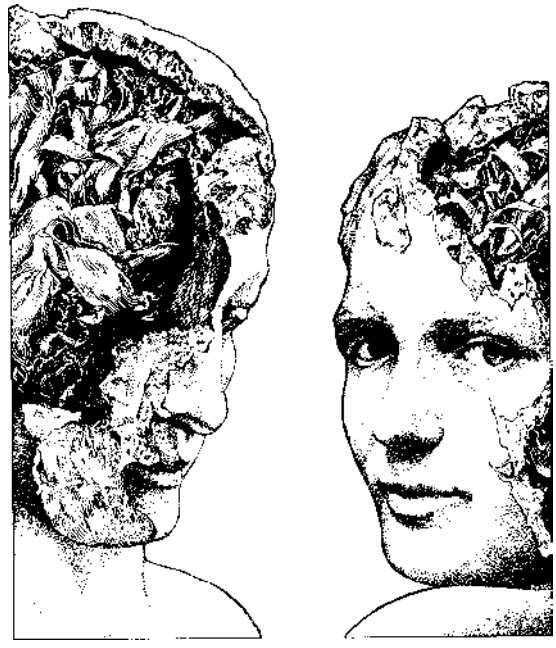
О. Заградник
ЧИТКА ПЬЕСЫ 108
ИЛИ ПЕРВЫЙ ШАГ К ПРЕМЬЕРЕ

З. Колларова, М. Сисак
ФРАГМЕНТЫ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ 112

АРС ИНФОРМИРУЕТ

Э. Буйнова, Я. Крыстынкова, Е. А. Правда, ... 120
А. Антоняк, В. Купка

С Т И Х О Т В О Р Е Н И Е Н О М Е Р А



Michelangelo

Mistr' bre mero a špicerdl'
Ty oči vedle,
Ještě mistr' hraje na štětl.
My mi' mě.

My nebereme, my ubr pomáháme.
Ale se madlujeme hrdinsky.
Kolik mě bolí odjinud. S básněm
o, bolí' celjpod, bridal spočítaný
za celé dvory. Co s tím, co s tím?

S mi dremi me, blonjin hribida
mičoty ako alcej lmy – a barvil
z hotteny jasdec, z jahuby po podkové
choe obrovil' kobila.

Uchesti; simave...
Jak dedi o kese sve zabludil o mrakoma.

K hvezde, dlouhý lybade si s Bohem
sama sebe dnes nevrátra
z mládeně, cudné veci.

Miloš Nejman

МИКЕЛАНДЖЕЛО

Нести бремя и петь.
Ты знал,
как и где крестить красоту.
Мы — нет.

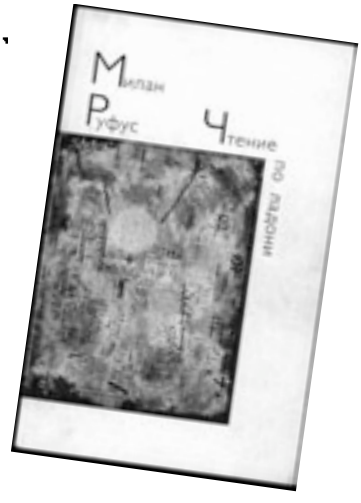
Мы не знаем, мы лишь познаем.
Как заводят часы.
Сколько костей у кита. И у стиха.
О, трижды сосчитан
каждый волосок на теле красоты.
Но что проку, что проку?

Вместо мудрости все прибывает
волчьей тьмы небытия, и поэт,
сброшенный наземь всадник,
по ямке от подковы
хочет сотворить коня.

Тоска, усталость... Как дети,
мы заблудились во многом.

И красоте, что была на «ты» с самим Богом,
самой себе нынче приходится
говорить что-то странное и невнятное.

Перевод О. Малевича



Академический проект,
Санкт-Петербург 2000

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

В. Маслова
(Беларусь)

В современной лингводидактике в последние годы выдвинут и завоевывает все большее место тезис о том, что целью учебного процесса должно стать не обучение, а образование личности. Тогда содержанием обучения автоматически становится культура, ибо образование - это становление личности путем вхождения в культуру, обучение межкультурному общению (диалогу культур), усвоение культуры через язык и языка через культуру, так как изучение культурного наследия идет через культурно-национальную семантику языковых единиц, которая формируется в контексте культуры.

При таком подходе на первое место выходит лингвокультурология, которая является отраслью гуманитарной науки, изучающей воплощенные в национальном языке факты материальной и духовной культуры. **Лингвокультурология – это наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке.** Ее основная цель – изучение способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру.

Становление лингвокультурологии. Как специальная область науки лингвокультурология возникла в 90-е годы XX века. Попытаемся дать периодизацию ее становления.

Представляется рациональным выделить два периода в развитии лингвокультурологии: период предпосылок развития науки – труды В. Гумбольдта, А. А. Потебни, Э. Сепира и др. И второй – период оформления лингвокультурологии как самостоятельной области исследований. Динамика развития науки позволяет прогнозировать еще один этап, третий, на пороге которого мы сейчас находимся – становление фундаментальной междисциплинарной науки лингвокультурологии.

К сегодняшнему дню оформилось несколько направлений:

1. Лингвокультурология отдельной социальной группы, этноса в какой-то яркий в культурном отношении период, т.е. исследование конкретной лингвокультурной ситуации.
2. Диахроническая лингвокультурология, т.е. изучение изменений лингвокультурного состояния этноса за определенный период времени.
3. Сравнительная лингвокультурология, исследующая лингвокультурные проявления разных, но взаимосвязанных этносов.
4. Сопоставительная лингвокультурология. Она только начинает развиваться. На сегодняшний день она представлена лишь несколькими работами, наиболее интересной из которых является работа М.К.Голованивской, в которой особенности французского менталитета изучаются с позиции носителя русского языка и культуры (Голованивская, 1997).
5. Лингвокультурная лексикография, занимающаяся составлением лингвострановедческих словарей (Amerikana. Англо-русский лингвострановедческий словарь. Под ред. Н.В.Чернова. Смоленск, 1996, 1185 с.; Рум А.Р.У. Великобритания: Лингвострановедческий словарь. М., 1999; Мальцева Д.Г. Германия: страна и язык: Лингвострановедческий словарь. М., 1997, -414 с., Николау Н.Г.Греция. Лингвострановедческий словарь. М., 1995,- 288 с.; Страны Соединенного Королевства: Лингвострановедческий справочник (Сост. Г.Д.Томахин. М.: Просвещение, 1999; Томахин Г.Д. США. Лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1999; Франция. Лингвострановедческий словарь) Под ред. Ведениной Л.Г. М., 1997 и др.

Как видим, особенно активно развивается последнее направление.

В самом конце XX века в Москве сложились и функционируют четыре лингвокультурологические школы.

1. Школа лингвокультурологии Ю.С.Степанова, которая по методологии близка концепции Э.Бенвениста, целью ее является описание констант культуры в их диахроническом аспекте. Верификация их содержания проводится с помощью текстов разных эпох, т.е. как бы с позиции внешнего наблюдателя, а не активного носителя языка.
2. Школа Н.Д.Арутюновой исследует универсальные термины культуры, извлекаемые из текстов разных времен и народов. Эти термины культуры также конструируются с позиции внешнего наблюдателя, а не реального носителя языка.

3. Школа В.Н.Телия, известная в России и за рубежом как Московская школа лингвокультурологического анализа фразеологизмов (MSLCFraz); В.Н.Телия и ее учениками исследуются языковые сущности с позиции рефлексии носителя живого языка, т.е. это взгляд на владение культурной семантикой непосредственно через субъект языка и культуры. Эта концепция близка позиции А.Вежбицкой (Lingua mentalis), т.е. имитация речедеятельностных ментальных состояний говорящего.
4. Школа лингвокультурологии, созданная в Российском университете дружбы народов В.В.Воробьевым, В.М.Шаклеиным и др., развивающими концепцию Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова. Именно эта школа получила распространение в зарубежной русистике. Здесь наблюдается тесная связь лингвокультурологии и лингвострановедения.

Лингвострановедение и лингвокультурология разнятся тем, что лингвострановедение изучает собственно национальные реалии, нашедшие отражение в языке. Это **безэквивалентные языковые единицы** (по Е.М.Верещагину и В.Г.Костомарову, 1980) – обозначенния специфических для данной культуры явлений (*гармошка, бить челом* и другие). Различия между языками обусловлены различием культур и легче всего они демонстрируются на материале лексических единиц и фразеологизмов, поскольку номинативные средства языка наиболее прямо связаны с внеязыковой действительностью. Национально-культурное своеобразие номинативных единиц может проявляться не только в наличии безэквивалентных единиц, но в отсутствии в данном языке слов и значений, выраженных в других языках, т.е. лакунах, белых пятнах на семантической карте языка (Сорокин, Марковина, 1989).

Методологические основания лингвокультурологии. Все языкознание пронизано культурно-историческим содержанием, ибо своим предметом имеет язык, который является условием, основой и продуктом культуры. В конце XX века, говоря словами Р.М.Фрумкиной, «открылся своего рода тупик: оказалось, что в науке о человеке нет места главному, что создало человека и его интеллект – культуре» (Фрумкина, 1995, с.104).

Язык одновременно является и **орудием** создания, развития, хранения (в виде текстов) **культуры** и ее **часть,** потому что с помощью языка создаются реальные объективно существующие произведения материальной и духовной культуры. В гуманитарных науках все чаще говорят о «власти языка» (гипотеза Сепира-Уорфа), однако трактуется это клише в науке по-разному: ранний М.М.Бахтин его понимал как «оковы» чужого слова, М.Хайдеггер – как «дом бытия» и т.д.

Культура человечества представляет собой совокупность этнических культур, которые многообразны, потому что действия разных народов, направленные на удовлетворение одних и тех же потребностей, различны. Этническое своеобразие проявляется во всем: в том, как люди работают, отдыхают, едят, как говорят в различных обстоятельствах и т.д. Например, считается, что важнейшая черта русских – коллективизм (соборность), поэтому их отличает чувство принадлежности к определенному обществу, теплота и эмоциональность взаимоотношений. Эти особенности русской культуры отражаются в русском языке. Как считает А.Вежбицкая, «русский язык уделяет эмоциям гораздо больше внимания (чем английский) и имеет значительно более богатый репертуар лексических и грамматических выражений для их разграничения» (Вежбицкая, 1996, с.1996, с.43).

Предметом исследования в лингвокультурологии должны стать **слова и выражения, служащие предметом описания в лингвострановедении.** Как правило, это слова, которые имеют во внеязыковой действительности «реальный» прототип в пространстве и времени.

Это слова и выражения типа баклуши (*бить баклуши*), щи, каша, баня (*задавать баню*), *пропал как швед под Полтавой* и т.д. Но сюда нужно включать и единицы других, более сложных уровней – синтаксических и текстов. Причем, в первую очередь представляют интерес те единицы языка, культурная информация в которых «залегает» на более глубинном уровне.

В область лингвокультурологии попадают цитации из русской классики (крылатые слова) – *человек в футляре, хлестаковщина, отцы и дети,* а также лозунги и политические дискурсы – *локомотив истории, трудовая вахта, путевка в жизнь, борьба за урожай, передавать эстафету* и под. Это собственно национальные выражения, однако наличие во фразеологизмах или метафорах национальной реалии не всегда свидетельствует о наличии культурной коннотации, способной воздействовать на ментальность народа (В.Н.Телия, 1996). Предметом лингвокультурологии как раз и являются языковые единицы, содержащие культурные коннотации. И в этом важнейшее отличие лингвокультурологии от, к примеру, лингвострановедения или этнолингвистики.

Цели и задачи науки. Мы всегда различали те ситуации, когда можно привлекать данные языка для того, чтобы узнать нечто о культуре, как и те, когда мы обращаемся к культурным реалиям, чтобы понять факты языка. На рубеже веков изменилось место и вес культурологической аргументации в современной науке о языке – прежде всего, в когнитивной

семантике. Анализ языковых единиц в контексте культуры привел к постановке ряда новых для лингвистики проблем. Лингвокультурология как самостоятельная отрасль знаний должна решать свои специфические задачи и при этом ответить прежде всего на ряд вопросов, которые в наиболее общем виде можно сформулировать так:

1) как культура участвует в образовании языковых концептов;
2) к какой части значения языкового знака прикрепляются «культурные смыслы»;
3) осознаются ли эти смыслы говорящим и слушающим и как они влияют на речевые стратегии;
4) существует ли в реальности культурно-языковая компетенция носителя языка, на основании которой воплощаются в текстах и распознаются носителями языка культурные смыслы. В качестве рабочего определения культурно-языковой компетенции принимаем следующее: это естественное владение языковой личностью процессами речепорождения и речевосприятия, и что особенно важно, владение установками культуры; для доказательства этого нужны новые технологии лингвокультурологического анализа языковых единиц;
5) сконструировать концептосферу (совокупность основных концептов данной культуры), а также дискурсы культуры, ориентированные на репрезентацию носителями одной культуры, множества культур (универсалии); описать культурную семантику данных языковых знаков, которая формируется на основе взаимодействия двух разных предметных областей – языка и культуры;
6) как систематизировать основные понятия данной науки, т.е. создать понятийный аппарат, который не только позволил бы анализировать проблему взаимодействия языка и культуры в динамике, но обеспечил бы взаимопонимание в пределах данной научной парадигмы – антропоцентрической.

Реестр задач не представляется нам окончательным, ибо продвижение в их решении породит следующий цикл задач и т.д.

При решении данных задач нужно учитывать одну чрезвычайно важную особенность, создающую дополнительную трудность в изучении данной проблемы: культурная информация языковых знаков имеет по преимуществу имплицитный характер, она как бы «скрывается» за языковыми значениями.

Например, русский фразеологизм «*выносить сор из избы*» имеет следующее значение, зафиксированное в словаре «Разглашать сведения о каких-то неприятностях, касающихся узкого круга лиц», а культурная

информация здесь глубоко запрятана – это славянский архетип «выносить сор из избы нельзя, ибо тем самым мы ослабляем «свое» пространство, делаем его уязвивым» и можем причинить вред членам своей семьи», и человеку недостойно заниматься ослаблением ближних. Поэтому маркером культурной информации при фразеологизме становится помета «неодобр.», имеющаяся в большинстве современных фразеологических словарей.

В. Н. Телия предложила для лингвокультурологического описания макрокомпонентную модель значения (Телия, 1990). Семимерное пространство этой модели включает в себя такие блоки информации, как сведения о пресуппозиции, денотации, рациональной оценке, мотивационном основании знака, эмоциональной и эмотивной оценках, а также оценке условий употребления знака; каждый такой блок вводится когнитивным оператором, указывающим на процедуру обработки соответствующих ментальных структур.

Кроме макрокомпонентной модели, мы предлагаем активно использовать в лингвокультурологическом описании психосоциокультурологический эксперимент, а также шире задействовать готовые тексты разных типов, потому что культурная информация в языковых единицах имеет преимущественно скрытый за их собственно языковым значением характер. Например, фразеологизм *ни кола, ни двора, ни куриного пера* имеет значение «не иметь совсем ничего». Культурная информация здесь реализуется через культурную коннотацию на образ фразеологизма – «недостойно человека не иметь ничего». Именно благодаря ей появляется словарная помета – «презр.».

В. Н. Телия предлагает свой способ интерпретации национально-культурных смыслов языковых единиц – с позиции внутреннего наблюдателя, «изнутри» языка. Например, при интерпретации коллокации *больная совесть* в лингвокультурном аспекте важна не только аксиологическая модальность (как если бы совесть страдала от болезни), но и то, что это обусловливает психологический дискомфорт, потому что нравственный изъян вызывает неодобрение, осуждение в обществе, и говорится это в неформальных условиях речи при определенном раскладе социально-культурных статусов и ролей собеседников.

В рамках нашей концепции (Маслова, 1997), кроме предлагаемого В.Н.Телия способа интерпретации, необходимым следует признать и анализ языковых фактов с позиции внешнего неблюдателя.

Базовые понятия лингвокультурологии. Встает вопрос о необходимости сформировать категориальный аппарат лингвокультурологии, т.е.

определить набор основополагающих понятий, которые характеризуют в совокупности модель лингвокультурной реальности. Нужно создать такой понятийный аппарат, который бы позволил анализировать проблему взаимосвязи языка и культуры в их динамике.

Лингвокультурология как специальная область науки породила немало продуктивных в современной лингвистике понятий: лингвокультурема, язык культуры, культурный текст, контекст культуры, субкультура, лингвокультурная парадигма, прецедентные имена культуры, ключевые имена культуры, культурная универсалия, культурная компетенция, культурное наследование, культурные традиции, культурный процесс, культурные установки, культурные семы, культурный фон, культурные концепты и культурные коннотации.

В понятийный аппарат науки входят также и такие термины, как менталитет, ментальность, ритуал, обычай, сфера культуры, тип культуры, цивилизация, язычество и некоторые другие.

Методы исследования. Метод – это определенный подход к изучаемому явлению, определенный комплекс приемов, применение которых дает возможность изучить данное явление. Взаимодействующие язык и культура настолько многоаспектны, что познать их природу, функции, генезис при помощи одного метода невозможно. Этим и объясняется наличие целого ряда методов, находящихся между собой в отношении дополнительности. В лингвокультурологии можно использовать лингвистические, а также культурологические и социологические методы – методику контент-анализа, фреймовый анализ, нарративный анализ, восходящий к В. Проппу, метод лингвистической реконструкции культуры, используемый Н. И. Толстым; можно исследовать материал как традиционными методами этнографии, так и приемами экспериментально-когнитивной лингвистики, где важнейшим источником материала выступают носители языка (информанты).

Аппарат анализа метафоры, предложенный Дж. Лакоффом, обладает большой объяснительной силой и позволяет получить результаты, важные для решения проблемы языка и культуры. Так, когнитивная теория метафоры позволяет объяснить, почему одни иноязычные идиомы легко понимаются и могут даже заимствоваться, а другие - не могут. Этот метод позволяет устанавливать когнитивно обусловленные несовпадения между сравниваемыми языками. Такие различия не случайны и свидетельствуют о специфике осмысления фрагментов мира тем или иным народом.

Сегодня уже нельзя работать в лингвистике, делая вид, будто лингвокультурологии не существует. Ее игнорирование нарушает этос

научного сообщества, где одной из базовых посылок является требование преемственности (даже если оно идет в виде аргументированного отрицания).

Литература

Вежбицка А.: Язык. Культура. Познание. М.,1996.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.: Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.

Голованивская М.К.: Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. М., 1997, - 279 с.

Маслова В.А.: Введение в лингвокультурологию. М., 1997.

Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю.: Национально-культурная специфика художественного текста. М., 1989.

Телия В.Н.: Русская фразеология. М., 1996.

Телия В.Н.: Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении // Фразеология в Машинном фонде русского языка. М., 1990. // Лингвистика в поисках эпистемологии

Фрумкина Р.М.: Лингвистика в поисках эпистемологии // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы. Тезисы Международной конференции. Т.11.М.,1995.

G G G

НА МИРОВОМ РЫНКЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Для 288 миллионов человек русский язык является родным или вторым родным языком. Еще 215 миллионов владеют им как неродным.

ЯЗЫК МОЛОДЕЖИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Е. Канова
(Германия)

Разговорную речь молодых людей можно отнести к явлениям так называемой вариативности языка, которая формируется в определенных социальных группах. Для формирования этого слоя русской лексики важную роль сыграли неформальные молодежные объединения. Неформальные молодежные группы впервые возникли в Советском Союзе после второй мировой войны в Москве, Воронеже, Свердловске, Челябинске и других больших городах, которые занимали антисталинские, но просоциалистические позиции. Уже в 1946 году начались процессы над членами неформальных молодежных группировок. Эти группировки квалифицировались тоталитарной системой как антисоветские и террористические. Во второй половине 50-х годов, во время хрущевской оттепели, новая общественно-политическая атмосфера вызвала у молодежи подъем коммунистического энтузиазма: на это время приходится освоение целины на землях Казахстана, молодежные стройки и участие в них молодежи по комсомольским путевкам. Следующая волна неформальных молодежных групп прокатилась в период стагнации, особенно в его конце, когда молодежи стала ясна вся бесполезность усилий построения справедливого, благополучного общества. В то время, как люди более зрелого возраста, бывшие в оппозиции к социалистическому обществу, ушли в диссиденство, молодые стали неформалами, участвуя в различных организациях, члены которых не принимали существующей действительности.

Во время перестройки борьба неформалов против режима достигла кульминации. Не желая возвращаться к сталинизму, к тоталитарному прошлому, молодежь вышла на улицы Москвы во время путча 1991 года, защищая демократию, завоеванную перестройкой.

Чтобы понять смысл этого движения, достаточно рассмотреть его на примере ленинградских неформалов. Их инициатива была самой разной. Это и возникновение МКЦ – молодежных культурных центров, и тусовки с дискуссиями о будущем, то есть прошлом комсомола, и движение в помощь инвалидам, и «боевые действия» с людьми в милицейской форме.

«Неформалы» – это слово–символ, которое подхватили журналисты. В 1990 году насчитывалось 200 разновидностей неформальных молодежных

объединений (НМО). Это был прорыв андеграунда сквозь бетон комсомольских инструкций – все, что происходило по инициативе молодежи в эти годы – концерты молодежных оркестров металлической и хардроковой музыки, тусовки в поддержку экологических проектов, историко-политические объединения, клубы «афганцев» и многое другое. Это был вклад молодежи в борьбу за демократизацию общества, ее протест, который в конце 80-х начале 90-х годов уже стал проявляться открыто. С тех пор сленг неформалов стал неотъемлемой частью жизни общества.

Движение неформалов возникло не в последнюю очередь и оттого, что на молодых людей в стране долго смотрели, как на объект подготовки будущих граждан, считая, что они не в состоянии быть самостоятельными, что их постоянно нужно воспитывать. Сейчас ученые-обществоведы, журналисты и социологи пытаются дать максимально объективную информацию о неформалах. Они исходят из того, что в наше время уже поняли – не стоит противопоставлять поколения людей, не надо обвинять молодых в нетерпимости, пора спокойно оценить даже те группировки, которые далеко не у всех вызывают симпатии (это, например, *байкеры* или *ночные волки*). Необходимо учесть, что многие представители молодого поколения уже неплохо усвоили правила игры в современном обществе. Эта часть молодежи давно развязала себе руки, отказавшись от опеки государства. Они полностью осознали, что общество в России в корне меняется и остановить этот процесс уже не может никто.

С концом перестройки ломка привычных стереотипов, крушение идеалов отцов, возникновение новых идеалов у молодежи, которую сегодня нередко называют «дети рынка», «дети бизнеса», – все это не могло не отразиться на качественной стороне языка, способствовало дальнейшему развитию его подсистемы – современного молодежного жаргона. Весь комплекс социально-политических, психологических и собственно языковых факторов вызвал его распространение

До перестройки лексике молодежи не уделялось особого внимания на страницах российской печати. Частично это объясняется тем, что молодежный жаргон в значительной степени восходит к уголовному. Когда же из жизни и печати ушел обширный слой советизмов, их место заполнили элементы из разговорного языка, из всевозможных жаргонов, в том числе и молодежного. В это время лингвистами было замечено, что молодежь также вносит свои речевые коррективы в новую эпоху. Об этом говорит факт вхождения некоторых элементов молодежного жаргона даже в политлексикон (*тусовка, разборка, кайф*). Это свидетельствует о том, что

разнообразные жаргоны по-своему необходимы литературному языку, служат для его пополнения.

Несмотря на отнесение лексики молодежи многими к разряду дворово-молодежного норматива, она стала использоваться в средствах массовой информации. Еще в начале 90-х годов в прессе начали появляться серии статей, дающие минисловари жаргонной лексики для широкого круга читателей. Так, газета «Голос» опубликовала ряд статей по молодежному жаргону, связанному с музыкальной рок-культурой. Газета «Час пик» опубликовала серию «Шнурки в стакане» по просьбе родителей, перестающих понимать речь своих детей. В «Аргументах и фактах» появилась серия «Ликбез» о сленге хиппи, содержащем лексику наркоманов. Приложение газеты «Аргументы и факты» «Я молодой» предоставило читателям жаргон молодых бизнесменов – «Так говорят на Арбате». В статьях под рубрикой «Кто куда – избранные тусовки девяностых» в газете «Собеседник» публиковался «маленький толковый словарь» по наименованиям молодежных группировок. Газета Западной группы российских войск в Берлине «Ориентир» в рубрике «Пусть на заборе, но имя!» поделилась с читателями подборкой слов молодежного жаргона, имеющих свою военную специфику. Вся эта лексика влилась в общий поток слов русского языка. Ее изучение стало служить познанию лексико-семантических перемен в языке конца XX века.

В результате наблюдений над изменениями, протекающими в русском языке, в начале 90-х годов мы начали отбор языкового материала, включая и молодежный жаргон, с целью знакомства с ним студентов. Несомненно, «молодежная мова», как называют речь молодежи некоторые исследователи, является чрезвычайно выразительной и меткой, что и послужило причиной возникновения интереса к ней изучающих русский язык.

Собранный нами материал вошел в банк данных, созданный в рамках проекта по исследованию русских неологизмов. С тех пор он регулярно пополняется, в настоящее время насчитывает около 4000 заголовочных единиц. В результате анализа газет и журналов, более 100 наименований различной политической направленности, публицистических материалов, новинок художественной и научно-популярной литературы выявляется актуальный лексический материал. Проводилось и анкетирование информантов в возрасте от 15 до 23 лет, принадлежащих к разным социальным группам, - студентов, российских военнослужащих, молодых людей, работающих в банках и бюро. Результаты опроса подтвердили употребительность приводимого в процессе и публицистике языкового

материала, заимствованного из молодежного жаргона. Промежуточным результатом исследования явились два выпуска словарей неологизмов, а также русско-немецкий глоссар актуальной лексики, разработанный в рамках проекта с Московским Государственным Университетом «Русские неологизмы».

Приступая к определению того минимума молодежной лексики,который мог бы потенциально быть использован нашими учащимися на продвинутом этапе обучения, необходимо было определить критерии его отбора. В этой связи представляется необходимым сказать несколько слов об источниках, которые породили этот уникальный язык. По нашим наблюдениям, такими источниками являются следующие:

1. английский язык *(аскать,идти на аск)*, в том числе кальки с английского языка: *капуста-cabbage, пушка-cannon;*
2. заимствования из других языков (*шнурки* из языка идиш в значении *родственник)*;
3. внутренние заимствования- слова, которым молодежь придает свое собственное значение, закодировав тем самым смысл высказывания: *колесо* (любая таблетка, у наркоманов- наркотическое средство), *торчать* (наслаждаться чем-либо; у наркоманов- приходить в состояние эйфории от наркотика), *оторваться* (наслаждаться чем- либо);
4. лексические пласты соседствующих социальных групп – музыкальный сленг *(металл, лабать музыку, живая музыка*);
5. уголовный жаргон (*кранты, хавира, маруха*);
6. жаргон участников карточной игры (*тусовка, тусня*);
7. словоупотребление наркоманов, с которыми наблюдается наиболее тесные переплетения (*травка, сесть на иглу, зелье, торчать, тащиться, колесо, кайф, обкурка*), как и
8. со сленгом фарцовщиков и более поздних молодых бизнесменов (*утюг, утюжить, фирма*),а также
9. сленгом хиппи (*вписка*);
10. терминологическая лексика (*впадать в осадок*);
11. произвольная этимологизация (*курица* – курящая женщина, *лох* – от теплолюбивого, неморозостойкого растения, *совок* – бывший советский человек, оставшийся верным всему советскому);
12. цитация крылатых выражений как средство языковой игры (*богоугодное заведение* – наркологический диспансер),
13. метафоры (*четвероногий миллиционер* – спецсобака, *белая смерть* – смерть от героина);

14. топонимы различных видов, в основном связанные с Москвой (*Лужа, Пушка*).

При этом было установлено наличие пограничных случаев – слова, находяциеся на границе молодежной лексики и других обширных лексических слоев, например, *разборка с перентами:* здесь налицо лексическая единица из уголовного жаргона в сочетании с англицизмом; сегодня слово *разборка* употребляется и в политлексике. Встает вопрос, относится ли слово *разборка* к лексике молодежи? Это касается и лексики, заимствованой молодежью из жаргона музыкантов – таких, наример, слов и выражений, ка *фанера*, *живая музыка, работать живьем.* Так, они употребляются в статье журнала «Огонек» об обсуждении закона по использованию фонограмм в концертной практике, то есть используются совсем уже не в молодежной среде. Другими словами, здесь налицо факт перераспределения слоев лексики последних лет.

В ходе исследования молодежного жаргона нами были установлены следующие категории:

- Слова, образованные по продуктивным словообразовательным моделям русского языка. Часто это существительные с нулевым суффиксом: *отпад, улет, облом, завод* а также пассивные причастия: *обкуренный, отрубленный, поддатый, загазованный*;
- Эвфемизмы: *достоевский, блин;*
- Междометия: *обана, ништяк, банан, точняк, заметано;*
- Слова с переносным значением: *мусор, ботинок,овес,ботаник, колбаса, гусь, дыня, креветка* для выражения пренебрежения или восхищения);
- Натменование лиц по национальной принадлежности: *финик, аллора, бундес, стейтс, джапен,* фамильярно-принебрежительные или шутливые, в зависимости от ситуации;
- Наименование различных групп молодежи: *любера, подземщики, летучие мыши;*
- слова из армейского жаргона: *бык, турист, белобилетник, закос, косить /закосить/ скосить от армии;*
- слова, обозначающие понятия из молодежной моды: *леггинсы, тишотка, левиса;*
- имена: *алик* – алкоголик, *дядя Вася* – пролетарий, *максим* – добрый человек.

В заключение можно сказать, что хотя молодежный жаргон, как и другие арготизмы, постоянно наличествует в языке, однако по данным многих

исследований ненормативная лексика оказывается за рамками частого словоупотребления. Случаи ее употребления все-таки остаются единичными. Некоторым оправданием ее включения в учебный процесс может служить тот факт, что в средствах массовой информации сказывается увлечение «молодежной мовой». Это вызывает дополнительные трудности у учащихся при извлечении информации из актуальных текстов, Безусловно, язык переходного времени характеризуется пересмотром литературных норм, литературный язык пополняется за счет нелитературных пластов. Вопрос, насколько изменитася ситуация в дальнейшем, нуждается в проверке.

Использованная литература

Бэкер,А.: Специфические черты лексики наркоманов (исследование по российской прессе, сравнение с лексикой немецкоязычных наркоманов). В:3. Internacionale wiss. Konferenz “lexikographie und Lexikologie im Russischunterricht”. Berlin, 1994

Волкова, Н.А.: Лексико-семантическая группа «наименование лица» в современном молодежном жаргоне. В: »Русский язык: Вопросы функционирования и методики преподавания». Львов, 1992

Дубягин, Ю.П. (1991): *Толковый словарь уголовных жаргонов*. Москва: СП «Ромос».

Канова,Е.: Ду ю спик по-нашуму? В: Zielspracht Russisch, 4/1993

Канова,Е.: Лексика молодежи. В: Russisch lernen und lehren, 3/1997

Канова,Е.: Жаргон молодежи в Российской прессе. В: Mitteilungen für Lehrer für slawische Fremdsprachen. Nr.68, Wien

Канова,Е.: Речевое облако России В: Rußland heute. Lexik im Sprachgebrauch. Berlin, 1995

Канова,Е.: Речь молодежи и ее влияние на современный русский язык. Доклад в Университете г. Гданьска, 1998

Канова,Е.: Язык молодежи. Доклад в Университете г.Лунд (Швеция).

Ненашев,С.В., Пилатов,С.Г.: Дети андерграунда. Лениздат, 1990

Рожанский,Ф.И.: Сленг хиппи. Материалы к словарю. Санкт-Петербург, 1995

Kanova,E., Egert,W.: Neue Wörter und Bedeutungen. Humboldt-Universität Berlin- 1992; расширенное издание: Берлин, 1993

Kanova,E.: От молодежного жаргона к политической и экономической лексике. В: Meddelanden fran Rysklärarföreningen.Nr. 88, Malmö, 1996

Bielagk,P., Kanova,E., (Projektleiter), Baumgart,A., Jelistratov,V.: Von аквалист bis ящик, 1997

Walter,H., Mokienko,V., Niemeyer.,M.: Sprache der Jugend. Kleines russisch-deutsches Wörterbuch. Greifswald, 1999

РУССКИЕ СЛОВА И СЛОВОСОЧЕТАНИЯ, КОТОРЫХ НЕТ В СЛОВАРЯХ

Э. Буйнова
(Словакия)
Е. Широкова
(Россия)

Динамические изменения в жизни России почти мгновенно отражаются и в русском языке. Новые явления политической, экономической, культурной, социальной жизни, отношения, предметы быта получают свое наименование. Как никогда раньше, словарный запас русского языка пополняется сегодня словами, словосочетаниями, происходящими из английского языка. В какой степени «американизмы» и «англицизмы» обогащают и в какой загрязняют русский язык, пусть решают лингвисты.

« *Как бы ни относиться к происходящему, ясно, что в речи изменились, так сказать, пороги смелости, мера допустимости; норма стала более свободной – как в политике, торговле, одежде, танце, поведении и других сферах социальной жизни, так и в общении, в языке.»*[1]

Для словацких русистов слова типа *«бизнесмен, фирма, акция, спонсор, парламент, саммит, рейтинг, имидж, лобби, бутик, супермаркет, компьютер, ноу-хау, грант, диджей, хит, клип, секс-шоп, шоумен, пейджер, аудиоплейер»* и т.п. не представляют затруднений с точки зрения понимания, так как аналогичный процесс происходит и в словацком языке.

Наиболее заметны изменения в СМИ (средствах массовой информации). В публицистике используются слова всех стилей, включая разговорно-обиходный и жаргонный. Публицистику можно считать панорамой явлений современной жизни. Имеющиеся у нас русско-словацкие словари (новые не издаются) новые слова и словосочетания не фиксируют, они «отстают» от современной жизни. Поэтому мы решили открыть рубрику «Русские слова и словосочетания, которых нет в словарях» и поделиться опытом при расшифровке новой лексики. Примеры приводятся, в основном, из еженедельника «Аргументы и факты», газеты, внесенной в книгу рекордов Гинесса за самый высокий в мире тираж. Эта газета и сегодня официально считается лучшей газетой России.

Слово *«тусовка» (тусоваться, тусовочный)* впервые появились в Словаре русского языка (Ожегов, Шведова) в 1992 г. Оно заменило слова

[1] Костомаров, В.Г., Языковый вкус эпохи, М. 1997, стр.69

«ужин, посиделка у камина, вечеринка в дружной компании, светский раут (večierok, párty, stretnutie, spoločenské posedenie) Жаргонизм «тусовка» пришел в молодежный жаргон из сленга хиппи. На языке хиппи он означал: прогулка, поездка куда-либо, собрание без конкретной цели (отсюда *тусоваться – ходить на тусовки,* искать что-либо). Из сленга хиппи жаргонизмы *«тусовка, тусоваться, тусовочный»* перекочевали в жаргон музыкантов и фанатов рок-музыки, а оттуда – в речь самых широких слоев молодежи, а затем и в СМИ (сначала в материалы, рассказывающие о современных молодежных ансамблях, солистах, звездах эстрады, а потом и в материалы на более серьезные темы). В результате такой широкой пропаганды это слово вошло в речь даже людей старшего возраста, появилось на страницах всех газет.

«*...удались знаменитые тусовки Канна»;*

«*К месту главной болельщицкой тусовки я приехал в 11 вечера»;*

«Интересны модные тусовки в Милане»;

«…Айанап, Эйлат, Майорка … международные тусовочные молодежные курорты».

Цель тусовок очень метко характеризовал один из российских певцов: *«И людей посмотреть, и себя показать».*

«Совок жив и процветает». Совок придуман самими русскими для обозначения посредственности, доставшейся в наследие от старорежимной советской действительности. Совок – produkt a prívrženec totalitného systému.

Словацкие словари приводят два значения этого слова: 1. naberacia lopatka , 2. sypací otvor.

Газета «Аргументы и факты» в 1996 году опубликовала *«совковый сленг»,* в который вошли слова и словосочетания типа *«ленинский* субботник, доска почета, социалистическое *соревнование, ударник* и т.п.».

В связи с ориентацией российской экономики появилось слово *«путиномика»* (Putinova ekonomická orientácia, ekonomické reformy). Слово создано по аналогии со словом «гайдарономика». Название одной газетной статьи – *«Условия успеха путиномики».*

В разговорной речи деньги называют *«бабками».* Словацкие словари это значение *«бабки»* не приводят. Рубли получили название *«деревянные». «Стипуха* (štipko) *– 250 деревянных».* А доллары в народе называют *«баксами, зелеными, гринами».*

«Денег накоплю, а с зелеными в Молдове жить можно»;

«К концу 2000 года «зеленый» по расчетам правительства, может возрасти до 32 рублей»;

---

[2] Журналистика и культура русской речи М. 1997

« … стенды пестрят рекламой соблазнительных туров в Италию, в ЮАР, стоимостью в 500 и даже 3000 «баксов»;

« … если ты узбек, то открывай чемодан и готовь полсотни «баксов».

Многие граждане России занимаются мелким бизнесом. Ездят за границу за покупкой товара, который потом дома продают. Их называют *«челноками». « … ездить челноками нам уже сложно». «Считать «челноков» порождением перестройки было бы совсем даже неправильно. Ну-ка вспомните, чем занимался богатый гость Садко? А Афанасий Никитин просто так, что ли, за три моря ходил? Все они были настоящими «челноками»».*

В России организуют поездки с целью покупки товара – *«шоп-туры»* (nákupné zájazdy). *«На международных линиях … тут и тут туризм, и деловые поездки, и шоп-туры».*

Быстро разбогатевщих стали в России обозначать словосочетанием *«малиновые пиджаки», «новые русские»* (červené saka, novodobí zbohatlíci, noví Rusi). *«... чтобы деньги в карманах водились – пусть не такие большие, как у «малиновых пиджаков», но позволяющие хоть бы не чувствовать себя экскурсантами в приличном магазине».* В печати появилось и прилагательное «новорусский». «Лазурный берег без новорусских туристов и их мобильных телефонов потеряет половину шарма». Для незаконных операций с деньгами употребляется словосочетание *«отмывание грязных денег». «Россия – прачечная для отмывания грязных денег».* Получить что-либо бесплатно, даром, значит получить *«на халяву». «ЛДПР-овцы, наверное, водку „Жириновский" «на халяву» раздавать будут».*

К словам, входящим в состав именно молодежного жаргона, относится слово *«кайф».* В Толковом словаре уголовных жаргонов (Дубягин, Бронников, М. 1991) (это слово трактуется как *«кайф, кейф»*[2] (англ.) – состояние блаженства, полной удовлетворенности. *Кайф*[3] – наркотики. В большом Академическом словаре *«кайф»* толкуется как заимствование из турецкого в значении «приятное безделье, ничегонеделание». В узбекском и таджикском языках слово *«кайф»* означает «наслаждение, удовольствие». *«Она любила немного понежиться в постели с сигаретой во рту. Представляю этот «кайф»!»* Слово *«кайф»* сегодня употребляется как оценочное, стоящее в одном ряду со словами «хорошо, отлично, прекрасно, замечательно, превосходно, великолепно». Эту оценку молодежь выражает и другими жаргонизмами: «клево, прима, люкс, супер». А как надо понимать выражение *«шнурки в стакане»*? В речи молодежи оно содержит информацию «родители дома». Чтобы сохранить иносказание, на словацкий язык его можно перевести словами «vzduch nie je čistý».

ИЗМЕНЕНИЯ В КОММЕРЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НА ПРОТЯЖЕНИИ ПРОШЕДШИХ ЛЕТ НАШЕГО СТОЛЕТИЯ

З. Папп
(Венгрия)

Русская и венгерская коммерческая терминология на протяжении прошедших лет XX века не оставалась неизменной, она претерпела значительную эволюцию. Мы были свидетелями ее существенной сформированности и активности в начале века [Бруннер, 1909; Шехмейстер, 1914; и др.], своеобразного крушения в 1917-1921 г.г., специфического расцвета, преобразования и возрождения в период НЭП-а, свидетелями особого бытования в эпоху государственной монополии советской торговли и, наконец, отличного от всех предыдущих периодов нового ренессанса с конца 80-х годов в результате перехода к свободной торговле.

Как всякое преобразование существенной для жизни общества терминологической системы, расцвет или упадок коммерческой терминологии – симптом развития или оскудения деловых отношений в экономической и производственной деятельности в сфере удовлетворения насущных потребностей общества.

Так, например, о распаде частно-коммерческой практики наряду с другими факторами убедительно свидетельствует распад ее языка, его отдельной лексико-терминологической системы.

Вышли из употребления слова и словосочетания: бакалейщик [-ица], владелец [владелица], купец, коммерсант, коммерческий суд, лавка [кондитерская], модная лавка, лавочник /хозяин лавки - торгового предприятия/ и многое другое, так как исчезли те реалии, которыми они обозначились в течение 20-80 гг. нашего века.

Сейчас коммерческая терминология восстанавливает свою разрушенную, обедневшую лексическую систему. Это восстановление идет, с одной стороны, путем актуализации бывших когда-то в употреблении терминов из западных языков, в основном, для номинации новый реалий, появление которых на западе связано с научно-техническим прогрессом, с другой стороны.

До перестройки, когда мы жили в искусственном умственном вакууме, когда надо было подгонять экономику, торговлю под идеологию и когда

господствовало мнение, что "у них все плохо, у нас все хорошо", не было условий к тому, чтобы перенять "от них" опыт современной организации торговли, ноу-хау, методику изучения рынка, маркетинг и т.д.

С принятием государством курса на рыночную экономику, свободную торговлю сближение с экономиками высокоразвитых западных стран, с перспективой присоединения к "Общему рынку" /ЕЭС, а с 1993 г. ЕС – Европейский Союз – ЕИ – Europa Unio/ положение значительно изменилось

Открытая экономика, предполагающая широкие, тесные повседневные контакты с иностранными фирмами, с общей установкой экономической, торговлей и их технологию вызвали интенсивный наплыв иностранных терминов, часто многим непонятных.

Освободившаяся общественность сталкивается с высвободившимся языком, а точнее с высвободившимися языками. Получил свободу язык экономики, никогда коммерция. Приобрел свободу язык гастрономии, так как при коммунизме не было такого широкого вторжения на наш рынок китайских, израильских и др. ресторанов, не было американской кухни[1]. Стал свободным язык рекламы, тогда как прежде реклама была крайне убогая и ограниченная. А ведь к этому еще прибавляется высвободившийся в наибольшей степени и вездесущий язык политики.

Все эти "языки" формируются, закрепляют свои позиции, атакуют, частично отмирают, проходят период инкубации, скрещиваются друг с другом и временами создают вообще непонятные словосочетания, непонятный "язык".

Наверное, часть проблемы можно было бы объяснить вечным упреком в неблагоприятном иностранном влиянии. Если бы "интеграцию" заменить "братством", "рецессию - застоем", то язык экономики, торговли, говорят, стал бы более понятным. Имеются предложения перевести слова "с делового на родной" /Д. Цыганков, 1993./.

Так, например, предлагается заменить:

бартер – прямой товарообмен	аудит - проверка
конкуренция - соревнование	лизинг – долгосрочное пользование
лицензия - разрешение	маркетинг – управление сбытом
менеджер - управленец	кооперация - сотрудничество
квота - ограничение	инвестиции - вложения
доход нетто – чистый доход	доход брутто- общий доход
дистрибьютер – торговый представитель	

[1] В начале 90-х годов в Москве, в Будапеште, в других городах были открыты первые американские рестораны McDonald's, Burger King.

дилер - посредник
пресс-релиз – заявление для печати
спонсор - устроитель
реэреэкспорт – вывоз ввезенных товаров
приватный - частный
сертификат - свидетельство
эмбарго - запрет и др.

Даже если принять такое предложение всерьез, то нельзя свести всю проблему к иностранному влиянию, к небывалому вторжению англицизмов. Ведь то, чтопрежде выражалось с помощью понятного выражения, например: “дальнейший экономический процесс”, сейчас должно быть выражено более точными обозначениями понятий, в большей или меньшей степени профессиональными и прежде всего, реально существующими. Наверное, потребуется некоторое время, чтобы эти понятия и их наименования вошли в язык и стали понятны всем.

Предлагаемые русские эквиваленты выражают эти понятия не только непрофессионально, но, главное, неточно, что и обусловлено их непрофессиональностью.

Особенностью заимствованных терминов является их непереводимость, они не поддаются адекватному переводу ни на какой другой язык. В связи с этим интересно будет привести замечание Белинского: *“Вообще идее как-то просторнее в том слове, в котором она родилась, в котором она сказалась в первый раз; она как-то сливается и срастается с ним, и потому выразившее ее слово делается* ***слитным, сросшимся*** *и становится непереводным[2] ”.*

Литература

1. Бельчиков Ю. А. Интернациональная терминология в русском языке. М. 1959.
2. Даниленко В. П. Как создаются термины . «Русская речь».1967., №2, с.5-8, с.57-64.
3. Даниленко В. П. Русская терминология . Опыт лингвистического описания.М.,1997.
4. Маковский М.М. К проблеме терминологической «интернациональной» лексики . «Вопросы языкознания». 1960. №1. с.45.
5. Полный коммерческий словарь.Под ред. Бруннера В. А., М., 1909.
6. Реформатский А. А. Что такое термин и терминология . «Вопросы терминологии» ,М., 1961. С.51.
7. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30-90 годы XIX в. . М-Л., 1965.с.55.
8. Цыганков Д. Не морочьте голову.Переводы с делового на родной. «Спб. Ведомости», 1993.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, РУСИСТИКА И ЦЕНТР ЕВРОПЫ

И. Поспишил,
редактор раздела литературоведения
(Чехия)

Литературоведческий раздел нашего журнала будет сосредоточиваться на Средней Европе как на особом феномене, связывающем воедино разные нации, культуры, языки и менталитеты. Понятия Средняя Европа, Центральная Европа или Mitteleuropa не тождественны:они выражают разные политические, идеологические и культурные концепции и оттенки, связь отдельных наций и их резкие противоречия, но, с другой стороны, и тяготение к сближению, к единению, к общим представлениям и целям.

В нашем разделе публикуются и будут публиковаться статьи, эссе и размышления, восходящие как прошлому среднеевропейского литературоведения, среднеевропейской славистики в общем и русистики в особенности, так и к текущей науке о литературе, к современной среднеевропейской литературоведческой русистике.

Средняя Европа была уже с начала 20 века и особенно в 20-е и 30-е годы в определенном смысле перекрестком идейных путей. На ее территории встречались, переплетались и спорили разные, зачастую противоположные методологические подходы, развивающиеся в рамках философии, социологии, эстетики, искусствоведения, музыковедения, лингвистики, литературоведения и пр. Напомним хотя бы о некоторых ключевых явлениях, связанных с этой территорией. В моравском городе Простейов родился основоположник феноменологии Э. Гуссерль (1859-1938), в межвоенной Польше развивал его идеи на немецком и польском языках Роман Ингарден (1893-1970), вблизи Брно родился эмпириокритик Э. Мах (1838-1916), в моравском городе Пржибор (Фрейберг) родился основоположник психоанализа З. Фрейд (1856-1939), в Венском и позже чешском Пражском университетах преподавал социолог и философ Т. Г. Масарик, выпускник и приватдоцент Венского университета, позжепервый президент

Чехословацкой Республики, в городе Брно родился и выдающийся немецкий математик К. Гедель, вблизи Философского факультета Университета им. Масарика в Брно находятся на одной улице два дома, в которых в разные времена жили Карел Чапек (1890-1938) и Роберт Музиль (1880-1942), как бы символизирующие два национальных элемента, доминирующих в Средней Европе - славянский и германский.

Именно межвоенная Чехословацкая Республика представляет собой общеизвестный центр, в котором сталкивались идейные направления и импульсы, идущие с Запада на Восток, с Востока на Запад, а также с Севера на Юг и обратно. Еще в начале 20 века в пространстве Средней Европы сталкиваются Geisteswissenschaft, филологический метод, интуитивизм, разные типы психологического метода, французская эстопсихология, с начала 20-х годов русский формализм и позже чешский структурализм. Братиславский, Брненский, Пражский и Венский университеты стали местом методологических конфронтаций среднеевропейских и русских (эмигрантских) ученых, лингвистов и литературоведов: напомним, что в Братиславском университете предодавали Франк Воллман (1888-1969) и Ян Мукаржовский (1891-1975), позже профессора Брненского и Пражского университетов и бывшей Чехословацкой Академии Наук, что в Брненском университете читал лекции по русской литературе эмигрант-медиевист Сергий Вилинский (1876-1950), который в зимнем семестре 1913 года был на короткое время учителем Михаила Бахтина (1895-1975), чтоРоман Якобсон (1896-1982) стал в 1933 г. профессором Брненского университета; интеллектуальную атмосферу определяли лингвисты Н. Дурново (позже возвратился в СССР) и Н. Трубецкой.

И современное среднеевропейское литературоведение, в особенности славистика и русистика, основано на переплетении разнородных методов, подходов и приемов: среди них ведущее место занимают компаративистика (сравнительное литературоведение), генология (жанрология), транслатология, продолжают развиваться разные структурные и морфологические подходы, герменевтика и методы, основанные на рецепции (восприятии) и коммуникации. Таким образом, методологический плюрализм, отражающий среднеевропейскую бывшую и настоящую множественность, является характерным признаком Средней Европы в общем и среднеевропейской литературоведческой русистики в особенности.

Среднюю Европу можно определять с разных точек зрения, в том числе и географической; утверждается, что ее ядром является территория бывшей Австро-Венгерской монархии, но одновременно стало ясным, что само

понятие скорее культурное, чем политическое, идеологическое или географическое. Это феномен,втягивающий в себя разные культурные пласты, независимо от географического положения: такова, например,судьба русских, украинских и белорусских ученых в Средней Европе в межвоенный период; они способствовали возникновению особого методологического синтеза.

О Средней Европе существует огромная литература, которая, кажется, станет в будущем объектом некоторых наших исследований в этом разделе. В годы холодной войны казалось, что это понятие утратило свое значение и что Средней Европе изменили на Востоке и на Западе (М. Кундера). Конец 80-х годов 20 века в связи с советской перестройкой вернул надежду на определенное возобновление понятия и реальности Средней Европы: именно в Австрии были изданы сборники, позже возникает и специальный исследовательский институт (Вена),усиливается научное сотрудничество (Вена - Познань), работается над специальными проектами (Вена - Брно). Но одновременно ощущается и своего рода игнорирование Средней Европы со стороны великих держав и новые внутренние среднеевропейские напряжения в политике и экономике; появляется угроза, что Средняя Европа становится своего рода политическим, культурным и научным вакуумом. Надеемся, что этот раздел настоящего издания будет способствовать возобновлению интереса к этому сердцу Европы, хотя бы в узкой научной сфере.

G G G

Вариации на пушкинскую тему

Кафедра русского языка и литературы ФФУК в Братиславе выпустила Puљkinovskй interpretaiinй varibcie под редакцией Антона Элиаша.

ФЕНОМЕН «МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

А. Червеняк
(Словакия)

С тех пор, как опочеловек почувствовал, что с ним произошло что–то необыкновенное (позже он узнал, что в нем родился Homo sapiens), вплоть до наших дней, Человек стремится выйти навстречу Другому (по мнению философа Бубера, сущность Первого выявляется посредством Другого)[1], навязать коммуникацию с более численными человеческими структурами (с родом, народом, человечеством). Путь к осознанию себя частицей всей Природы, всего Социума и Космоса, был труден и тернист, но, наконец, он завершается успехом – человек чувствует себя сегодня их частицей и, чтобы совладеть с их стихийными проявлениями, моделирует разные формы европейской и всемирной интеграции ...

Разве может (художественная) литература и наука о ней (литературоведение) оставаться в стороне от этого исторического движения? Уже Й. В. Гете заметил, что «человечество вступило в новый этап культурного развития – этап формирования мировой литературы».[2] Интегрированному, универсальному человечеству должна сопутствовать универсальная, мировая литература. Путь к этому ведет от осознания трех форм литературы – национальной (littérature nacionale),сравнительной (littérature comparée) и генеральной (littérature generale), как это предложил Поль Ван Тигем.[3] Нужно отказаться от теории «замкнутых цивилизаций» А. Тойнби,[4] «эквивалентных цивилизаций» А. Герара[5] и стремиться к такому художественному эквиваленту мировой истории (к мировой литературе), который бы отражал глубинную связь между историей человечества и историей его художественного мышления.

Но как этого достичь? Что может стать (и является) краеугольным камнем теории и практики (антологии) мировой литературы? Ответом на эти вопросы нет конца ... По мнению Н. И. Конрада, основой мировой литературы могут стать универсальные человеческие идеи[6], по Б. Кроче – единство форм и структур вневременного и внепространственного значения[7], по М. Риффатере,– текст, способный структурировать новый текст (идея интертекстуальности)[8], по И. Т. Неупокоевой – комплекс художественных

артефактов, составляющих некую единую систему[9], по Е. Вон Тунку,– сумма наиболее репрезентативных произведений народов, всех наций[10], по Герару, – эстетическая ценность художественных произведений[11] итд. Учитывая сложность, даже невозможность найти общий знаменатель феномена мировая литература, Е. Лаатс приходит к заключению, что существует несколько мировых литератур, например, западоевропейская, индийская, восточноазиатская.[12]Кроче различал три концепции мировой литературы – космополитическую, которая имеет свой «универсальный язык», отличный от национальных языков, каноническую, состоящую из суммы репрезентативных произведений, и органическую как единство художественного творчества всего человечества.[13] М. Вайда считает, что мировую литературу нужно воспринимать в трех плоскостях – как историю идей, историю форм и историю художественных течений.[14] Чехословацкие (чешские и словацкие) ученые (И. Грабак, Г. Вольман, Д. Дюришин, И. Поспишил, М. Зеленка, К. Росенбаум, В. Сватонь, Ю. Копаничак и другие) внесли также свой вклад в разработку сложного феномена «мировая литература».[15] В Словакии вышла интересная монография Д. Дюришина – «Что такое мировая литература».[16]Ученый также рассмотрел в ней три концепции мировой литературы – селективную, адитивную и структурно–гомогенную. Да будет нам позволено остановиться на них более подробно...

А. Селективная концепция рассматривает мировую литературу как актуальную (а не историко–генетическую) ценность. Д. Дюришин утверждает, что «целью оценочно–селективной концепции мировой литературы является подбор тех литературных фактов, которые объективно содействовали развитию эстетических ценностей человечества» (33). Если учесть, что категория эстетического (как кантовой незаинтересованной красоты, с одной стороны, и активной идеологической, философской, этнической, сакральной, географической и тд. красоты, с другой стороны) принадлежит к самым сложным и запутанным понятиям эстетики и литературоведения, понятие мировая литература превращается в трудно уловимую, даже эфемерную реальность. Эстетико–этнические, мировоззренческие, философские, религиозные и прочие факторы (разнообразия) человечества не позволяют на сей день создать такой проект мировой литературы, который был бы приемлемым для всех.

Теоретически существуют два способа, как добиться, хотя бы на некоторое время, эстетического единства человечества:
а) ранне–американский, который предполагает насильственную

ликвидацию национальных культур, как это сделали европейцы после вторжения в Америку, чтобы из конгломерата некоторых культур (но – которых?) создать новую, общечеловеческую культуру по способу морсе (с соответствующими ей эстетическими качествами);

б) современно–американский, предполагающий медленную ликвидацию национальных культур (с их эстетическими традициями и современными качествами) форсированием рыночной культуры Голливуда, Лас Вегаса итп. Однако, вряд ли человечество (государства, нации, разные духовные регионы мира) пойдут на это. Оба способа селективности являются нереальными.

Надо сказать, что локальный (политический, научный, государственный и проч.) локал–патриотизм руководит сознанием и теоретиков литературы. Приведем два примера: монографию русского ученого В. Петрова «Реализм» и монографию германского ученого Герхарда Шульца «Романтика» – обе работы теоретического характера. Анализируя понятие реализма, Петров ссылается прежде всего на реалистические произведения русских авторов заключительного периода развития реализма, в которых реализм достигает такой высоты, с какой мы не встречаемся в иных национальных литературах. Поэтому нерусские реалисты упоминаются в работе лишь спорадически. Г. Шульц исследует процесс становления романтизма, который возникал в западноевропейских литературах (прежде всего в германской) раньше, чем в русской литературе, поэтому из русских романтиков он упоминает лишь А. С. Пушкина (три раза), М. Ю. Лермонтова (два раза) и Ф. М. Достоевского (один раз). С Гете мы встречаемся в работе 53 раза, с Байроном – 26 раз.

Данные подходы к реализму и романтизму обусловлены исходными позициями (интересами) национального, эстетического, философского, даже политического характера. Марксистская селективная концепция литературы, например, исходящая из ленинского учения о двух культурах, исключила не только из мировой литературы, но даже из литературы национальной всю сакральную и религиозную культуру. Хрестоматия «Чтение из мировой литературы» (Братислава, 1966) в ранг мировой литературы включила Радищева, Крылова (как врагов и противников самодержавия) и Пушкина, но не нашла места, положим, для Тургенева, Достоевского, Толстого. Современные селективно–прагматические концепции исключают из понятия мировой литературы многих корифеев русской литературы XX столетия (Шолохова, Горького и других).

Не исключено, что некоторые «генералы» греческой и европейской

литератур вошли бы во все хрестоматии и антологии, созданные по принципам селективности, однако, вырванные из более широких и глубоких литературных контекстов, они бы повисли в бессодержательном хронотопе бытия.

Является очевидным, что селективно–оценочная концепция мировой литературы ведет к созданию бесчисленного количества моделей, обуславливающих подбор фактов и ценностей. Каждая из них будет соответствовать представлениям и убеждениям круга реципиентов, для которых она предназначается. Поэтому приходится искать иную, более универсальную концепцию мировой литературы.

Б. Адитивная концепция мировой литературы представляет собой объединение (или же соединение) в одно целое всех продуктов литературного творчества человечества (сравни: словацкую Историю мировой литературы, 1963; югославскую восьмитомную Историю мировой литературы, 1973 и другие). Надо, однако, заметить, что адитивность проявляется в них только в композиционном (хронологическом) соединении материала, но в его подборе дает о себе знать та же селекция. Главным качеством суммативной концепции мировой литературы является ее фактографичность. Однако, вряд ли можно собрать все факты национальных (и донациональных, родовых) литератур, которые бы представляли идеальную (полную) модель адитивной, суммативной концепции литературы. Кроме того: если бы даже удалось этого достичь, человеческий разум неспособен «объять необъятное» (К. Прутков) всё равно, – так рассуждали мы вместе с Д. Дюришином. В наших рассуждениях мы исходили из научной ситуации 80–х– начала 90–х годов 20–ого столетия и не учли тех перемен, которые её ждали – появление компьютеризации и Интернета как средств коммуникации. Наши взгляды отражали доинтернетную адитивную концепцию мировой литературы.

С появлением Интернета ситуация принципиально меняется – наука о литературе сегодня способна собрать все факты всех литератур мира и вложить их в компьютерную память человечества. Если раньше трудно было себе представить, чтобы человек собрал, а бумага сохранила все, теперь эта трудность решена. Человечество способно сохранить для будущего весь свой духовный фонд, который сможет пригодиться нашим потомкам. Фитологи хотят сохранить для будущего каждое растение, зоологи – каждое животное и тд. Разве плоды человеческого духа менее интересны и менее необходимы для человечества? Человек пытается понять первые формы жизни (инфузории, неутрины, гены), чтобы понять её сегодняшние

и завтрашние биологические мутации; не исключено, что может возникнуть ситуация, в которой человечество сможет спасти (помочь ему) познание первых и последующих форм художественного сознания человека и человечества – художественные звуки, ритмы, междометия, слова, фразеологические единицы, темы, идеи, сюжеты, образы человека и мира, – которые человек воплотил в продуктах своего художественного и литературного бытия и сознания. Адитивная концепция мировой литературы периода интернета (интернетная адитивная концепция) представляется нам самым фантастическим музеем художественного духа человечества, в котором наши потомки найдут все, что создал человеческий художественный дух. Пусть они решают, что из сокровищницы художественной литературы мира поставят в центр, а что на периферию, что и как они оценят, исходя из своей космо–био–антропологической ситуации.

Из сказанного следует, что мировая литература представляет собой своеобразный художественный language (язык), который создается усилием всех носителей (творцов и реципиентов) художественного сознания человечества. Из сокровищницы такого языка может черпать каждое живое существо, но оно должно генерировать для себя свой художественный parole (речь). Интернетная адитивная концепция является теоретико–практическим, но не индивидуально прагматическим средством моделирования мировой литературы.

В. Третью концепцию мировой литературы Д. Дюришин охарактеризовал как «единство литературных фактов, между которыми действуют общие связи и отношения, которые каким–то способом генетически и типологически обусловлены» (26). В этой характеристике настораживают два момента – категория гомогенности и соединение генетического и типологического взглядов на категорию мировой литературы. Так как при подборе и характеристике материала сосуществуют две аксиологические сетки – историческая и актуализирующая, или же диахронная и синхронная, – важную роль в процессе структурализации мировой литературы играет процессуальность. Гомогенность, таким образом, все время развивается и меняется – она существует и не существует. Может существовать как некий консенсус в разных регионах и в разных системах мышления по–разному. Не существует потому, ибо наука не может считать научными такие формы интеграции, которые не учитывают и разные проявления онтологической и духовной дифференциации. Частное (человек) и общее (человечество) не идентичны. Интересы органического, неповторимого «Я» и моделируемого «МЫ» не представляют тождества.

Они едины только на весьма общем антропологическом плане (родовое сходство), но различны в плане социальном и духовном. У гроба Марии Исаевой Достоевский приходит к такому заключению: «Возлюбить человека, как самого себя по заповеди Христовой, – невозможно. Закон личности на Земле связывает. Я препятствует».[18] Интересы «Я» могут по необходимости подчиниться интересам «ТЫ», но из этого койнэ возникает третье («ОН») как плацдарм вечного бунта Я и ТЫ за свою аутентичность. История человечества – это бесконечная вереница прагматических договоров между «Я» и «ТЫ», которые сначала соблюдаются, а позже разрываются, потому что не соответствуют уже новой ситуации обоих. Такова участь постигает и все концепции мировой литературы. Все они – договор, калиф на час. Это, однако, не означает, что человек не может принять и благословить даже тот час, как надежду на вечность, выраженную в мгновении.

Мгновение нашей жизни, наш калиф на час внушает современному миру разные морально–философские инварианты глобализации – бесстрашного камикадзе, медитирующую нирвану, патриархальную чадру, энциклопедию просветителей, человекобога, счастливую Итаку, магический реализм, ротшильдовскую идею и тд., которые уже столетия, а иные тысячелетия доказывают свое преимущество перед остальными. Философия марксизма–ленинизма стала инвариантом национальных и мировой концепций литературы, которые отодвинули на периферию огромное количество ценностей, или же их табуизировали. Сегодня видное место заняла философия прагматизма, но может ли она стать философской основой (литературной) интеграции и глобализации? «Прагматизм, – пишут словацкие знатоки этого течения Ф. Мигина и Э. Вишньовский, – отражает сильные и слабые стороны американской (по мнению Г. Джеймса, отдельной) цивилизации... недовольство философией и теорией, которые слишком далеки от технологических выгод, политических компромиссов, стремления к личному счастью и комфорту».[19] Философия прагматизма проповедует «твердость и силу как условия для достижения прибыли и имущества», – рассуждает теоретик прагматизма Ф. Турнер и продолжает – ... способность (дар) практически и находчиво распознать моментальные выгоды».[20] С. Годгсон подчеркивает «чувство американского превосходства», он рекомендует такое понимание мира (научную онтологию), которое можно прагматически использовать – действительность «это только то, что мы познали».[21] Спрашиваем: может ли такая философия стать базой аксиологии, на основании которой бы возникла всеми приемлемая концепция и хрестоматия мировой литературы?

В ситуации постмодерна, который проповедует исчерпанность, закат, апокалипсис человечества и оправдывает до известной степени засилие рыночной цивилизации, отельной культуры, модных бестселлеров, духовного насилия, жестокости и беззащитности, которыми человечество кормят визуальные массмедиа, возникает необходимость создать такую концепцию мировой литературы, которая бы стала оплотом человечества и которую бы могли принять все течения современной культуры и литературы. Мы предлагаем два её постулата:

1. Искусство и литература являются проявлением и активизацией жизни (то, что направлено против жизни, исскуством не является)
2. Абсолютной ценностью жизни и литературы является человек – искусство ратует за человека и солидарность всех людей.

Это так называемая минималистическая, но реальная концепция искусства и мировой литературы. Мы отдаем себе отчет, что и в её адрес могут возникнуть возражения:

1. проявлением жизни являются и разные носители заболеваний – инфузории, микробы, раковые клетки и ткани;
2. может ли возникнуть солидарность между убийцей и жертвой? Нам кажется, что такие возражения в условиях «пира во время чумы» являются чисто академическими, неуместными.

Резюмируем: понятие «мировая литература», которую наша компаративистика считает конечной целью историко–литературного изучения и процесса, является в настоящее время «виртуальной реальностью», которая получает свое конкретное воплощение в каждом хронотопе по–своему. Можно принять для её модели несколько всеобщих постулатов (мы предложили два), направленных к аксиологическим качествам литературы. Создание теоретической модели мировой литературы (и её реализация), которые бы выражали и отражали гомогенность мира и литературы, является делом далекого будущего. Нам кажется, что в настоящее время самым продуктивным вкладом в разработку мировой литературы является идея Интернета: в условиях Интернета нужно создать в первую очередь полные суммативные сейфы национальных и региональных литератур. Селективные концепции являются, конечно, самыми реальными, но наименее приемлемыми. Пусть эти селекции моделирует современный и будущий ученый, роясь в виртуальной реальности всей суммы литературных явлений человеческой культуры, чтобы создать свою локальную, временно–пространственную концепцию мировой литературы.

Примечания:

1 Buber, M.: Já a Ty. Olomouc, Votobia 1995. 120 s.

2 Неупокоева, В. Т.: История всемирной литературы. Москва 1976, с. 67.

3 Tieghem, P. Van: Histoire littéraire de l´Europe et de l´Amerique de la Renaissance a nous jour. I. ed. Paris 1925.

4 Косминский, Е. А.: Историософия А. Тойнби. Вопросы истории, 1957, № 1.

5 Guerara, A.: Comparative Literature? Yearbook of Comparative and General Literature, 1956, VII., p. 3.

6 Конрад, Н. И.: Запад и Восток. Москва 1962.

7 Croce, B.: Litteratura mondial. Uvádzam podľa doktorskej dizertácie M. Zelenku – Problémy a perspektívy literárnovednej slavistiky (rukopis).

8 Там же, с. 39.

9 См. сноску № 2.

10 Tunk, E. Von: Illustriere Weltliteratur. Zürich 1954.

11 См. сноску № 5.

12 Laaths, E.: Geschichte der Weltliteratur. Mьnchen 1953.

13 Зеленка, М.: См. сноску № 7.

14 Vajda, G. M.: Principiální a metodologické otázky dějin světové literatury. Praha 1986.

15 Pozri kapitolu Heterogenita svetovej literatúry ako pojem a koncepcia v doktorskej dizertácii M. Zelenku, s. 104-131.

16 Ďurišin, D.: Čo je svetová literatúra? Bratislava 1992.

17 Ученый создавал свою систематику сравнительного изучения литературы и концепцию мировой литературы в бесконечных диспутах и разговорах со своими единомы ленниками. Его вниманием был почтен и я. Резюмируя, например, дискуссию о понятии «влияние», Дюришин написал: «Помогли нам его решить участники дискуссии о понятии „влияние" (М. Пишут, С. Вольман, З. Рампак, О. Чепан, М. Томчик, С. Леснякова, М. Галик, В. Марчок ... Н. Бассел, Н. Конев, З. Кратик ... но особенно – подч. А. Ч. – А. Червеняк, И. Гвищ, К. Томиш, Л. Вайдова, В. Дубцова, И. Мучка». Оживленные беседы с ученым мы вели и о понятии мировая литература. Его монография – это плод его ума и сердца. Но так как наши дискуссии проходили 15 лет тому назад, мы позволили себе в новой общественной и литературной ситуации продолжить нашу дискуссию о понятии мировая литература... .

18 Неизданный Достоевский (83). Москва 1971, с. 173.

19 Pragmatizmus. Editori: P. Višňovský, F. Mihina. Bratislava 1998, s. 13.

20 Там же, с. 11.

21 Там же, с. 14.

ЕВГЕНИЙ ХАРИТОНОВ В КОНТЕКСТЕ “НОВОЙ ВОЛНЫ” И РУССКОЙ ТРАДИЦИИ

Г. Бинова
(Чехия)

На протяжении десятилетий советской эпохи и советской литературы складывалось мнение, что русская культура беспола и аскетична. Эротизм воскрес в России на исходе XX века. Русский эрос выходит из подполья в середине восьмидесятых годов вместе с процессом социально-политических преобразований в стране. Восстановление секса как литературной темы связано с выходом из-под запрета так наз. “новой волны”, для которой характерно новое осмысление вечных тем. “Новая волна” в целом фиксирует обостренную эротизацию, отсюда бурный расцвет художественной эротики. В годы распада господствующей идеологии и эстетики (“новая литература” возникла в недрах андерграунда семидесятых годов) “новые” авторы ввели в культурный обиход целый ряд тематических комплексов, ранее табуизированных официальной культурой или имевших строго регламентированное освещение. Среди тем, с которых было снято табу, надо в первую очередь отметить темы, связанные с сексом, эротикой: эротическое вожделение (и нетрадиционного типа), изнанка семейной жизни и любовных отношений, сексуальная неудовлетворенность, проституция и т. д. Века воздержания принесли настоящий сексуальный бунт, вплоть до сексуальных излишеств и перверзий.

В русском постмодернизме, начиная с Набокова, можем найти немало фактов “смещенных сексуальных ориентаций”. В. Курицын говорит о “постсоветском разгуле “девианционщиков”, который является доведенной до предела общекультурной тенденцией”.[1] Действительно, “голубые”, “розовые” и транссексуальные мотивы фигурируют во всех видах искусств в разных жанрах. Эти мотивы в общем всегда имели место в мировой культуре, но нынешняя их концентрация такова, что “девиационность” превращена чуть ли не в первейший признак современности. Лояльность к гомосексуальности почти открыто провозглашена в качестве пропуска в “элиту”.

Причины такого рода радикализма кроются, очевидно, в крайней степени подавленности эротики в официальной советской культуре. Кроме

того, причины столь активной перверсизации новейшей русской культуры Курицын связывает с некоторыми принципами постмодернистской поэтики. "Затрудненность нормальных отношений между полами в постмодернизме связана, вероятно, с крахом идеи развития, а значит и продолжения рода";[2] достаточно вспомнить половую амбивалентность героя-гермофродита "обоего полу" из "Палисандрии" С. Соколова (в финале романа персонаж превращается в "оно"). Постмодернизм, ставящий под сомнение саму возможность дихотомии, принимает любые сексуальные практики; никакой тип связи не может претендовать на исключительность. Е. Радов сочиняет рассказ о своих интимных отношениях со специализированной надувной куклой-заменителем, искусственной японкой для любви – нынешним воплощением Вечной Женственности.[3] А. Рубцов пишет о судебном процессе над человеком, девиация которого определена как "геронтонекрогетерохромофилия, осложненная компрофагией и гомосексуализмом."[4] Исчезновение метадискурса, размывание бинарных оппозиций приводит к исчезновению каких бы то ни было жестких границ, в том числе границ между "мужским" и "женским". Подменяя реальность "симулякром" (симулякр – знак, не имеющий соответствия в реальности, копия без оригинала), постмодернизм переводит всякое действие, в том числе и эротическое, в принципиально виртуальную область знакового обмена; таким образом, постмодернистский секс – это чисто интерпретационная деятельность или солипсическая игра без основания для классификации, а значит, с отсутствием категории "нормы".

Однако на этом фоне "постмодернистского разгула", трактуемого в качестве "общекультурной тенденции", выделяется писатель, творчество которого нельзя подвести под какой-либо общий знаменатель. Речь пойдет о Евгении Харитонове, одной из талантливейших и одновременно самых загадочных фигур русского андерграунда. Как известно, главным препятствием на пути "новой литературы" к читателю был не инструмент цензуры как таковой, а цензура эстетическая или моральная (т.е. цензура общественного мнения, которую снять порой труднее, чем политическую или даже эстетическую). Творческая судьба Е. Харитонова является ярким примером как раз моральной цензуры, того, как внелитературный элемент компрометирует талантливую литературу. С именем Харитонова связана эмансипация однополой любви, выпущенная на свободу гомосексуальность, в том смысле, что его проза изображает не привычный нам гетеросексуальный мир, а мир гомосексуальный.

Обращение к гомосексуальной проблематике для многих авторов русского андерграунда было простым способом быть замеченным. Сексуальным меньшинствам требовалась реабилитация после долгих лет запретов и гонений. Та сексуальная жизнь, которую ведет большинство, -норма, часть повседневности, рутина. А любовь, в соответствии с культурными канонами, должна быть необычной, событийной. Преодолевать извечные запреты помогала и "экзотичность" материала, чем пользовались некоторые авторы. Так, на эксплуатации экзотической темы, откровенно эпатажного однополого мятежа построены произведения Э. Лимонова, во всем остальном писателя традиционного.

Не удивительно, что при жизни Харитонова не было напечатано ни одно его произведение: если гетеросексуальная эротика с трудом находила свое воплощение в литературе советского периода, то что уж говорить о гомосексуальных взаимоотношениях, которые относились к зоне запретного и порочного (в советском уголовном кодексе содержалась статья, в соответствии с которой гомосексуализм преследовался как преступление). З. Гареев, кстати, один из "новых" авторов, в творчестве которых гомосексуальная тема также занимает немалое место, пытается соотнести прозу Харитонова с традициями культуры, вчленив в своего рода ключевой сюжет-матрицу, в контексте которого он творил.[5] История литературы выработала культуру воплощения этого сюжета, перемещающегося во времени, начиная с забав Зевса с Ганимедом в баснях Лукиана, поцелуя пастушков в буколиках Вергилия, обожания юноши Федра премудрым Сократом в диалогах Платона (благодаря ему сюжет получил определение "платонический") к томлению Густава фон Ашенбаха, влюбленного в прекрасного Тадзио у Т. Манна, двусмысленной дружбы Раула и Фелипе в "Выигрышах" Х. Кортасара…

Однако Гареев забывает в этом ряду одно важное звено – Михаила Кузмина с его "Крыльями". Именно Кузмин был основоположником русской гомосексуальной культуры. Девяносто лет прошло от опубликования "Крыльев" (1906). Ныне, когда повесть была неоднократно переиздана в России, она так и не вошла в "обиход", во всяком случае "русский обиход", хотя ее высоко ценили Вяч. Иванов, А. Блок и др. Причина табуизирования прозы Кузмина связана не только и не столько с эстетическим своеобразием, сколько со специфической гомоэротической тематикой. В повести отразился гомосексуальный быт и автобиографический опыт Кузмина. Публикация его "Крыльев" вызвала скандальную реакцию. Идеологическая предпосылка, что гомосексуализм есть общественное и нравственное зло,

привела к тому, что Кузмина называли "порнографом", который осмелился "идеализировать противоестественный порок". Упрекали автора и за тот легкий, без отвращения тон, с которым он пишет об "извращенных аномальных людях". Но в том-то и дело, что гомосексуальный опыт Кузмина вступает в повести в конфликт с господствующей идеологией. Те герои, которые с точки зрения „нормальной" сексуальной ориентации должны были быть развратниками, показаны вполне нормальными людьми, рассуждающими о высоких нравственных, философских и эстетических вопросах.

Сюжет "Крыльев" основан на авантюрном путешествии: главный герой Иван Смуров, в экзистенциальном смысле бездомный и наивный по отношению к действительности, "неосознанный гомосексуалист", сталкивается с различными людьми и впечатлениями. Юный Ваня в своей гомосексуальной склонности характеризуется как человек чужой и посторонний по отношению к окружающему миру. В центре авторского внимания – душевное состояние героя на распутье, в процессе "coming-out", на переходе из гетеросексуального мира в гомосексуальный. Именно во время путешествия героя и знакомства с различными людьми и их взглядами на любовь и сексуальность происходит его пробуждение, освобождение от моральных препятствий. По мнению Франца Шиндлера, вся повесть представляет собой литературный документ "дискурсирования секса" в русском обществе.[6] В повести отражены различные концепции и модели любви и эротики как в жизни, так и посредством культурных аллюзий – и в каждой из них с эстетических позиций оправдывается свобода эротической практики. Наставник Вани учитель греческого языка отмечает: "Только циничное отношение к какой бы то ни было любви делает ее развратом..." Или высказывание молодой вдовы из среды старообрядцев: "Вот мужчины женщин любят, женщины – мужчин; бывает, говорят, что и женщина женщину любит, а мужчину – мужчина; бывает, говорят, да я и сама в житиях читала... Да и поверить не трудно, разве Богу невозможно вложить и эту занозу в сердце человечье? А трудно, Ваня, против вложенного идти, да и грешно, может быть (...) но тем, в которых есть вложенное, трудно, ах как трудно, Ванечка!" По Кузмину, любовь нельзя подвести под понятие "нормы", любовь независима от внешних обстоятельств, семейного положения и полов любящих. Старообрядка Мария говорит в повести: „Брак, брак, не то тайна, что поп благословил, да дети пойдут, кошка вон, и по четыре раза в год таскает, а что загорится душа отдать себя другому и взять его совсем. И если у обоих душа пылает, то и значит, что Бог соединил их. Грех с сердцем холодным или по расчету любовь творить,

а кого коснется перст огненный, что тот ни делай, чист останется перед Господом".

Единую, "стандартную" любовь Кузмин не приемлет, как не приемлет и единую монолитную культуру. Он выступает за плюрализм в восприятии природы и культуры. Гомоэротика оправдывается с эстетических позиций, как и любая другая форма эротической любви. У любви, и внебрачной, и однополой, всегда божественное начало, что подчеркивает и название повести – "Крылья". Главное для Кузмина – примат чувства, это главный критерий моральной оценки. Что касается "долга чадородия", то, по Кузмину, любовь не имеет другой цели помимо себя самой, она самодостаточна. Относительно "естественности" сексуальных актов писатель утверждает, что противоестественно как раз погрешить против природы собственного естества. Существует только норма божественной природы. Таким образом, М. Кузмин создал новую для своего времени концепцию любви и сексуальности. Он разрушает старые представления о сексуальной морали, формирует концепцию сексуальности, которая связывает гомосексуальность с дорогой к Богу. Гомосексуалисты для Кузмина – люди, которым доступна истинная индивидуальность, культурность, однако автор не идеализирует их, хотя в целом гомосексуальный мир ставится выше гетеросексуального. Но и в оценке гомосексуального мира проскальзывает ирония. Иронически рисуется внешность эстета Штрупа, в ироническом ключе звучит программное самовосхваление гомосексуалистов: "Мы – эллины..."

Именно модернизм в русской культуре начала столетия расширяет границы человеческой судьбы, включая сексуальность. Е. Харитонов был достойным последователем Кузмина в художественной разработке гомоэротики – факт, подтверждающий, что в истории русского эроса начало и конец века во многом перекликаются. Проза Харитонова, немыслимая в печати даже в эпоху перестройки, стала появляться только в девяностые годы: в центральных русских журналах неоднократно в начале девяностых годов печатались его рассказы. Однако настоящее открытие творчества Харитонова произошло после выхода в свет двухтомника его произведений.[7] В первую книгу вошли стихи и проза в том виде, в каком он собрал и выстроил их перед смертью; вторая включает разрозненные произведения, а также воспоминания и статьи о писателе.

Если по отношению к стилю Кузмина исследователи отмечали "прекрасную легкость",[8] то Харитонов – писатель высокого внутреннего драматизма, "странный рыцарь голубого цвета, певец уже не сексуальных

меньшинств, а гомосексуального одиночества, отверженности..."[9] В сознании андерграунда Харитонов оказался одним из мифов, фигурой, сосредоточившей в себе аскета, подвижника и юродивого, записанного посмертно в истеблишмент. "Певец подпольной Москвы" – так назвал некролог памяти Харитонова В. Аксенов. Жизнь и творчество писателя пришлись на годы застоя. Обреченный системой на тотальный запрет, он испытывал двойное изгойство: в социуме, как "запрещенный" объект (эта естественная, а не приобретенная инакость была тем тяжелее и мучительнее), и как эстетический субъект, отвергаемый привычными нормами литературного официоза. Более того, Харитонов, по выражению П. Басинского, был "чужим среди своих", то есть "другим" и в "другой литературе". Этот тупик сам Харитонов называл "домашним арестом" ("Под домашним арестом" – так называется и книга, оставшаяся после его смерти). Двойное изгойство приковало его на дно литературного андерграунда.

Снятие табу обычно отождествляется с прорывом к новому качеству. Харитонов закономерно переступает нормы, потому что харитоновский рассказчик в своем гомосексуальном влечении сам по себе антинорма, данная и неизменная. У С. Довлатова и Э. Лимонова есть устойчивая формула – "мы – неудачники", ибо герой "новой волны" чаще всего бродяга, бездомный аутсайдер. У Харитонова эта формула трансформируется в "мы – гомосексуалисты". Здесь опять двойственность: с одной стороны, нота гомосексуального избранничества, от которого один шаг до мессианства (этот мотив прозвучал в рассказе "В холодном высшем смысле", где автор сравнивает себя с Иоганном Богословом, правда, патетика сразу же, как у Кузмина в уже упомянутой фразе "мы– эллины…", снижается иронией); с другой стороны – гомосексуальное изгойство, когда общественная неустроенность неизбежно укореняется физиологически. Не случайно Гареев характеризует творчество Харитонова как "попытку соединить несоединимое; во всяком случае, с привычной точки зрения: эстета-автора с натуралистическим погружением его рассказчика в гомосексуальный опыт, когда секс становится как бы единственной причиной шокирующего детализирования."[10] В свободных текстах Харитонова все-таки чувствуется закомплексованность, которая прорывается неорганичностью и грубостью. Иногда эта проза запредельна по отношению к нравственности как таковой. Писатель порой в отчаянии осознает невозможность установить контакт с окружающим миром – отсюда брутальные, шокирующие эпатирующие пассажи (как, например, некоторые стилизации в духе В. Розанова – "Слезы на цветах"). Однако чаще эксцентричность и грубо-эротические описания

– это не типичная для “новой волны” “чернуха”, а своего рода баланс, уравновешивающий лирический шепот души героя, его почти детскую откровенность.

В целом, если говорить об эмоциональной атмосфере, харитоновская проза пленительна, исповедальна, человечна; не случайно. О. Дарк назвал его “романтиком, мечтателем, вечным напрасно и возвышенно влюбленным”. “Духовка”[11] – это повесть о чистой любви и одновременно самое трагическое произведение Харитонова, некая вариация на роман Т. Манна “Смерть в Венеции”. Это простое, бесхитростное повествование горожанина-интеллектуала о его чувствах к подростку-школьнику, об их летних встречах на фоне природы, о деревенских танцах, купаниях и одновременно о мучительной безответной страсти, не имеющей ни начала, ни конца, ни разрешения. Лирическому “я” Харитонова нельзя не сопереживать. Герой находится в лабиринте своих безвыходных чувств, приобретающих полноту страдания. Писатель тонко передает различные модуляции переживаний, хитрости и уловки, по-детски наивные надежды, иллюзии и разочарования, трепет сердца и ожидания, чтобы в финале оборвать все в чеховском духе – опустевшим домом, брошенным садом, несбывшимися надеждами, беспредельным одиночеством…Эстетизация простоты, безыскусности – обязательный элемент классического платонического сюжета – в “новой прозе” Харитонова сменились эмоциональным надрывом, болезненно воспаленным воображением, отчаянием. Его стиль нередко создает ощущение топтания на месте, статика подчеркивает безвыходность, но не снижает обаяния харитоновской прозы. Язык кажется бедным, характерно использование однокоренных слов и разговорных инверсий. Думается, упрощение лексики и сюжета было сознательным выражением боли и одновременно проявлением социальной апатии, бесперспективности (сюжет, собственно, прокручивается по безвыходному кругу) и своеобразной мести культуре (в смысле табуизирования брутальных сцен). Намеренно косноязычный и прихотливый синтаксис выявляет моменты бессилия слов, непроизвольной мимики душевного страдания. Однако этот убогий язык обнаруживает вдруг виртуозную гибкость и завораживающий стилистический артистизм, пропитывающий многие эротические пассажи неповторимым чувственным обаянием (ведь еще Эйхенбаум указывал, что вообще проблема эротики – это проблема стиля). Есть у Харитонова пленительные строки. Например: “Цветы – это то, чем растения любят друг друга”. Или горький харитоновский вздох: “Нет любви сладкой, с замиранием сердца, невозможной.

И привередливого меня. Квартира есть, вечер есть, молодости есть немного, а гостя хорошего нет".Часто Харитонов ироничен и самоироничен. Он долго не выдерживает высокой драматической тональности, его текст вдруг начинает пестрить лексическими снижениями типа "мущина", "цвэток" и т.д. (в этом ключе написаны рассказы "Один такой, другой такой", "Жилец написал заявление" и др.). В том же контексте возник самопародийный роман с профанирующим названием "Без трусов". Иногда в пределе одного предложения сталкиваются разные, порой противоположные чувства. Меняется приставка – и мука становится счастьем, безвыходность – надеждой. Для Харитонова органична эта перекличка противоположных переживаний, киномонтаж чувств (здесь, очевидно, проявилось его кинематографическое образование). В его прозе наблюдаем эффект полного совпадения авторской позиции с позицией героя. Он строил свои произведения так, что они вызывали иллюзию подлинного документа: письма, дневника, воспоминания.

Монотематичность в прозе – всегда литературный прием. Однако, как видим, Харитонов не вписывается ни в соцартовскую привязанность к идеологическим клише в духе Вл. Сорокина, ни в социально-бытовой и физиологический абсурд "чернушной" литературы. Харитонов просто оригинален. А если уж говорить о традициях, то, несмотря на экзотичность материала и некоторые постмодернистские приемы, его творчество созвучно скорее русскоклассической традиции в ее психологическом варианте, чем постнабоковской. Он, видимо, был единственным, кто сумел выразить душу "новой литературы" и не испортить ее ни позой, ни карьерой. Исповедальная проза Харитонова, противостоящая постмодернистскому письму с его редукцией высших чувств и разрушением эстетики в психологической глубине, уравновешивает и столь популярный в "новой волне""чернушный" вариант эротики, неразрывно связанный с грязью, несчастьем и ужасом пола, вызывающий чаще рвотный рефлекс, чем сладостное томление. В эротике Харитонова мы обнаруживаем то, чего так не хватает у других авторов "новой литературы" – искренность, человечность, банальную первозданность чувств.

Примечания:

1. КУРИЦЫН, В.: Русский Симулякр. К вопросу о транссексуальности. Литературная газета, 11, 1994, с. 5.
2. КУРИЦЫН, В.: О наших разногласиях по поводу постмодернизма. Литературная газета, 42, 1992, с. 4.
3. См. РАДОВ, Е.: Эрос, сын Афродиты. Московский рабочий, Москва 1991.
4. См. РУБЦОВ, А.: Предчувствие эры манипуляций. Симбиоз, Пенза 1989.
5. ГАРЕЕВ, З.: Его спасла литература. Литературная газета, 7, 1994, с. 5.
6. ШИНДЛЕР, Ф.: Отражение гомосексуального опыта в "Крыльях" М. Кузмина. In: Любовь и эротика в русской литературе XX века. Берн 1992.
7. ХАРИТОНОВ, Е.: Слезы на цветах. Сочинения. В 2-х книгах. Глагол, Москва 1993.
8. См. ХАРЕР, К.: "Крылья" М. Н. Кузмина как пример "прекрасной легкости". In: Любовь и эротика в русской литературе XX века. Берн 1992.
9. ПЕРЕМЫШЛЕВ, Е.: Вечернее чаепитие. Октябрь, 1, 1994, с. 183.
10. ГАРЕЕВ, З.: Его спасла литература. Литературная газета, 7, 1994, с. 5.
11. Вестник новой литературы, 3, 1991.

G G G

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЭРОС В КОНЦЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Д. Кшицова
(Чехия)

Среди проблем, выдвинутых в русской литературе на передний план с половины 80-х годов в связи с разрушением стен запретов в период перестройки, всплыла также долго умалчиваемая тема эроса. Исследованием данной тематики занимается в течение последних десяти лет брненский литературовед Галина Бинова. В течение работы над монографией на данную тему она написала несколько статей, изучающих данную проблематику с разных точек зрения. В начале 90-х гг.она накапливала материал, прочитывая русские "толстые" журналы: *Новый мир, Юность, Неву* и др. и постепенно приобретая книжные издания новой прозы. Особое вниманиеБинова уделяет писательницам Л. Петрушевской и В. Токаревой, а также целому ряду представителей т. н. "другой" литературы: В. Пьецуху, Е. Попову, С. Каледину, Ю. Красавину, В. Стукачеву, уже маститому писателю В. Астафьеву и др., т. е. всем тем, кто вместо плакатного образа соцреалистическоговидения мира, вульгаризирующего горьковский девиз "Человек - это звучит гордо", сосредоточивает свое внимание на темных сторонах человека. Его подполье часто проявляется именно в эротике, или, скорее, в сексе, в котором герой ищет экзистенциальную опору. Героями являются отнюдь не только люди дна, пьяницы или проститутки. Петрушевская изображает беспросветность тупого боя за выживание человека, утратившего опору в обществе (рассказ *Новые Робинзоны,* 1989). Ее герои проходят стадным образом жизни (*Свой круг,* 1988). Ее героини циничны и ожесточены жестоким миром, в котором извращаются и их материнские чувства. В конце-концов женщины не способны рожать. Героиня рассказа В. Токаревой *Первая попытка* (1989) знает, что ребенок, которого ждет, постепенно уменьшается и погибает, как и ее любовь.

Бинова обращает внимание на то, что самые слабые стороны современной прозы и поэзии связаны с любовными сценами. У представителей "новой волны" о подлинной любви вообще не приходится говорить.[1]

---

[1] Галина Бинова, *"Новала волна" и метаморфозы "вечной" темыв современной советской литературе*. Opera Slavica I, 1991, 22-29.

Подобное впечатление получает читатель своеобразной антологии, составленной видным прозаиком Виктором Ерофеевым -*Русские цветы зла* (Москва 1997). Он избрал в свою книгу рассказы двадцати двух авторов, начиная с представителй т. н."другой", т. е. эмигрантской литературы: Варлама Шаламова, Андрея Синявского, Сергея Довлатова и др., через "юродствующих" писателей Венедикта Ерофеева, Вячеслава Пьецуха и Евгения Попова, своеобразно ищущих выход из современного морального тупика, вплоть до писателей нового поколения, вступивших на литературную сцену только в 90-е годы наряду с теми, кто раньше не печатался, как и Виктор Ерофеев.[2] Из молодых прозаиков становится особенно популярным Виктор Пелевин. Показательно, что истинно чистую любовь, воспетую в свое время И. С. Тургеневым, Виктор Ерофеев находит в творчестве Евгения Харитонова, основавшего современную гей-культуру еще в 70- годы, когда гомосексуализм жестоко преследовался.

Основной, тон антологии Виктора Ерофеева, как и проз, анализируемых Г. Биновой, удручающий.Оба автора - Бинова и В. Ерофеев - ищут прообразы современной литературы в русской литературной традиции. В. Ерофеев их находит в творчестве Ф. Достоевского и в декадансе серебряного века. В качестве примера приводит сологубовского *Мелкого беса* (1907). Г. Бинова уходит еще дальше вглубь истории - к недрам русского фольклора, к традиции скоморохов, так как в официальной литературе любовная тема в течение долгих столетий табуизировалась.

В России, таким образом, возникла вследствие удручающй церковной и светской власти, совсем иная литературная традиция, чем на Западе. Физическая сторона любви считалась чем-то нечистым, с чем нужно было бороться. Такую позицию занимал еще зрелый Л. Н. Толстой (ср. повесть *Крейцерова соната* и роман *Воскресение*). Подобного мнения была и тогдашняя критика (ср. осуждение любовных сцен в *Воспитаннице* и *Грозе* Островского). Некоторые тексты эротического автора 18 века Баркова и дажеему же посвященная поэма Пушкина долгие годы вообще не печатались.[3] Наблюдения Г. Биновой можно было бы еще пополнить отсутствием в русской литературной традиции таких жанров, каким были любовные песни трубадуров и минесенгеров, а также т. н. "предрассветных песен" - любовной лирики, посвященной прощанию любовников после

---

[2] Ср. вводную статью Виктора Ерофеева, *Русcдкие цветы зла.* Там же, Москва, Изд. Дом *Подкова* 1997,7-30.

[3] Г. Бинова, *К проблеме "эротика и литература"в свете русской классической традиии.* Sborník prací filosofické fakulty brněnské univerzity, D 43, 1996, 99-106.

совместно проведенной ночи. Нечто такое, без чего вряд ли смог бы Шекспир написать замечательную сцену в *Ромео и Джульете,* было в сфере ортодоксальной церкви немыслимо. По тем же самым причинам в России довольно поздно развивается также светская драма. Театральный репертуар сохранял вплоть до второй половины 18-го преимущественно церковный характер. Совсем иное оформление, чем на Западе с его культом Девы Марии, приобретает в России образ Богоматери, положенный в основу того высокого поприща, на котором очутилась роль матери в русской художественной литературе.

Русскую прозу конца тысячетия принято сравнивать с русским серебряным веком. Г. Бинова в качестве наиболее наглядного примера приводит арцыбашевского *Санина* (1907), переизданного в России только в 1990 г. Она признает многие достоинства этого романа, главного героя, однако, упрекает в цинизме,[4] что на наш взгляд, не соответствует его трезвому, но способному на нежность характеру. Санин, действительно, новый человек, своим недогматическим мышлением во многом близкий современному юному читателю. Тем не менее роман Арцыбашева подвергся после издания резкой критике многих известных деятелей культуры,в том числе и Т. Г. Масарика.[5]

Характеристическим примером эроса в современной русской литературе Бинова считает также недавно найденный незаконченный роман А. Платонова *Счастливая Москва.* Произведение, которое писалось в 1932-36 гг. , сохранилось в семейном архиве и было впервые напечатано с огромным успехом в 1991 г. Как и современная русская проза, роман Платонова приобретает в финале антиутопический характер. Все идеалы героини рухнули, она сама стала обитательницей дна.

В тупике очутились не только герои современной русской прозы, но и сам основной материал, из которого они сотканы-художественный стиль. Поучительными стали поиски адекватной лексики, способной выразить тонкости любовных сцен. Бинова приводит целый ряд примеров русской литературы начала 20-го века и современной прозы русского заграничья, прежде всего из нашумевшего творчества В. Набокова. Ведь даже столь деликатная тема, которая затрагивается в его *Лолите,* получила форму

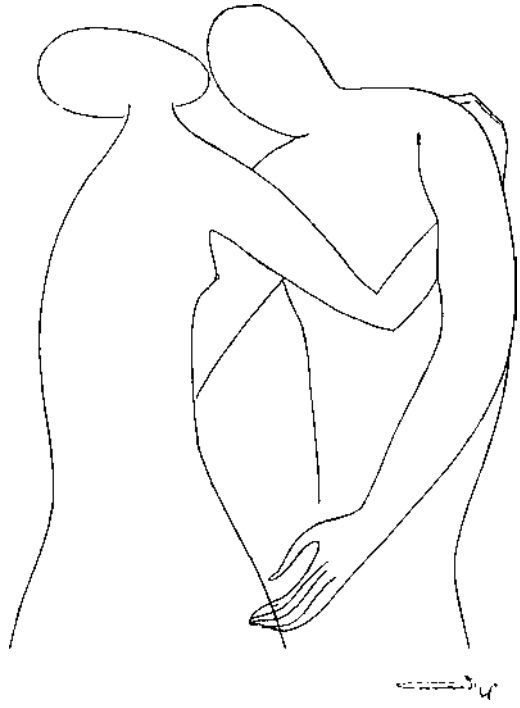
---

[4] Г. Бинова, *Русский литературный эрос сквозь призм у национального самосознания.* Litteraria humanitas 7, Brno 2000, 163-168.

[5] T. G. Masaryk, *Rusko a Evropa.* III, Praha, Ústav T. G. Masaryka 1996, 332-338. Srov. D. Kšicová, Erotika a smrt v podání Michaila Arcybaševa. Sborník prací FF BU, X 3, 2000, 130-131.

нежного воспоминания, лишенного всякого грубого натурализма, несмотря на то, что автор сомневался в самих возможностях русского языка. Несколько анекдотический характер имеет также пушкинский бонмот о том, насколько враждебен любви русский климат - слишком холодно зимой и излишне много света летом. Бинова задумывается также над возможностью большего литературного употребления мата. Она справедливо считает, что вряд ли это надежный и спасительный путь для дальнейшего развития художественной прозы.[6] Мат, как и все излишне натуралистическое или экзотическое, остается в литературном тексте лишь редкостным специ. Он сам по себе ничего не решает, как и любая другая материя, не подчиненная магическому заклинанию художественного творчества.

Vadim Sidur



6 Г. Бинова, *Русская литертуная эротика в поисках адекватного языкового выражения.* Sborník prací filosofické fakulty brněnské university, D 44, 1977, 69-75.

ГРОДНО КАК НОВЫЙ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ ЦЕНТР ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

(По поводу конференций и сборников гродненских литературоведов)

И. Поспишил
(Чехия)

Уже три серии издающиеся Гродненским государственным университетом им. Янки Купалы, посвящены взаимодействиям литератур в рамках теоретической и исторической поэтики. Обыкновенно двухтомник отдельных докладов содержит статьи разных методологических уровней. Составитель сборника, ответственный редактор и spiritus agens деятельности гродненских литературоведов Т. Автухович распределяет свои сборники тематически. Под ее руководством Гродно становится настоящим центром изучения упомянутой проблематики, связывающей воедино научные поиски Белоруси, Украины, восточной Польши и частично и России, иногда Болгарии и Чешской Республики (Брно). Методология разная: традиционных патетических, идейно-тематических статей старого стиля подавляющее меньшинство, преобладают скорее модные направления, но и вдохновение традицинными восточнославянскими идейными веяниями. Последнее издание подтверждает упомянутые выше свойства **(Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики. Материалы международной научной конференции 14-16 апреля 1999 года. В 2 частях. Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно 2000.Ответственный редактор: Т. Е. Автухович).**

Первый том открывается трезвой, конкретной статьей А. А. Звозникова о Пушкине как христианском поэте: автор очень осторожно подходит к этой проблеме, учитывая опасность слишком модного толкования:«...никакая новая приоритетная шкала ценностей в литературоведении, сама по себе, в отдельности, не раскроет всей полноты художественного мира. Полнота мысли пушкинского творчества может быть раскрыта лишь принимая во внимание уникальное гармоническое сочетание в нем новоевропейского гуманизма и христианства.» (с. 12). Брненская исследовательница Дануше Кшицова изучает с точки зрения междисциплинарности пушкинскую «Сказку о царе-салтане» с творчеством Римского-Корсакова и живописца Билибина.

О. И. Федотов (Москва) анализирует одическое десятистишие и его дериваты в русской строфике XVIII-XX веков, Т. Е. Комаровская (Минск) показывает новые поиски в литературоведении США, сравнивая его с обстановкой на славянском востоке: «На наш взгляд, в отечественном литературоведении и в литературоведении США сложилась в настоящее время уникальная ситуация: наши позиции впервые стремятся к некоему методологическому объединению.» (с. 37). Т. Автухович в ключевой статье сборника блестяще анализирует отношение риторики и романтизма, находя в них, поразительно, много общего. Проблемы взаимоотношения автора и читателя касается С. Г. Исаев (Новгород) на материале романа А. Белого «Петербург». Блестящей и идейно насыщенной является статья И. С. Скоропановой (Минск) о жанровом обновлении постмодернистской литературы: «Одно из последствий размыкания и децентрирования структуры – жанровое обновление литературы. В постмодернизме возникают необычные – гибридные, мутантные жанровые образования, еще не описанные, не систематизированные литературоведческой наукой. Нередко авторы-постмодернисты дают своим произведениям подзаголовки, являющиеся именно жанровыми обозначениями. Таковы роман-комментарий, роман-клип, роман-эссе, роман-странствие, конспект ненаписанного романа, двойной роман, реконструкция романа, роман-пьеса, отрывок из романа, примечания к примечаниям, метафизический панк, заметка к повести, фрагменты из... компьютерный дневник, мультипроза, опыты, палимпсест, рассказ-энциклопедия...» (с. 57).

Большое внимание уделяется в сборнике соотношению автора и читателя (второй раздел первого тома): летописный компонент у Пушкина (Н. Л. Вершинина), Пушкин и Овидий (М. В. Волощук), Пушкин и роман 18 века (О. Л. Калашникова), автор и «братия» в Слове о полку Игореве (А. О. Шелемова) , имидж автора (М. В. Михайлова), децентрализация и Г. Гессе (О. Б. Золотухина) и т. д. Постмодернистский дискур с обнаруживается в разделе „Цитата, реминисценция, мотив в структуре художественного текста” (проблема чтения, тема поэтической славы, трансформация цитаты в мемуарах, мотив «пути человечества» у Ибсена и Достоевского). Модная тема -диалог культур - представлена здесь несколькими статьями, в том числе анализами произведений раннего Гоголя, польского поэта Болеслава Лесьмяна, акмеизма, экзистенциализма у В. Быкова и сюрреализма в русской прозе конца 20 века.

Проблемы жанрологии (генология) не исчезают и в наше время: в сборнике они представлены в самостоятельном разделе второго тома,

например в статьях о контаминации в русской народной сказке (И. Жепниковска), об эпистолярном жанре (Б. Оляшек), об аллюзии у Голдинга (Н. Г. Владимирова), о роли агиографии в современном рассказе (И. И. Шпаковский) и т. д. Восточнославянские исследователи уделяют пристальное внимание и вопросам стиховедения и ритма прозы (диалог метафор, ритмические формы художественной речи и т. д.). Интересный материал находится в статье Р. Н. Костицына (Минск). Славянские миры Аполлинера (польское происхождение – имя Костровицки, до пяти лет говорил только по-польски, Москва для него была "la ville sainte", родовое имение Костровицких Дорошевичи находилось недалеко от Новогрудка, т. е. на территории современной Беларуси). Автор упоминает всевозможные славянские мотивы, забывая, однако, о мотиве Праги, которую, кажется, он включает в состав славянских городов (может быть, и справедливо).

В сборнике можно найти и другие разделы, в том числе поэтику прозы или проблематику человека в современном мире, но это не столь важно. Важнее всего то, что в гродненских сборниках наблюдается определенная тенденция к соединению усилий литературоведов на границе средней и восточной Европы. Кажется, что большему успеху способствовала бы более интенсивная концентрация тем и методов, определенное стремление, четкость и выразительность, может быть, и радикальность подходов. Во всяком случае, перед нами огромный корпус текстов как свидетельство своего времени и напряженных поисков новых путей.

Россия в центре внимания

С 29 июля по 3 август 2000 г. в финском университетском городе Тампере состоялся VI конгресс Международном совета для изучения Средней и Восточной Европы (International Council for Central and East European Studies). Можно напомнить о том, что первый конгресс после падения железногозанавеса состоялся в Великобритании (Harrogate, 1990), а следующий в Варшаве (1995).

Следует отметить, что с 60-х годов, когда эта организация возникла на Западе в качестве конкурента Международного комитета славистов (тогда еще под названием International Council for Soviet and East European Studies), стало ясным, что она будет ориентироваться на широкую сферу исследований, включая не только филологию, но, главным образом,

социологию, экономику, политологию, историю, этнологию и другие гуманитарные дисциплины, преимущественно социальные науки. В этом состоит различие между упомянутыми двумя международными организациями по изучения Средней и Восточной Европы и сегодня.

Программа каждого конгресса традиционно распределена в панели (panels), в которых выступают заведующий (chair), панелисты и дискутанты(panelists and discussants). Кроме экономики, политики, проблематики национальных меньшинств, прав человека, статистики и экономики, наиболее интересными были панели, изучающие постмодернизм и новые веяния в литературах средней и восточной Европы. В конгрессе принимало участие свыше 1800 участников, причем из России приехало свыше 500 участников (кроме того и из других стран бывшего СССР, даже из Узбекистана), большое количество русских участвовало как представители других стран (Великобритании, США, Австралии, и т. п.); можно предполагать, что здесь присутствовало около 800 русских. Вообще все было сосредоточено на России, включая и доклады политических лиц Финляндии. Можно было бы поспорить со многими положениями, но это скорее дело политиков и самих россиян и представителей России, чья политика здесь нередко обсуждалась критически, даже, кажется, агрессивно. В конгрессе принял участие и известный писатель и председатель Российского Пен-клуба Андрей Битов (автор этой заметки опубликовал интервью с Битовым в литературном приложении чешской газетые «Право» - «Салон») и белорусский оппозиционный деятель, тоже известный писатель Василь Быков, живущий сейчас в Мюнхене.

Учитывая недостаточное участие среднеевропейских филологов, можно заключить, что необходимо более тесное сотрудничество разных филологических организаций с этим советом, участие в его конгрессах и, в общем, более тщательная координация. Следующий конгресс будет через 5 лет (2005) в Германии. Новым президентом ICCEES стал профессор Лесли Хоумс (Leslie Holmes). Материалы конгресса были изданы в двух отдельных книжках (VI ICCEES World Congress, Tampere, Finland, 29 July - 3 August 2000;Abstracts).

G G G

КАК ПОДДЕРЖАТЬ ВНУТРЕННЮЮ МОТИВАЦИЮ В ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА?

А. Бердичевский
(Австрия)

Как известно, мотивация в изучении языка поддерживается его местом в системе образования данной конкретной страны. В современных условиях русский язык испытывает значительную конкуренцию со стороны других международных языков, в частности, французского и итальянского, что влечёт за собой сокращение объёма его преподавания, хотя в большинстве случаев он остаётся предметом изучения в различных учебных заведениях, в основном в качестве второго или третьего иностранного языка.

В связи с этим большое значение, особенно при обучении русскому языку в общеобразовательных школах, где ученики (читай: родители) могут выбирать его в качестве второго или третьего иностранного языка, приобретает *внутренняя мотивация*, или *ситуативный интерес,* связанные с постановкой учебного процесса: выбор интересного учебника, стимулирующей методики его преподавания, интересной организации урока русского языка, вызывающего желание продолжать его изучение и стимулировать к этому других, которые стоят перед проблемой выбора языка.

Как же с этих позиций можно сформировать внутреннюю мотивацию и положительную установку для изучения русского языка школьниками? Как проводить урок так, чтобы ученику было интересно в каждый отдельный его момент, чтобы ситуативный интерес закрепился и стал реально действующим положительным мотивом к изучению русского языка?

Как свидетельствует опыт преподавания, скуку на уроках, нежелание действовать вызывают:

- монотонность, однообразие деятельности, связанные с применением в основном фронтальных форм работы на уроке, отсутствие новизны в приёмах и содержании;
- непосильность заданий, их оторванность от имеющегося опыта, от интересов и потребностей учеников;

- работа на уроке лишь нескольких учащихся, в то время как остальные лишь пассивно присутствуют на уроке;
- отсутствие успеха в работе, неуверенность в своих силах;
- плохие, натянутые отношения с учителем.

Все эти моменты вызывают у ученика отрицательные эмоции, плохое настроение, снижают работоспособность.

Каким же образом можно повысить эффективность урока русского языка и тем самым поддерживать и интерес к нему?

Основные приёмы повышения эфективности урока, в том числе и за счёт новых направлений в методике преподавания иностранных языков, были описаны мной (см. Mitteilungen... Nr.67, Mai 1994, S.1-6; Nr.71, Mai 1996, S.1-9).

Здесь хотелось бы назвать ещё некоторые приёмы и методы, способствующие сохранению интереса к русскому языку.

Прежде всего следует подчеркнуть, что в настоящее время центр внимания методистов и учителей сосредоточен не на каком-то определённом методе или приёме обучения, а на самом ученике, на его личности, на тех приёмах, с помощью которых он может изучить язык лучше всего, с большей радостью и удовольствием. Отношение к учащемуся не как к объекту, а как к *субъекту* учебного процесса связано с правом выбора каждым из них собственной технологии овладения иностранным языком, с учётом особенностей его внимания, памяти, мышления, типа нервной деятельности.

Однако, говоря о радости и удовольствии от изучения русского языка, следует сразу же подчеркнуть, что учеников нужно приучать также и к тому, что любое усвоение знаний, в том числе и по иностранному языку, связано и с трудностями и напряжением и что радость и удовольствие можно получить и от преодоления этих трудностей и достижения успеха. Другой вопрос: нужно на каждом уроке демонстрировать ученикам эти успехи.

Поэтому в настоящее время мы говорим о *социально-психологической оптимизации учебного процесса* (А.А. Леонтьев), связанной с выработкой оптимального педагогического общения на уроке (общения учителя и учеников), создающего наилучшие условия для развития мотивации учащихся и творческого характера учебной деятельности.

Экспериментально установлено, что в памяти человека запечетлевается **до 90% того, что он делает, до 50% того, что он видит, и только 10% того, что он слышит**. Следовательно, наиболее эффективная форма обучения должна основываться на активном включении обучающихся в соответ-

ствующее действие. Для этой цели наиболее целесообразно использование так называемых *активных методов обучения*: суггестопедии, ролевых и деловых игр, мозговых атак (мозгового штурма), метода конкретных ситуаций, Fremdsprachenwachstum и других (см. А.Л. Бердичевский, статья в Mitteilungen... ; Nr.71, Mai 1996, S.1-9).

Социально-психологическая оптимизация учебного процесса связана с теорией учебных стилей, по которой дети с разными учебными стилями отличаются и характером восприятия учебной информации, и типом общения со сверстниками и учителями, и многими другими параметрами. Несоответствие между стилем преподавания учителя и стилем обучения учащегося приводит к конфликту стилей: то, чего учитель ожидает от учащихся на уроке, основывается на его собственных предпочтениях в обучении. И когда эти предпочтения не совпадают с предпочтениями учащихся, возникает конфликт стилей.

Учебные стили основаны на доминировании правого или левого полушария головного мозга человека. Учащиеся с доминированием правого полушария относятся к *коммуникативному, или рационально - логическому типу* изучения иностранного языка с лабильной нервной системой: они часто зависят от контекста, у них лучше развита непроизвольная и аудитивная память, они лучше воспринимают на слух и быстро запоминают материал (но быстро его и забывают), им часто нужен музыкальный фон, они не могут работать в полной тишине, не могут заучивать списки слов - им нужно связать их в рассказ, они с удовольствием составляют диалоги в ролевых играх, не контролируют правильность своей речи, поэтому у них больше ошибок в речи и т.д.

Эти ученики с удовольствием работают по современным учебникам русского языка коммуникативного типа.

Учащиеся с доминированием левого полушария относятся к *некоммуникативному, или аналитическому типу* изучения иностранного языка с инертной нервной системой: у них лучше развита произвольная и визуальная память, они должны обязательно увидеть новые слова и работают медленно, но зато на более длительное время запоминают материал; они могут работать только в полной тишине, лучше заучивают списки слов, тяготеют к логико-грамматическим аспектам языка - им нужно обязательно заучить правило, для них всё нужно писать на доске; они не любят составлять диалоги в ролевых играх, любят делать письменные переводы, слишком контролируют свою речь, поэтому у них меньше ошибок в речи и т.д. Попытки учителя вовлечь их в свободную беседу, особенно на первых этапах

обучения, редко имеют успех: эти ученики должны дождаться, когда они закончат запоминать новые слова и правила. Поэтому эти ученики (и учителя) больше тяготеют к учебникам, построенным по грамматико-переводному методу.

В классе однако редко бывают учащиеся лишь одного стиля обучения, поэтому учителю в своей работе необходимо опираться на оба стиля.

Каким образом можно это сделать?

Как известно, при изучении учебного материала ученики проходят через четыре стадии его усвоения, а именно: *ознакомление* (введение) - *тренировка* (закрепление) - *применение* (в речи) - *контроль* (тестирование).

В этом случае ознакомление можно осуществлять, например, следующим образом: ученики получают текст, в котором имеются новые слова. Учащиеся получают задание найти в тексте новые слова, выписать их, назвать их формы, перевести на родной язык. Это задание учитывает особенности как коммуникативного (связный текст), так и некоммуникативного (анализ текста, отдельные слова, их анализ) типа учащихся.

При тренировке, например, темы „Еда“ учитель может предложить сравнить меню двух ресторанов и попросить учеников сказать, в какой ресторан они пригласили бы своих друзей и почему (некоммуникативный тип) и провести интервью среди одноклассников и составить меню (коммуникативный тип).

Разница между типами обучения особенно ярко проявляется во время контроля изученного материала. Так, при письменных видах контроля, особенно при формальных тестах (например, при выборе подходящего ответа из ограниченного числа заранее заданных вариантов) в наиболее благоприятном положении находятся учащиеся некоммуникативного типа, а при устном - коммуникативного. Поэтому так важно сочетание этих двух форм контроля, ибо ограничение одной из них ведёт к искажённой картине уровня владения русским языком.

Вообще при постановке заданий, особенно для домашней работы, имеет смысл **предлагать ученикам несколько вариантов**, и они инстинктивно выберут тот, который будет соответствовать их стилю обучения. Это и создаст тот благоприятный социально-психологический климат, который будет способствовать поддержанию внутренней мотивации в изучении русского языка.

Большие возможности для самостоятельной работы по иностранному языку предоставлют современные *компьютерные курсы* на озвученных компакт-дисках, выполняющие роль языковых лабораторий. Эти курсы

могут взять на себя работу по ознакомлению, тренировке и письменному контролю изученного материала, особенно для учащихся некоммуникативного типа. В принципе всю тренировочную работу можно вынести на самостоятельную работу учащихся с компьютером дома, что в значительной мере освободит время в классе для речевой практики. В настоящее время существуют довольно удачные компьютерные курсы по русскому языку издательства „Златоуст“ в Санкт-Петербурге: „Компьютерные игры“, включающие активизацию лексики по темам „Дни недели“, „Месяцы“, „Еда“ и др. и „Тесты по русскому языку“, которые вполне можно использовать и в школе.

Литература:

1. Sonja Vandermeeren. Fremdsprachen in europaischen Unternehmen. Heidrun Popp Verlag 1998.
2. Wege nach Europa. Spuren und Plane. Friedrich Jahresbericht IX. 1991.
3. Грановская Р.М. Элементы практической психологии. ЛГУ, 1988.
4. Дэвидсон Д., Митрофанова О.Д. Функционирование русского языка: методический аспект. Москва, 1990.
5. Костомаров В.Г., Григорьева Л.Н., Хруслов Г.В. Функционирование русского языка: итоги, состояние, перспективы. Москва, 1990.
6. Бетти Лу Ливр. Обучение всего класса. Москва, 1995.

G G G

В личностно-ориентированном педагогическом общении основным объектом внимания становятся личностные особенности обучаемых.

АССОЦИАТИВНЫЙ ПРИНЦИП ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Н. Щипанская
(Словакия)

Прежде чем ответить на вопрос, как мы понимаем ассоциативный принцип в процессе иноязычного образования, необходимо изложить наши исходные позиции и тем самым ответить на вопрос, что именно нас побудило поднять данную тему:

1. В настоящее врем активно разрабатываются и расширяются глобальные, универсальные приемы иноязычного обучения независимо от того, о какой паре языков(родной и изучаемый) идет речь, естественно, есть технические средства и психолингвистические закономерности общего порядка, как и методы языкового преподавания..., но нет идеальных универсальных учебных пособий и извечных приемов, как и раз и навсегда данных учащихся, идеальных учителей. И сам язык не может быть неизменным. **Нельзя русский язык в среде славянской ставить в те же приемы и методы, что русский и неславянские языки.** Русский язык – близкородственный всем славянским языкам и не может быть cudzím или иностранным в полном смысле этого слова. Это контактный язык всех славян и язык мирового общения, сфера коммуникативной способности которого с каждым днем расширяется. Каждому славянину легче и проще овладеть русским языком, не говоря об элементарном взаимном понимании.

2. И так, русский язык в славянской среде находится в поле нашего внимания. Именно здесь сопоставительный метод находит свое максимальное применение. Но и сопоставительный метод в среде славянских языковых контактов с момента его возникновения и по настоящее время чаще сосредоточивает внимание на том, чем отличаются родной и русский язык, - реже на том, что общего в паре языков. А ведь первичным, исходным на начальном этапе, его основанием, должно стать именно то общее, что есть и в родном, и в русском языках. А расхождения – вторичный этап обучения, который опирается на совпадения, схожести. **Т.е. начинать не с того, что нас разделяет, а с того, что нас объединяет.**

3. Высказанное нами мнение не ново, но как бы отодвинуто на задний план. И в то же время оно тем более актуально, если исходить из положений Е.И.Пассова, что нельзя сводить преподавание народного языка к обучению. Мы говорим о иноязычном образовании и воспитании на широкой историко-культурной платформе, на диалоге культур. И с этой точки зрения, общеобразовательной и воспитательной, **преподавание русского языка в славянской среде представляет качественно и количественно иной материал и подход, чем во всех остальных случаях** (напр., западноевропейские языки, или кавказские, или финно-угорские ...) (Пассов, 1999).

4. С точки зрения общеобразовательных целей диаметрально расходятся обучение деловому языку и иноязычное образование. Интенсивные кратковременные курсы с предельно прагматическими целями обеспечить коммуникацию в узко деловой профессиональной сфере отдельных специалистов со всеми техническими возможностямии способами тестирования не имеют образовательного характера. Язык здесь выступает только как средство той или иной сферы профессиональных отношений, как средство приобретения и передачи необходимых информаций. В системе образования, воспитания и развития способностей ребенка освоение иного языка, в нашем случае, русского, является не только средством, сколько целью расширения общеобразовательного горизонта личности, не только ее умственно-логических возможностей, но и формирование эмоций, психики и этико-эстетических норм человека.

5. С момента утверждения функциональной грамматики стало принятым противопоставлять грамматике пассивной (традиционно описательной) грамматику активную (функциональную). Соответственно перестраивается и методика преподавания русского языка как не родного с традиционных пассивных методов и приемов на такие, которые активизируют, мотивируют, пробуждают интерес, обеспечивают функционирование русского языка в нерусской среде, т.е. убеждают в целесообразности его усвоения учащимися в самом широком историко-культурологическом смысле слова (Рогалева, Рогаль 1994).

6. Во всех наших учебных пособиях и публикациях, их обосновывающих, а также на всех наших конференциях и научно-методических встречах, мы чаще говорим о том, что мы хотим сделать, не решая и даже не поднимая вопроса: А что мы можем? Мы хорошо представляем, что мы хотим дать ученикам, не решаем: А что хочет и ждет ученик от нас? Мы идем к ученикам с тем, что знаем мы сами, но не задумываемся над тем, а что

они уже знают, а что они хотят знать. Т.е. мы не учитываем конкретность и возможности той ситуации, в которой начинаем учить. Только учитель может решить данную проблему, чтобы имели эффективное применение даже самые совершенные учебные пособия и технические средства. И часто возникает вечная проблема «отцов и детей», когда учитель оказывается в позиции старшего и мудрого, а ученик должен его слушать и слушаться. Но ученик – это уже иная генерация, со своими желаниями, требованиями и потребностями. Вот и получается: одно дело, что мы хотим, а другое дело, что мы можем. Не учитывать этого обстоятельства, значит не сделать ничего. Именно поэтому к основным моментам современной активной методики мы относим, во-первых , сотворчество ученика и учителя, а во-вторых, обучение в процессе деятельности и взаимного общения. Необходимы ситуации, которые разрешаются, осуществляются посредством изучаемого языка, а не просто искусственно имитируются в аудитории. Не от теории к практике, а **теория и практика неотделимы и взаимообусловлены с самых первых шагов освоения иного языка.** Ведь и в жизни каждого из нас осознание разделения на теорию и практику приходит в зрелом возрасте, а до этого мы познаем мир, не отделяя одно от другого, даже не задумываясь над этим.

«Парадоксально, но факт: в образовательных учреждениях задачи образования сведены до уровня обучения, т.е. прагматизированы до «усвоения знаний, умений, навыков», в то время как образование – это становление человека путем вхождения в культуру, когда, благодаря ее присвоению, он становится ее субъектом. ... **Проблема человека-идеала как цели образования не разрешима без ее связей с культурой.** Систему образования следует вообще рассматривать как общественный институт развития индивидуальности в качестве субъекта культуры. Культура, понимаемая как система ценностей и используемая в качестве содержания образования, становится тем пространством существования, благодаря которому человек может стать человеком духовным» (Пассов 1999)

Сопоставим данное высказывание Е.И.Пассова с мыслью выдающегося русского поэта 20 столетия и высокообразованного филолога Осипа Мендельштама в его статье «Разговор о Данте»: «Образованность – школа быстрейших ассоциаций» !!! Тем более иноязычная культура в системе образования должна опираться на ассоциативный принцип преподавания, когда эффективность любых методов, самых совершенных, попадает в прямую зависимость от ассоциаций, на которые мы опираемся и которыми

располагаем. А ассоциации, в отличие от учебных пособий и технических средств, индивидуализируются и конкретизируются не только в зависимости от пары соприкасающихся языков (родной – неродной, в нашем случае словацкий – русский), но и от конкретных условий семьи, школы, города, страны и, конечно от самого ребенка с его уровнем общеобразовательных ассоциаций и ассоциативным потенциалом. Вот почему для нас принципиально важно отделить обучение деловому языку от иноязычного образования. В сфере делового, профессионального общения ассоциации сведены к минимуму. Другое дело, освоение языка не только в системе присущих ему звуковых, грамматических и лексических норм, но в комплексе этнокультурных и социо-исторических ценностей, средством которых данный язык является, символизирует и реализует их. Тут не срабатывают универсальные методы делового языка, а необходимы Диалог культур и Сопоставительный метод. Именно так построен новый учебник русского языка для средних школ Словакии, авторами которого являются носитель родного языка Э.Колларова и носитель русского языка Л.В.Трушина (Колларова, Трушина 1995, 1998). Симбиоз двух таких авторов, каждый из которых по достоинству предоставляет свою культуру, является зарукой общеобразовательного уровня этого учебного пособия. Вышедшие приложения «Встречи с Россией» помогают учителям освоить вводимые новшества. И если он труден, то потому, что ни у учителей, ни у учеников не срабатывают необходимые ассоциативные связи между словацким языком и русским. Чтобы новый учебник работал эффективно, надо к нему подводить на уровне начальной школы, а ассоциации необходимо воспитывать с самого первого раннего соприкосновения ребенка с русским языком и с русской культурой. Дети в возрасте до 12 лет обнаруживают свои способности и удивляют своей всесторонней одаренностью; к языкам они, как правило, особенно любознательны и способны. Именно в детстве возникают и остаются на всю жизнь первые асоциативные связи на уровне подсознания и безусловных рефлексов. Наше подсознание независимее, упрямее и устойчивее, чем сознание. Осознанное видоизменяется по мере продвижения мысли, оно более логично и разумно. А подсознание живет в нас без нашего позволения и независимо от нашего желания, отличается эмоциональной независимостью и поэтому влияет на психику человека. Мы немногое знаем о подсознательных ассоциациях каждого из нас и вообще..., поэтому чаще удивляемся нашим ассоциативным связям, а не активизируем, не мобилизируем, не используем их. Ассоциации возникают и на уровне сознания и могут быть более или менее объективны, могут быть общими

или индивидуальными, но неизменно носят личностный характер. Мы говорим о **ассоциативном тезаурусе**, ассоциативном словаре (Волков 1994, 1997), о положительных и отрицательных ассоциациях, о мнимых «схожестях» (Магомедова 1999) – все это имеет непосредственное отношение к иноязычному образованию. **Ассоциации можно воспитывать, расширять, активизировать, обновлять или разрушать.** Воспитательный характер ассоциаций не подлежат сомнению. Это один из самых сильных импульсов к тем или иным побуждениям человека (Гасанов 1996). Так доазбучный период в иноязычном образовании становится наиболее естественно эффективным с точки зрения ассоциативных связей ребенка, открывающего мир и осознающего себя в нем. Именно в этом возрасте игра – состояние и способ жизни ребенка. Игровые способности сходят на нет с возрастом, уступая место труду и обязанностям. Школа игр (игровое обучение) нигде не находит столь максимального применения, как в возрасте до 12 лет. В этом же возрасте возникают самые первые и прочные ассоциации в жизни человека и открывают ему путь к образованию.

В Словакии вслед за учебником «Встречи с Россией» для средних школ издаются учебные пособия для основных, начальных школ, начиная с 5-ого года обучения. Но есть у нас языковые школы, где изучают русский язык на 3-ем году обучения в начальной школе, а есть школы, где русский язык как второй, неродной начинается с первого класса. И во всех случаях есть свой доазбучный период. Это и есть время особой любознательности и восприимчивости детского возраста, не говоря о том, что в порядке исключения русский язык может стать вторым языком и в дошкольном образовании (в детском саду с языковым уклоном или в семье ребенка, или просто по выбору родителей). Учителей доазбучный период затрудняет отсутствием программ, норм, учебных пособий; они остаются с собственной инициативой и фантазией. Педагогическое издательство Словакии обсуждает сейчас проект учебного пособия с целью обеспечить именно начальный, доазбучный период приобщения ребенка к русскому языку в словацкой среде с возможностью его использования в различный условиях. Это учебное пособие построено на ассоциациях, которые совпадают как в словацком, так и в русском языках, а возможно, и в иных славянских языках: украинском, чешском, польском и иных. Эти ассоциации восходят к устному народному творчеству славянских народов, и с ними мы встречаемся с самой колыбели: песни, игры, считалки, пословицы, поговорки ... Спонтанно, по ситуации они включались в первые языковые учебники для сельских школ в 19-ом и в начале 20-ого столетия. В новейших учебниках

и им предшествующих мы не обнаружили этих народных ассоциаций, которые являются, на наш взгляд, ключом к успеху в раскрытии любых тем и в применении различных методов.

Таково наше краткое теоретическое обоснование ассоциативного принципа в иноязычном образовании. В качестве вывода и иллюстрации вышеизложенного мы предлагаем аннотацию к проекту нашего учебного пособия для словацких детей, начинающих изучать русский язык (доазбучный период) под названием «Веселая карусель» – «Veselý kolotoč».

Наш проект учебного пособия для начинающих изучать русский язык ориентирован: 1) на условия Словакии; 2) на исходное нулевое знание русского языка; 3) на доазбучный период обучения; 4) на возраст детей от 3-х до 12-ти лет; 5) на любые формы обучения (индивидуальные, коллективные, дошкольные, школьные, внешкольные).

Принципы нашего проекта: 1) по Я.А.Коменскому основу языкового обучения составляют «Мир в картинках» - «Svet v obrazech» и игровое обучение – Škola hrou; 2) диалог двух культур (в данном случае, словацкой и русской) на основе народных словацких и русских игр и текстов; 3) ассоциативное обучение, когда ситуация, освоенная в родном языке, вызывает необходимые ассоциации в русском, что позволяет не только воспроизводить ситуацию, но и решать ее в русском языке; 4) обучение не посредством теории, а в практике общения на русском языке в совместной деятельности и обучающихся и обучающего; 5) предлагаемый проект может быть Первой книгой, Учебником для начинающих, Рабочей тетрадью, но в любом случае – это «открытая книга», с целью ее усовершенствования и пополнения как учителями, так и учащимися в процессе обучения; 6) проект включает тексты словацкие и русские, их комментарий, перевод отдельных слов и выражений, богатый иллюстративный материал и описание отдельных игр; 7) преимуществом данного проекта является возможность его двухстороннего использования, т.е. не только от словацкого к русскому, но и от русского к словацкому; 8) пособие «Веселая карусель» – «Veselý kolotoč» состоит из 15-20 тем (первоначально), каждая из которых объемом 2 страницы: 1. Колыбельная – Uspávanka. 2.Ладушки - Tapušky. 3. Петушок и курочка - Kohútik a sliepočka. 4.Коза рогатая - Koza rohatá. 5. Улитка - Slimák. 6. Божья коровка -Pánbožkova kravička, lienka. 7. Сорока-воровка кашу варила – Varila myška kašičku. 8. Кукушка - Kukučka. 9. Гуси, гуси - Húsky, húsky. 10. Сиди, сиди, Ваня - Ole, ole Janko ... 11. Пряталки-считалки Schovávačky-

vyčítanky. 12. Колечко, колечко... -Prstienok. 13. Испорченный телефон - Pokazený telefón. 14. В дорогу! - Na cestu! 15. Другие игры. 16. Сказки в ролях или сценки по мотивам русских сказок.

Рисунок Н. Рушевой

Литература:

Волков В.В. Введение в психолингвистику. Пособие по спецкурсу. Ужгород, 1994.

Волков В.В. Внутренний лексикон и идеиграфические словари. Пособие для студентов и учителей. Тверь, 1997.

Гасанов З.Е. Национальные отношения и воспитание культуры межнационального общения. «Педагогика», 6, 1996, с. 51-55.

Колларова Э., Трушина Л.Б. Встречи с Россией, 1-2, Братислава, 1996, 1998.

Kollarová E., Učebnica – a čo ďalej, Bratislava 1998.

Магомедова Т.И. Фонетические корреляции – основа прогнозирования и преодоления интерференции в русской речи словаков // Reflexie aktuálneho výskumu ruského jazyka, Nitra 1999.

Пассов Е.И. Коммуникативное иноязычное образование как развитие индивидуальности в диалоге культур Русский язык, литература и культура на рубеже веков. 9 Международный конгресс МАПРЯЛ. Братислава, 1999, с. 234-235.

Рогалева Э., Рогаль М. Словесная креативность - важный атрибут технологии обучения русскому языку как иностранному. Русский язык за рубежом. Избранные доклады 8 конгресса МАПРЯЛ в Регенсбурге. 5-6, 1994.

К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТА НА УРОКАХ РКИ

О. Виддова
(Словакия - США)

На следующих страницах мы бы хотели продолжить наше представление возможностей Интернета при преподавании РКИ (см. „Русский язык в центре Европы", 2/2000, с. 95). В нашей предыдущей статье мы привели несколько примеров российских вебсайтов, которые помогают учащимся при самообучении и расширении их лексического минимума. Но каким образом может учитель практически использовать интернет прямо на занятиях? По этому поводу мы бы хотели привести несколько методических предложений.

Американские учащиеся, с которыми мы занимаемся РКИ на вечерних занятиях (на курсах повышения квалификации), имеют доступ к Интернату как дома, так и прямо на уроках (отдельные классы оборудованы компьютерной техникой). Однако, даже в условиях обычного класса можно провести ряд заданий, связанных с Интернетом, примеры которых приводим ниже. В этом случае ученик просто готовит все необходимые материалы Интернета дома или в библиотеке, в качестве домашнего задания.

На наших занятиях оказался методически успешным и привлекательным подход , в котором используется форма интервью/ток-шоу между представителями разных культур России и США. Студенты выбирают две выдающиеся личности той-же самой сферы культурной деятельности и на основе информации, которую находят в Интернете, готовят интервью/ток-шоу, которое представляют перед остальным учащимся прямо на занятиях.

Наш опыт показывает, что подготовка и само проведение ток-шоу развивает у студентов все основные речевые навыки (чтение, аудирование, говорение и письмо), причем также расширяет их культурный кругозор и знания в целом. По нашему мнению для учащихся очень важно, чтобы они почувствовали, что их иностранный язык функционален, а не является только предметом изучения. Форма ток-шоу дает студенту возможность на иностранном языке действовать, а не только пассивно его воспринимать.

В качестве примера плана ток-шоу приводим урок, который мы посвятили двум известным представителям архитектуры Европы и Америки – ***Френку Ллойду Райту*** и ***Константину Мельникову.*** Нам кажется очень

важным, чтобы учитель выбирал для ток-шоу материал, который ученикам был хотя бы до определенной степени известен. Американские учащиеся знают Френка Ллойда Райта и его архитектурные шедевры, и многие встречались с его работами в прошлом. Так, например, в американских штатах Аризона и Висконсин находятся дома-музеи Френка Ллойда Райта, которые особенно часто посещают молодые люди, интересующиеся жизнью и деятельностью этого великого архитектора Америки. Наши учащиеся посетили в прошлом и Музей Гуггенхейма в Нью-Йорке, который был построен по проектам Райта. (Кстати, как, недавно узнали наши студенты в интернетовской версии российского журнала ИТОГИ, весной 2001 года в гостиничном центре „Венецианский“ в американском городе Лас-Вегас откроется российско-американский музей Эрмитаж - Гуггенхейм, создание которого входит в межправительственный договор, подписанный недавно в Санкт Петербурге.)

Имя Константина Мельникова для американских учащихся пока не известно. Чтобы ознакомить их с этим великим архитектором России XX века, мы представляем его жизнь и творчество на фоне творчества Френка Ллойда Райта. Таким образом, мы прививаем новые знания на фоне знаний уже приобретенных, и переплетаем незнакомое со знакомым, учим студентов строить ассоциации – мосты – от одной культуроведческой информации к другой, что, несомненно, помогает при «самоподдержимости» их знаний. Новый учебный материал легче запоминается, когда у студентов уже есть основа определенных знаний в этой области и к которой можно пристроить знания новые.

Итак, предлагаем план урока/ток-шоу с представлением творчества и жизни К. Мельникова и Френка Ллойда Райта.

Аудитория:

Учащиеся на продвинутом этапе РКИ

Источники:

Вебсайты о К. Мельникове и Ф. Л. Райте, содержащие биографическую информацию об архитекторах, примеры их сооружений, взгляды К. Мельникова и Ф.Л. Райта на архитектуру и жизнь, и т.д.

www.peoples.ru/art/architecture/melnikov
www.greatbuildings.com/architects/Konstantin_Melnikov
www.archi.ru/hist_exib/ex_texts/melnikov
www.itogi.ru/paper2000.nsf/Article/Itogi_2000_10_26_174842

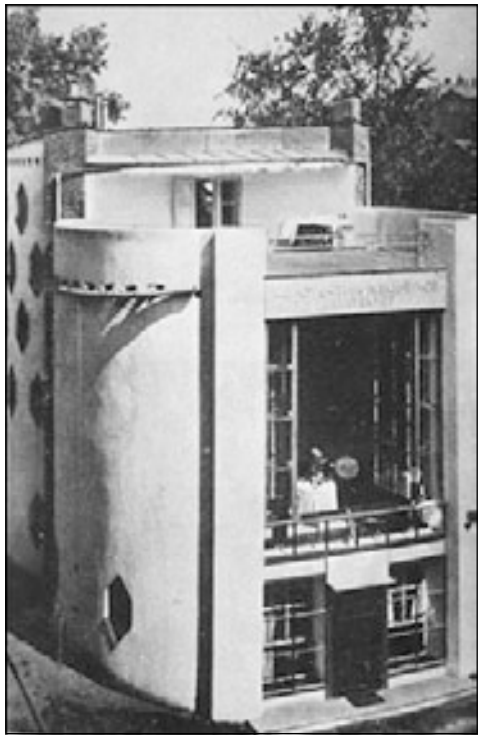
www.bk.tudelft.nl/d-arch/agram/melnikof
www.majorworks.com/wright
www.cypgrp.com/flw
www.taliesinpreservation.org
www.franklloydwright.org
www.pbs.org/flw
www.geocities.com/SoHo/1469/flw
www.archi.ru/mod_architect/fr_mi.htm

Цель:

Ознакомление с жизнью и деятельностью этих выдающихся архитекторов России и США, развитие речевых навыков учащихся при проведении ток-шоу, подобрание нового словарного запаса в области архитектуры.

План урока:

1. Представление учителем короткой информации о творчестве Константина Мельникова. Для подготовки используем вебсайт www.peoples.ru/art/architecture/melnikov. Вступление к теме можно начать отрывком текста из вышеуказанного вебсайта (что касается незнакомой лексики, то на уроке мы стараемся приучать студентов к пониманию из контекста, к охватыванию смысла текста в целом, чтобы развивать догадку и избегать необходимости постоянной подсказки учителем):



Мельников искал красоту. Это было его самым главным желанием в жизни. В 1927 году он построил дом-мечту. Свою мечту. Написал на нем: „Константин Мельников. Архитектор“. Сплетенный из двух цилиндров дом с сотообразными окнами-бойницами стоит в одном из арбатских переулков Москвы. Мельников перенес многое: славу,

зависть, одиночество, мировой триумф, варварство, безразличие и любовь…(текст продолжается, учитель выбирает отрывки текста по своему усмотрению).

Во время своего вступления учитель показывает фотографии зданий Мельникова (Дом Мельникова, Клуб Русакова, Российский павильон на всемирной выставке в Париже). Все фотографии можно загрузить из вебсайта www.greatbuildings.com/architects/Konstantin_Melnikov

2. В следующей части учитель объясняет, что студенты будут работать над подготовкой интервью/ток-шоу с представителями российской и американской архитектуры XX века – Константином Мельниковым и Френком Ллойдом Райтом.

3. Еще во время предыдущего урока учитель разделил класс на две группы – Архитектура России (Мельников); Архитектура США (Френк Ллойд Райт). В каждой группе назначается один учащийся, который будет ведущим ток-шоу и другой, который выступает в качестве гостя – самого архитектора. Остальные учащиеся – продюсеры, режиссеры, языковые редакторы и т.д.

4. Ведущие ток-шоу в каждой группе должны были в качестве домашнего задания познакомиться с работами «гостя» ток-шоу, а продюсеры и режиссер знакомятся с основными политическими и историческими событиями влияющими на деятельность архитектора. Языковые редакторы готовят словарь по теме, который в начале ток-шоу предоставляется «аудитории». Ведущий ток шоу дома готовит вопросы к гостю. Основой служат материалы, которые нашли продюсеры и режиссеры на вышеуказанных вебсайтах, список которых учитель раздал учащимся во время предыдущего урока (см. Источники).

5. Гость ток-шоу ознакомится с работами архитектора, которого он представляет, а также с его короткой биографией. Гость должен быть готов в общих чертах объяснить, каким образом повлияли события исторические и политические на «его» работы, и готов отвечать на вопросы о своей жизни.

Исходя из вышесказанного, ток-шоу предшествует значительная самостоятельная работа учащихся с текстами вебсайтов, где они отбирают информацию об архитекторах для устного общения на уроке, причем развиваются навыки догадки и прогнозирования текста. Кроме того, студент обучается быстрому нахождению необходимой информации в незнакомом тексте в интернете, и самостоятельно расширяет свою лексику.

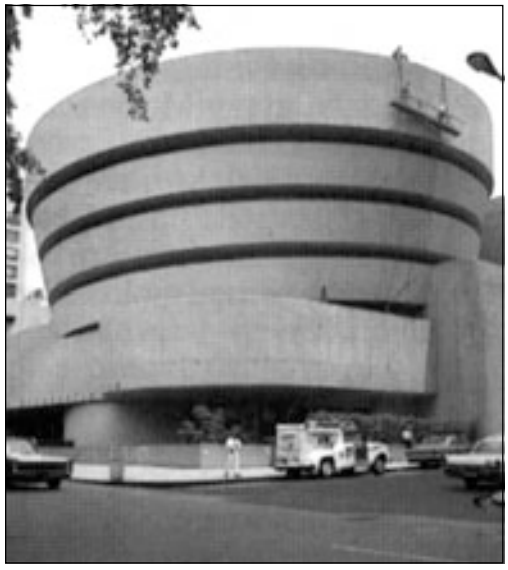
6. Каждая группа представляет свою ток-шоу перед всем классом. Учащиеся в «аудитории» сначала слушают разговор ведущего ток-шоу с гостем и готовят свои вопросы для архитектора.

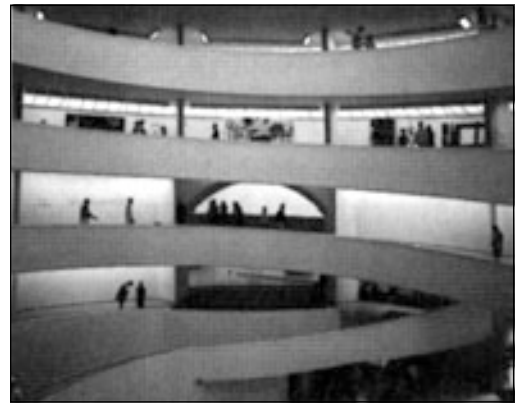
В процессе ток-шоу большое время уделяется не только аудированию, но и говорению, развитию речевых умений – в частности, при ток-шоу используем принцип полилога, где между собой разговаривают не только ведущий и гость, а также члены «аудитории». Полилог при нашем ток-шоу активно вовлекает всех учащихся в общение (у каждого студента есть возможность говорить – задавать вопросы), причем практикуются навыки переспроса (для правильного восприятия информации) и обрабатывается масса нового лексического и грамматического материала (каждый участник полилога вносит что-то новое). При говорении во время ток-шоу у студентов отрабатываются разные стороны речевой компетенции (выход в коммуникацию, техника говорения, и т.д.)

7. Учитель в процессе ток-шоу обычно находится «за сценой» – он внимательно наблюдает за непрерывным ходом обоих ток-шоу, и вносит дополнительную информацию о жизни или творчестве архитекторов, если это необходимо. Так, например, учитель может дополнить ответы гостя словами самого архитектора, которые, кстати, также опубликованы на вышеуказанных вебсайтах: *„Делать невозможное возможным - дерзость архитектора“. „Красота есть высшая практическая польза“. „Чтобы быть архитектором, и чтобы им быть по-настоящему, нужно не только красиво рисовать, но и красиво чувствовать, красиво думать и красиво жить и работать“ (здесь можно привести параллель с Белинским…). „Способные любить не могут быть глупыми“. „Бесценно то, что создано духом человека, не руками и даже не мозгом“.*

Однако, учитель не должен становиться лидером общения во время ток-шоу. Он уходит с преподавательского места и разрешает самым учащимся вести беседы.

8. Ток-шоу с Френком Ллойдом Райтом в другой группе проходит тем-же самым образом – с ведущим, гостем, режиссером, продюсерами, языковыми редакторами и аудиторией. Учащиеся подбирают дополнительную информацию об архитекторе в Интернете (см. список вебсайтов выше) во время их домашних занятий. Напоминаем, что словацким учащимся имя Френка Ллойда Райта тоже хорошо известно – из уроков эстетики в средней школе. Словацкий учебник эстетики для средней школы представляет творчество этого архитектора на примере здания Музея Гуггенхейма (в 9-ой главе, с.100).





Френк Ллойд Райт:
Музей Гуггенхейма

9. В заключение обоих ток-шоу можно попробовать объединить обе группы и организовать короткое интервью на определенную тему между гостями обоих ток-шоу. Так, например, учащиеся могут разыграть диалог между Ф. Л. Райтом и К. Мельниковым о частных домах, которые были построены ими самыми (Дом Мельникова на Арбатском переулке и **«Falling Water» Ф. Л. Райта** в американском штате Пенсильвания. И в этом случае

Интернет предоставляет исчерпывающую информацию и фотографии обоих зданий.) Учащиеся беседуют о различиях и сходствах между этими домами, выясняют, какие черты отличают данные здания от архитектуры России и США того времени, и т.д. Например, о доме Мельникова в Интернете приводится следующая информация, отдельные части которой могут служить введением к интервью:

«Если бы Мельников не построил собственный дом, его жизнь была бы, наверное, другой. Его единственный частный дом в новой советской России – признание власти, временное. Дом очаровывал завистников. Он восхищал друзей. Художник Грабарь, посетивший в начале 30-х годов семью Мельниковых, написал в книге посетителей: "Никогда не ловил себя на чувстве зависти. Хотелось бы так пожить!!!" Дом казался видением. Дети бегали по вертикали, спали в полукруглых комнатах, пили чай на веранде… Грозные тополя и липы прятали

Дом Мельникова

... интерьер

их от летнего московского зноя. Их детский мир был наполнен пением птиц и звоном колоколов соседней церкви. Дом жил жизнью московских дореволюционных усадеб. То есть жило его перетекающее по цилиндрам пространство свободы, света и красоты. За его

стенами было другое время. Время социалистического равенства. Все вокруг сравнивалось и равнялось. Дом – сбывшаяся мечта о семейном счастье. Мельникова невзлюбили. Запад считал его гениальным советским архитектором, ревнивое родное Отечество – западником и формалистом. Мельников остался один. И его дом стал его крепостью: "Я один, но не одинок: укрытому от шума миллионного города открываются внутренние просторы человека. Сейчас мне семьдесят семь лет, нахожусь в своем доме, завоеванная им тишина сохраняет мне прозрачность до глубин далекого прошлого". Так писал в 1967 году Архитектор, познавший только десять лет прижизненной славы и своей причастности к живому архитектурному процессу.»

В последней части урока/ток-шоу учитель проводит контроль изученного материала. Можно разработать письменные задания с разыгрыванием диалога об архитектуре, задание-письмо Мельникову и Райту об одном из зданий, которое особенно заинтересовало учащихся, задания на составление предложений с новыми лексическими единицами, представленными во время ток-шоу, или задания на проверку практических знаний о жизни и творчестве Мельникова и Райта, и т.д.

В заключение нам хочется выразить надежду, что Интернет скоро станет неотделимой частью учебного процесса при препо–давании РКИ и учителя откроют для себя широкий диапазон интернетовских возможностей с пользой для всех учащихся.

Интерьер дома Мельникова

ЛАТВИЯ: УЧЕБНИК В НОВЫХ УСЛОВИЯХ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Н. Трофимова
(Латвия)

С восстановлением независимости Латвии русский язык приобрел статус иностранного. В настоящее время в латышских школах его начинают изучать в качестве второго иностранного языка в 7 классе основной школы. Изменилась не только позиция одного предмета в системе других школьных дисциплин, но выдвигаются иные цели и задачи изучения русского языка, меняются его содержание и технология обучения – то есть требуется иная, новая методическая концепция, и, что не менее важно, нужен учебник, отвечающий современным задачам изучения русского языка в Латвии.

Такой учебник* для первого года обучения был подготовлен коллективом авторов и выпущен латвийским издательством «Zvaigzne» в 2000 году.

В ряду современных пособий коммуникативного типа учебник «**Слово 1**» отличается следующими новыми методическими идеями: во-первых, он построен на основе интенции – коммуникативного намерения говорящего; во-вторых, весь грамматический материал, обслуживающий интенции, представлен в моделях, на основе которых учащиеся строят самостоятельные высказывания: в-третьих, в учебнике заложено два уровня: для начинающих и для тех, кто уже в какой-то степени владеет языком.

Существующие в Латвии до настоящего времени учебники коммуникативного направления были построены на основе разговорной темы и речевой ситуации.

При тематико-ситуативном подходе во внимание принимаются только тема разговора и конкретные обстоятельства. Не учитываются ни цель беседы, ни собеседник. В этом случае приобретенные речевые навыки трудно использовать в других условиях, в другой сфере общения. По сути, такой подход,заявленный как коммуникативный тип обучения, не вполне соответствовал коммуникативным потребностям учащихся. Это, главным образом, и тормозило процесс овладения речью.

---

* Г.Питкевич, Н.Трофимова, Э.Исаева, А.Шмейсе. Слово 1. «Zvaigzne ABC» 2000.

Наиболее прогрессивным представляется **интенциональный тип** обучения. Он использовался в учебниках по русскому языку для иностранцев (напр., пособия для зарубежных школ М.Н.Вятютнева, Л.Л.Вохминой, С.Н.Плужниковой и др.) с 80-х годов, но не был востребован в Латвии, так как задачи изучения русского языка были иные. С изменением же целей и содержания предмета требовалось научить школьников результативному общению на иностранном языке за три года (7-9 классы).

Такая возможность открывается, если в основе и всего обучения, и конкретного урока будет находиться не разговорная тема, а речевое намерение говорящего.

Интенция – внеязыковая категория. Она – необходимый элемент общения и присутствует в общении на любом языке, в том числе, что очень важно, и на родном языке учащихся. Если за единицу обучения взять речевую интенцию, то сразу же снимается психологический барьер перед неизвестным в иностранном языке: ведь на родном языке учащиеся уже умеют осуществлять свое коммуникативное намерение, а в новых условиях необходимо лиш подобрать другие языковые средства.

Хотя интенция и не языковая, для ее выражения требуются строго определенные языковые конструкции. Например, чтобы представиться (сказать *кто я, как меня зовут*), надо в первом случае употребить личное местоимение и нарицательное имя существительное в именительном падеже, а во втором случае – личное местоимение в винительном падеже и собственное существительное в именительном; чтобы попросить или потребовать что-либо, необходим глагол в форме повелительного наклонения, а имя существительное – в форме винительного падежа, для выражения желания – модальные глаголы и т.д.

Понятно, что такой подход исключает традиционное системное изложение грамматического материала, но в этом на начальном этапе обучения и нет необходимости.

Учить говорить на основе интенции эффективно еще и потому, что она носит обобщенный характер. Количество разговорных тем неисчерпаемо, и каждая требует своего лексического наполнения и своих грамматических средств. Всегда останутся какие-то темы, которые не вошли в учебник, но, как оказывается, необходимы учащимся. Интенции же можно пересчитать, отобрать те, которые нужны в первую очередь, и – что самое главное – одна и та же интенция может «работать» в самых разных речевых ситуациях, а значит – и в рамках разных тем, например, поблагодарить можно одноклассника, родителей, учителя, незнакомого человека; эта благо-

дарность может быть высказана за совет, помощь, за подарок, письмо или доброе слово. В каждом случае будет использоваться разная лексика, но грамматическая конструкция, с помощью которой выражается данная итенция, останется одна и та же. Это позволяет учащимся использовать полученные знания в новых речевых ситуациях. В первый год обучения общение строится на основе 12 интенций.

Следует отметить, что организация материала на основе интенций делает обучение иностранному языку проблемным. Интенция как часть любого общения, предполагает творческое использование: реализация коммуникативного намерения в новых условиях требует от учащихся всегда нового, самостоятельного решения. Кроме того, латыши постоянно имеют возможность сравнить опыт речевого поведения, приобретенный на уроках русского языка, с собственным опытом, что ведет к пониманию традиций, обычаев, менталитета народа и, в конечном итоге, - к сопоставлению двух культур.

Грамматический материал, необходимый для выражения интенций, представлен в моделях. Модель, в отличие от схемы или предложения-образца, имеет обобщенный характер, поэтому на ее основе можно строить высказывания, совершенно разные по смыслу, например, *брат читает газеты, я люблю спорт,птицы приветствуют весну* – это все одна и та же модель. Кроме того, модель обладает большой «объяснительной силой» – с ее помощью легко можно не только объяснить многие грамматические категории, но и продемонстрировать их функционирование в речи. В первую очередь это касается функции имени и глагола, категорий рода, числа, падежа склоняемых частей речи, форм времени, наклонения, лица глагола, роли вводных слов в предложении и др.

В пользу модели свидетельствует еще и то, что ее саму не надо объяснять, она равна предложению, проста, понятна и всегда сопровождается примерами.

Материал, первого года обучения объединен в 15 моделей и предлагается к усвоению только практически, без введения терминологии, на протяжении 60 уроков. В модели даются понятия *субъекта речи* (обозначается как «лицо»), способы его выражения – именем или местоимением в именительном, родительном, дательном и винительном падежах, затем – *предиката* (в моделях он назван «глагол») и способы его выражения: простое и составное сказуемое. Распространители субъекта и предиката определили остальной грамматический материал: категории рода, числа и падежа существительных, прилагательных и местоимений, количественные

числительные, наречия места и времени, вопросы согласования и падежно-предложного управления, 15 моделей обеспечивают весь комплекс предложений, необходимый для выражения интенций, на основе которых строится первый год обучения русскому языку.

Создание учебника двух уровней – для начинающих и уже владеющих языком – обусловлено тем, что в Латвии есть русская микросреда (46% населения говорит на русском языке), и поэтому среди семиклассников – латышей встречаются учащиеся как владеющие русской разговорной речью под влиянием речевого окружения, так и с нулевыми знаниями.

В первой части учебника – обучение чтению – для учащихся, уже владеющих языком, есть специальные страницы, названные «Для читающих». Пока начинающие изучать русский язык учатся читать слоги и слова, грамотным учащимся предлагается работа с текстом, Тексты разные и по жанру, и по содержанию, и по стилю, и даже по уровню трудности. Есть стихи, есть сказки и притчи, есть небольшие рассказы. Предполагается, что учащиеся должны прочесть текст, и подумать над его содержанием, таким образом будет формироваться их языковое чутье, а это значительно облегчит в дальнейшем изучение иностранного языка.

На первом году обучения вряд ли следует стремиться к анализу художественного текста: учащиеся еще не сформировались как читатели, у них нет лингвистической базы, поэтому в учебнике нигде такая цель не ставится. А поскольку уровень владения языком читающих детей предвидеть невозможно, только сам учитель сможет дать к предлагаемым текстам такие дополнительные задания, которые будут и по силам его учащимся, и интересны им.

Во второй части учебника, где обучение строится на основе интенций, есть специальные разделы, предусмотренные для более подготовленных учащихся. Например, в разделе «Чего хочется, то и просится» интенция *как попросить* предлагается всем учащимся, а *скрытая просьба* – только сильным. Кроме того, для них обязательно задание, завершающее каждый раздел – «Прочитай самостоятельно со словарем», а начинающие изучать русский язык эти задания могут опустить.

Исключительно сильными учащимися предлагается и комикс. Комикс как составная часть учебника используется впервые, он и полностью автономен в ряду остального учебного материала, и, вместе с тем, имеет к нему прямое отношение.

Комикс выдержан в рамках жанра: это история в картинках с занимательным сюжетом в духе русских народных сказок. Там действуют

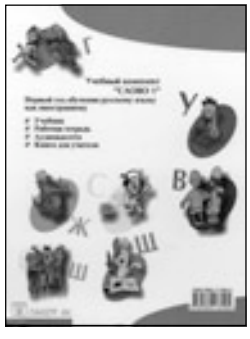
злодеи: Баба-Яга и Кощей Бессмертный, против них, как полагается,- Василиса Премудрая. Добро, конечно, побеждает зло. Сказочный мир переплетается с современными реалиями: дети Маринка и Дима, профессор Кузнецов, грамматика, компьютер, виртуальное пространство ... На самом деле комикс – это не просто сказка для забавы. В нем ставится и решается важная лингво-методическая проблема: что такой грамматика, почему она в «огне не горит и в воде не тонет» и для чего она нужна, почему профессор онемел, когда узнал, что у него украли грамматику. Таким образом, этот сюжет в картинках дает нам два уровня информации: первый – внешнее развитие действия, кто куда пошел, с кем встретился, что случилось дальше, чем дело кончилось; второй уровень – подтекстовый, ключевая его мысль: грамматика – это наука, ее нельзя ни украсть, ни уничтожить, можно только владеть ею, т.е. знать или не владеть, т,е, не знать, и нужна она всем, ибо без нее не научишься говорить.

Для начинающих изучать русский язык достаточно первого уровня информации. Комикс представляется им для свободного самостоятельного знакомства.

А вот для владеющих русским языком комикс – это один из видов учебных заданий. Им недостаточно познакомиться с сюжетом, они в состоянии увидеть подтекст, и продолжая реплики героев, раскрывать свои творческие возможности – самим стать соавторами сказочной истории.

Следует отметить, что два уровня учебника, его интенциональная основа и грамматические модели вытекают из коммуникативных потребностей учащихся. Внимание акцентируется не на системе языка, а на его использовании, что и формирует коммуникативную компетенцию.

Новый тип учебника востребован жизнью, так как позволяет интенсифицировать обучение русскому языку как иностранному таким образом, когда знания и навыки, приобретенные в рамках одного предмета, могут быть использованы в любой жизненной ситуации.



G G G

РАЗВИТИЕ МОНГОЛЬСКОЙ РУСИСТИКИ ГЛАЗАМИ ЧЕШСКОГО РУСИСТА

З. Окунек
(Монголия - Чехия)
(Печатается в сокращении)

Интерес к своему северному соседу, к его национальной культуре, и собственно к русскому языку, имеет у монголов глубокие исторические корни и сложившиеся традиции.

Еще в начале нашей эры уже имело место общение и взаимовлияние предков монгольского и русского народов. В XIII веке русская речь заимствовала в те времена многие монгольские слова (караул, ямщик …).

Организованное распространение русского языка в Монголии начинается с 20-х годов XX столетия. С 1922 года в Иркутске, Улан Уде, Кяхте, Ленинграде, Москве и других советских городах обучалась народная интеллигенция, монгольские учителя и преподаватели. В конце 40-х годов русский язык изучался уже во всех школах Монголии.

Проведенное нами анкетирование, которое охватило территориальное большинство городов и аймаков, показывает, что в настоящее время 67,5% опрошенных читают и понимают по-русски, 45% - пишут, 44,85 – аудируют и 33,7% разговаривают на русском языке. 74% опрошенных утвердительно ответили на вопрос «Используете ли Вы русский язык?». 20% - используют русский язык ежедневно, 22% - несколько раз в неделю, 17,2% - несколько раз в месяц, остальные – с иной периодичностью (15,6%).

Полифункциональную роль русского языка в сфере духовной культуры демонстрирует объем реализации литературы на данном языке. 50% книжного товарооборота составляет литература на русском языке. Вся (вместе взятая) литература на других иностранных языках составляет лишь 0,1% всего книжного товарооборота. Анкетирование, которым охвачено 13 аймачных и городских центральных публичных библиотек, показано, что 21% всех фондов составляет литература на русском языке, тогда как литература на других иностранных языках составляет 0,4%. Фонды этих библиотек пополнились в 1989 году 9-ю тысячами книг на русском языке, что в 53 раза больше литературы, поступившей на других иностранных языках.

В период с 80-х годов по начало 90-х (III срез) глубокие перемены в социально-политической и экономической жизни страны, возрождение национального самосознания и старых народных (религиозных) традиций, обращение к исконной монгольской вертикальной письменности и активный поиск выхода на международный экономический рынок не могли не оказать влияния на саму систему народного образования и на преподавание русского языка в частности. В связи с этим, предпринимаются усилия для пересмотра многих положений в области народного образования. В 1987 году в вузах страны отменяется государственный экзамен по русскому языку, а в 1988 году – в школах. Отменяются радио- телекурсы русского языка. В 1989 году прекращаются контракты всех советских (по старому названию) специалистов русского языка высшей школы.

Однако в 1995 году впервые принят Министерством образования и науки официальный документ Монголии «Политика и основные направления в области преподавания иностранных языков». Согласно данному документу в качестве основных (т.е. правительство берет на себя подготовку учителей по данным языкам, учебники и учебные пособия издаются за счет государства и их преподавание является обязательным) иностранных языков остаются русский и английский языки во всех учебных заведениях разных ступеней страны. Английский язык будет в дальнейшем пользоваться приоритетом среди иностранных языков, преподаваемых в стране. Но русский язык же остается со своим статусом основного языка. Причин тому, на наш взгляд, несколько:

- интерес к России, русскому языку у монголов имеет исторические традиции;
- географически Россия и Монголия – самые близкие соседи;
- отношения между Россией и Монголией всегда были и остаются добрососедскими (если не считать некоторого рода охлаждения в 18 в. И антисоветский, антироссийский настрой в некоторых слоях общества приблизительно 1989-1992 гг.)
- развитие разносторонних контактов между Россией и Монголией в новых экономических условиях (Россия – один из самых реальных экономических партнеров Монголии);
- русский язык все еще остается главным источником получения информации, что обуславливается следующими причинами: во-первых, достаточно хорошие знания русского языка и недостаточно хорошие знания английского языка у интеллигенции, в том числе и у среднего монгола. Во-вторых, серьезная научная литература, журналы, газеты на русском языке в Монголии пока преобладают над аналогичными изданиями на английском языке. Это объясняется, прежде всего,

ограниченными финансовыми возможностями приобрести последние, а также адекватным переводом научно-технической литературы на русский языек.

К этому следует добавить , что в настоящее время по всей стране транслируются на русском языке программы телеканалов ОРТ, РТР, продолжительность которых 12 часов в сутки, тогда как телепрограмма на английском языке – одна, это программа CNN, транслируемая в среднем 6-7 часов в сутки.

Нелишне отметить достаточно высокую профессиональную подготовку монгольских русистов как в теоретическом, так и в политическом плане, хотя русский и монгольский языки относятся к различным языковым семьям.

ПОЛОЖЕНИЕ РУСИСТИКИ В ЯПОНИИ

Масахару Ура
(Япония)
(Печатается в сокращении)

В Японии очень мало университетов, имеющих отделения русского языка и литературы. Еще мало таких, где имеется аспирантура по русской литературе. Среди них прежде всего нужно назвать Токийский государственный университет, государственный институт иностранных языков и Институт иностранных языков города Кобэ. Они в основном и готовят специалистов-русистов в Японии.

В 1950 году была основана «Японская ассоциация руссистов». Число членов в настоящее время более 400. Каждый год организуется конференция, на которой делают доклады многие молодые аспиранты. Что касается изучения русской и советской истории, то у нас есть «Общество исследователей русской истории», а в области русской политики и экономики – «Общество русистов и славистов» и т.д.

Русская литература оказала огромное влияние на становление новой японской литературы через переводы. Не будет преувеличением сказать, что новейшая японская литература не могла существовать без контактов с русской литературой. Основоположник новейшей японской литературы Фтабатэй Симэй изучал русский язык в Токийском училище иностранных языков (на базе которого позднее возник Токийский институт иностранных языков) и там увлекся русской литературой. После окончания училища он переводил произведения русских классиков 19-ого века, одновременно

с самостоятельным литературным творчеством в качестве первого японского профессиального писателя. Общепризнанно, что он создал современный японский литературный язык с помощью перевода рассказа И.С.Тургенева «Свидание».

Русская литература сыграла большую роль не только в жизни Фтабатэя, но и в литературной жизни других японских писателей. В Японии особенно любили русскую литературу, прежде всего русскую классическую литературу. Об этом свидетельствует тот факт, что в Японии существует несколько вариантов переводов полного собрания сочинений Ф.Достоевского, Л.Толстого и А.Чехова.

Но к концу 60-х годов в японской русистике произошла существенная перемена. Такие политические события мирового масштаба, как разоблачение Хрущевым преступлений Сталина на XX съезде КПСС и хрущевская «оттепель», не оставили в стороне и японскую русистику. Были переведены произведения Солженицына, говорящие правду истории, антиреалистические повести Андрея Синявского, проза и стихотворения представителя рассерженной молодежи Евгения Евтушенко, драгоценное свидетельство времен Ильи Эренбурга и т.д., и надвинулась на берега Японии новая волна русской литературы.

Резкая перемена, вызванная горбачевской перестройкой, в сущности, не внесла существенных изменений в японскую русистику, хотя она очень обрадовала японских русистов. Что касается впервые опубликованных произведений писателей, незаконно запрещеных в свое время, то они были уже известны из зарубежных изданий. В Японии уже давно умер миф о социалистическом реализме, и в него никто не верил. В этом смысле в перестройке было мало неожиданного, хотя было много радостного. Однако крах советской власти в 1991 году, последующие хаотические события и самые разнообразные достижения культурной жизни внутри России повлияли на темы и сферы исследования молодых японцев.

С одной стороны их все сильнее стала привлекать современная русская литература, представленная Л.Петрушевской, С. Довлатовым, В. Пелевиным, В.Нарбиковой и т.д. и с другой стороны, стало ощущаться неотразимое притяжение к традиции сокровенной русской мысли, скажем, русскому космизму.

Итак можно отметить, что японская русистика развивалась и развивается в направлениие разнообразия и углубления, но старые японские русисты разделяют одно общее опасение. Я имею в виду распространяющееся равнодушие молодого поколения, равнодушие к художественной литературе. Сейчас оно наблюдается во всех возрастных категориях японцев, но особенно это заметно среди молодежи. Юноши не читают книг,

они обходят литературу, непосредственно занимаются темами политическими или проблемами международных отношений, или русскими мыслями и культурой, не связанную с литературой.

Возьмем в качестве примера наш Токийский университет. Ежегодно к нам в университет поступает 3500 студентов. Как правило, они выбирают английский в качестве первого иностранного языка. У нас в университете как второй иностранный язык преподаются шесть языков, а именно: немецкий, французский, китайский, испанский, русский и корейский.

В самый разгар перестройки, во второй половине 80-х годов, русскому языку обучалось около 200 студентов. Но после этого число занимающихся русским языком стало уменьшаться и продолжает снижаться до сих пор. Так, в 1992 г. русский язык изучали 106 студентов, а в 1995 г. число студентов сократилось до 68. В этом году русскому языку обучаются всего 37 студентов, что составляет только 1% от общего числа всех поступавших студентов.

В отличие от этого за эти годы значительно увеличилось число изучающих китайский язык. В 1992 г. их насчитывалось всего 323 студента (около 9%), в 1995 г. – 747 студентов и в 1996 г. – 897 студентов. В этом году китайским языком занимаются 859 студентов.

В целом, среди первокурсников 37% студентов обучаются немецкому, 26% - французскому, 25% - китайскому, 11% - испанскому, 1% - русскому, также 1% - корейскому. Кстати надо добавить, что корейский язык как второй иностранный язык был введен только в 1996 году.

Мы, преподаватели русского языка и литературы, как и все японские русисты, стараемся остановить спад интереса к России и привлечь их внимание к ее многообразным достоинствам, но выход из тупика нами еще не найден.

Редакция информирует

Редакция журнала сообщает, что в её портфеле имеется интересная статья **Йожефа Бачи**, посвящённая истории развития методики обучения иностранным языкам в России (Советском Союзе), начиная с начала этого века и кончая нашим временем.

Большой размер статьи не позволяет пока её напечатать, однако редакция готова выслать копию рукописи тем, кто проявит интерес к указанной теме: аспирантам, дипломникам, преподавателям...

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
(ИЗ ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ АВТОРСКОГО СПЕЦСЕМИНАРА)

И. Коженевска-Берчинска
(Польша)

Помимо равнодушия множества "чистых" лингвистов к исследованию парадигмы язык-культура, современный гуманитарный мир, как правило, увлечен когнитивными потенциями, заложенными в этих многоаспектных взаимосвязях.

Необыкновенная многозначность самого понятия "культура" заставляет принять для конкретных аналитических целей одно из толкований. Моему антропоцентрическому поисковому направлению сопутствует дефиниция "когнитивного антрополога", Гуденона:

"Культура не есть материальное явление, она не состоит из вещей, поведенческих моделей или чувств. Она есть, вернее, организация всех этих составных, она форма того, что человек хранит в своей голове, его моделей восприятия, ассоциирования и интерпретации мира". (W. Goodenough 1964. (в кн.: M. Buchowski (ред.) 1993:13). "Восприятие", "ассоциирование" и "интерпретация" - это концепты, подтверждающие процессуальный характер культуры, которая обогащается за счет все новых или обновляемых составных.

Разнообразие и численность таких новшеств возрастает пропорционально интенсивности трансформаций в общественно-политической жизни. В такой ситуации происходящее, некогда сиюминутное, но всегда симптоматичное, документируют СМИ, а особопериодика. Практикой доказано, что без знакомства с российской журналистикой, т.е. с подлинными текстами национальной культуры, невозможна настоящая аккультурация иноязычного учащегося. (Об этом см.: В. Костомаров 1990:113-114). Обилие фоновых знаний в таких текстах, знаний, которые скрываются за лексической оболочкой, вызывает необходимость в обстоятельном комментировании. Лексико-семантические единицы то убмирают, переселяясь в словари с пометами *устар., арх., истор.,* то

рождаются в привычной форме, но с новым значением, то "воскресают", переселяясь в таких случаях из словарей в массовую коммуникацию. Параллельно же возникают сотмы новых слов, а их количество, а также - особая колоритность, возрастают по мере пульсации ритма сурового и сложного времени, которое они отображают.

Российское "неспокойное реформаторское время", которое сами россияне определяют как *безвременье* или *переходный неизвестно к чему период*, плодоносно явлениями, которые необходимо назвать (это неологизмы), которые имеют временное для языка, но существенное для лингвокультуролога окказиональные значения (это авторские неологизмы), и которые необходимы из-за наличия в действительности совершенного нового понимания традиционно устоявшихся смыслов (это неосемантизмы, "старые" слова с новым значением).

Вполне понятно, что в изучении языка студентами-филологами должны присутствовать все три категории; они выражают сущность языка как "души народа", представляя собою средство познания и общения, а также незаменимое орудие интерпретации неизведанного, "не нашего" мира.

Исходя из таких идей, и подключив к ним опыт наблюдений, я пришла к выводу о наличии некоторых изъянов во всестороннем, кстати, процессе усваивания польскими студентами РКИ таким образом, чтобы "иностранный" не значило чужой, непонятный. Правота такого мнения подтверждена результатами анкетного исследования, проведенного в последний раз в 1999 году, в группе сорока студентов четвертого и пятого курсов восточнославянской филологии. Проверялось в основном понимание некоторых ключевых понятий советской, а также российской культуры наших дней. В содержании вопросов я учитывала те из "советских" понятий, которые по моему мнению оказали существенное влияние на российскую ментальность, а также на те знаки постсоветского пространства, которые существенны для нового жизнепорядка. Я не обошла вниманием также некоторые имена советской и российской культуры.*

Отобранные таким образом лексико-семантические единицы по-разному осмысливаются респондентами, здесь я предлагаю лишь несколько довольно ярких примеров.

Итак, студенты имеют неплохое, но тем не менее поверхностное представление о сути *перестройки*, не осознают факта , что *новое мышление* - это в основном пропагандистский лозунг; не знают, когда, и с какими социальными коннотациями появилось сегодня почти ушедшее из обихода, но ведь судьбоносное слово-символ *гласность*. Никто из опрашиваемых не

сумел объяснить, что такое *Год великого перелома,* увязывая, как правило, это понятие с реальностью перестроечных девяностых и с крахом коммунизма.

Современный русский язык изобилует номинациями, которые формально устарели, перешли в разряд историзмов, но заодно они документируют многочисленные смыслы, способствующие приближению к правде о русской душе. (W. Zdziechowski 1920) Я имею в виду названия уникальных феноменов, которые предопределили появление или же укоренение в российской ментальности своеобразного восприятия и мироощущения; это номинации: *враг народа, чрезвычайщина, подписанты, невыездные, коллективизация.* Так, например, наши студенты вообще не понимают советской сути понятия *враг народа; чрезвычайщина* - это для них лишь универсальное и нейтральное понятие, определяющее "обстоятельства, в которых можно предпринимать определенные меры"; *подписанты* - это те, "кто ставит свои подписи под лживыми показаниями, доносчики"; *невыездные* - те, " кто не мог выезжать из СССР, так называемые враги народа" или совершенно иначе: "люди, которые остались в стране".

В анкете в контекстах даются изначально трудные для польских студентов словосочетания, причем оказывается , что контекст не снимает затруднений: "Рожденное в 50-е годы, *носившее пионерские галстуки* в период *оттепели* поколение поселилось на *московских кухнях,* наглухо закрытое от общества всеми возможными в 70-е годы преградами. Это "*поколение дворников и сторожей".* Представляю самые незаурядные интерпретации: "дворник" - служил власти, "сторож" - следил за людьми "московские кухни" - коммуналки. "пионеры" - скауты коммунистического времени.

Из числа нескольких так или иначе знаменитых имен студенты смогли правильно прокомментировать лишь имя "В. Шаламов"; в остальных случаях ответы отсутствуют. Имеются также проблемы с расшифровкой внутреннего содержания фактов, скрытых за номинациями: *Двадцатый съезд, Августовский путч, распад СССР, оттепель,* и т.д. О *XX съезде* опрашиваемые знают только в самых общих чертах , воспринимая лишь "штрихи к портрету", они не осознают значимости этого незаурядного исторического факта, его мощности, которая привела к коренным переменам социополитического климата не только в СССР, но и, между прочим, - в Польше. Студенты правильно определяют время "жизнедеятельности" *оттепели*, но очень поверхностными оказываются их знания о социополитической значимости этого этапа в жизни России, и не только. Рядом с хронологически правильно определенной датой распада СССР

называются годы 1992, 1983-94 или просто - девяностые годы. Видимо, не должно удивлять отсутствие возможности определить, в чем заключается сущность *постсоветских реформ*, если сами россияне - жертвы очередного эксперимента, используют иронические, и заодно, меткие определения типа: *"реформы для проформы"*. И другие примеры, связанные с незаурядными переменами последнего десятилетия: *новые русские* семантизируются участниками опроса с применением синонимического понятия *"нувориши"*, и это соответствует действительности. Тем не менее , в названной номинации заключена некоторая доля уникальных фоновых знаний, которые остаются за пределами студенческого восприятия. *"Новые бедные"* - это для респондентов "самые бедные россияне" или "нищие, которые не умеют функционировать в новой действительности", а *"старые бедные"* - те, кто "в старой системе не достигли высшего материального статуса".

Получив такую картину, сопоставленную с собственной идеей насчет языкового образования русистских кадров, я пришла к выводу о необходимости ввести в Программму пятилетнего обучения такого курса, в рамках которого можно восполнять изъяны в понимании русской культуры, русской ментальности.

Итак, я уже три года подряд вела тридцатипятичасовой спецсеминар сугубо авторского характера, который определяется для студентов двух последних курсов как "**Новые лики России".** Открывая для себя и для слушателей абсолютную неповторимость русских пейзажей, написанных словесными красками, я использую также польские публицистические материалы, так как благодаря многолетним анализам я убедилась, что пресса молниеносно и последовательно реагирует на все существенные факты из социополитической жизни. (См., главным образом: И. Коженевска-Берчинска 1996, пассим). Время от времени на занятиях я прибегаю к произведениям художественной литературны, т.е. - очередного жанра словесности, обогащающего лингвокультурологический фон, без которого участие в коммуникации встает под вопросом. (В. Костомаров 1990, пассим) Как третий источник знаний используются соответственные кинокартины (видеозаписи). Например, "Собачье сердце" знаменитой В. Бартко или "Курочка-ряба" - Кончаловского. С целью обогатить восприятие, каждому осмотру сопутствует использование заранее подготовленного и размноженного для студентов лингвокультурологического комментария.

Занятия ведутся, в основном, на русском языке, а если используются польские печатные тексты, то соответственные комментарии даются мною на русском языке.

Следует добавить, что исповедуя антропоцентрический аспект, я ставлю перед собой цель показать студентам следующее:

- любой язык есть ,между прочим, носитель своеобразных, неповторимых "культурных" смыслов;
- язык - это не только средство коммуникации, взаимопонимания, но и **сейсмограф культурных** (в широчайшем смысле этого слова) трансформаций в жизни общества, а значит - и в его самосознании;
- язык есть незаменимое средство интерпретации мира, а не механическоге его отображение;
- культурные миры отдельных этносов демонстрируют посредством языка своеобразие национального характера, ибо любой язык заключает в себе определенную национальную картину мира.

В рамках семинара мы пытаемся ответить на глобальный вопрос: какова картина мира, выраженна средствами русского языка, какова информация, каковы знания, каков опыт и каковы ценности хранятся в нем, передаются из поколения в поколение или же наоборот - дискредитируются, и почему?

Я хочу привести некоторые константные элементы содержания спецсеминара, насущная необходимость в которых проверена временем и опытом.

История СССР в аллегорически-сатирических образах. (Основа: произведение В. Войновича "Сказочки о пароходе"). В процессе комментированного чтения этого текста анализируются и осмысливаются реалии культуры, а также многочисленные лексико-семантические единицы, определяющие т.н. *советский образ жизни.* Насыщенность произведения яркими метафорами не только вызывает интерес, но и составляет богатый материал для историко-социологических, а также других комментариев. Процитируем лишь небольшой, "перестроечный" отрывок, который дает представление о культуролингвистической насыщенности этого художественного текста: *Тем временем пароход продолжает идти отчасти задом наперед, отчасти передом назад, отчасти левым боком в правую сторону, отчасти правым в левую, но зато в совершенно правильном направлении (...) Капитан во весь голос командует: "Полный вперед!" Первый помощник вполголоса поправляет: "Малый назад!". Штурман крутит компас вправо, рулевой вращает штурвал влево, впередсмотрящий глядит назад, кочегары подбрасывают уголь, вахтенные через трубу заливают топку водой, пассажиры взмахивают веслами, но гребут в разные стороны, кто-то сверлит в корпусе дыры, кто-то их затыкает".*

Большевизм как актуальная вторичная номинация . О наличии большевизма в современном российском мировидении. О некоторых константах ментальности. (Исходный материал: кинокартина Н. Бартко "Собачье сердце", основанная на повести М. Булгакова).

Диссидентское движение в СССР или история борьбы за права человека. История СМОГ-а, "Хроника текущих событий", самиздат и т.д. Это штрихи к портрету советского времени и советских нравственных канонов. (Источники: публицистика Д. Гранина, Г. Владимова и С.Довлатова). О сложной судьбе личностей, которые не вписывались в государственно-партийные рамки, т.е. - диссиденствующих маргиналов (С. Довлатов, А. Сахаров, Ю. Даниэль - А.Синявский, и др.). Рассуждения на тему: *Советский миропорядок рождал гибридность, которая заключалась в единстве жертвы и палача.* (На примере судьбы, а также творческого пути М. Горького, А. Фадеева, М. Шолохова).

Двадцатый съезд КПСС - комментированное чтение реферата Хрущева, лингвокультурологические объяснения, исторические экскурсы, расшифровка безэквивалентной и фоновой лексики.

Перестройка и ее общественное восприятие (перестроечные фразеологизмы как зеркало массового восприятия в развитии и горбачевских реформ); попытка ответить на вопрос, почему бывшие диссиденты меняют свое сугубо критическое отношение к советскому режиму, порицая всячески перестройку? *Диссиденты - разочарованные коммунистические романтики.* Так ли? (Исходные тексты: интервью, которые дают В. Максимов, В. Буковский, С. Ковалев, Е. Зиновьев, а также кинокартина А. Кончаловского "Курочка-ряба). Метастазы советскости в менталитете и в реальной жизни. Лингвокультурологические комментарии к отобранной лексике, объяснение реалий.

О некоторых современных плодах интеллектуального труда, об идеях выражаемых в произведениях А. Солженицына, В. Астафьева, Венедикта Ерофеева, Ф. Искандера (мастер предвидений), А. Галича, Г. Владимова и др.)

Автором спецсеминара подготовлен также для последовательной передачи студентам богатый фактографический материал, озаглавленный "Советский Союз, Россия. Даты и факты". Перечень начинается с синтетического осмысления событий рокового 1917 года. Он систематически пополняется за счет данных о все новых экстренных событиях наших дней. Названный **культурологический тезаурус** применяется по ходу занятий соответственно злободневным потребностям. Подобно систематически

предлагается студентам литература, которая способствует углублению знаний и удовлетворению вызванных, часто индивидуальных, интересов. Кроме того, я даю краткие, но иллюстрированные подлинными цитатами рецензии на литературу, которая находится в Списке, заключающем Программу. Это, к примеру, книги А. Яковлева (1992,1994), Д. Волкогонова (1989), А. Шенталинского (1996,1997), Д. Гранина (1991), польских знаменитостей - Р. Карустинского (1997), А. Дравича (1992), а также видных западных специалистов, таких как Ф. Том (1990) или Х. Арендт (1989, 1991).

Автору сопутствует уверенность, что трудности восприятия, которые мы одолеваем вместе со студентами, рождают радость познания, радость постижения нового, неизвестного, умение смотреть еще и чужими глазами на этот мир, наконец, способность участвовать в диалоге культур.

Литература

Arendt H. 1989. Korzenie totalitaryzmu. Warszawa

Arendt H. 1991. O rewolucji. Warszawa

Drawicz A. 1992. Spór o Rosję. Warszawa

Buchowski M.. 1993. (ред.). Amerykańska antropologia kognitywna. Poznanie, język, klasyfikacja i kultura. Warszawa

Kapuściński R. 1997. Imperium. Warszawa

Korzeniewska-Berczycska J. 1996. Новации в языковой картине мира российского человека. На основе современных публицистических текстов. Ольштын

Thom F. 1990. Czas Gorbaczowa. Warszawa

Szentaliński A. 1996 .Wskrzeszone słowo. Z "Archiwum literackiego". KGB.Warszawa

Szentalicski A. 1997. Tajemnice Jubianki. Z "Archiwum literackiego" KGB, cz. II. Warszawa

Zdziechowski M. 1920. Wpływy rosyjskie na duszę polską. Warszawa (Желательно напомнить, что еще в двадцатые годы проблемой русской души интересовались кроме Здеховского, другие видные гуманисты-гуманитары).

Волкогонов Д. 1989. Триумф и трагедия. И.В. Сталин. Политический портрет. Москва

Гранин Д. 1991. Наш дорогой Роман Авдеевич. Ленинград

Костомаров В.Г. 1990. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Изд. четвертое. Москва

Яковлев А. 1992. Предисловие. Обвал. Послесловие. Москва

Яковлев А. 1994. Горькая чаша. Большевизм и Реформация в России. Ярославль

РУССКИЕ СВЯТЫЕ

С. Корычанкова
(Чехия)

Вера – это душа каждого народа

Изучение жизненного подвига святых подвижников в каждой культуре помогает открывать и находить нравственный идеал обычной человеческой жизни, любовь к родной земле, к людям. Жизнь праведника[1] – это образец морального поведения, трудолюбия, презрения к телесности и материальным благам. В отличие от простых людей, праведник проводит свою жизнь «в Боге», он приносит на землю познание истинной правды и смысла жизни. Он не отказывается от своей человечности, он только возводит ее на другой, «божественный» уровень. В жизни святого совершается таинственное сочетание «неба» и «земли», «человека» и «Бога», «разума» и «идеи», «материального» и «духовного». Жизнь праведника показывает путь к самому себе, к пониманию своего долга на земле, к преодолению трудностей и невзгод. Вера в святых и подражание их образу жизни всегда способствовали духовному, нравственному продвижению, развитию религиозной мысли и культуры. На Руси со времен принятия христианства широко распространилось почитание святых подвижников церкви. Почитание подвижника народом начиналось уже при его жизни и продолжалось и после его смерти. Простые люди просили у него помощи, совета, защиты и исцеления. Народ видел в святом подвижнике посланника Бога на земле, который помогает человеку в его трудной жизни.

На Руси пользовалась большой популярностью житийная /агиографическая/ литература, которая передавала образ святого христианского подвижника. Хотя эта литература писалась по установившимся византийским правилам и образцам, русские жития в ряде случаев отражают народную специфику. Жития святых подвижников русской церкви составлялись обычно после их смерти или «официальной» канонизации. Церковной канонизации святого всегда предшествовало народное почитание. Канонизация представляет собой торжественный акт установления почитания святому в форме богослужения. В православной литургике канонизированным святым служатся молебны[2], их имена поминаются в различные моменты богослужения, и иногда им установлен

праздник и особая служба. Существуют и случаи, когда происходила т.н. местная канонизация. Святой был признан не «общей» национальной церковью, а только монастырем или храмом. На Руси часто проходила такая «народная» канонизация. Со времен митрополита Макария /1542–1563гг./ канонизация святых централизовалась, и святые могли канонизироваться только на соборах при митрополите. В 18 веке Святейший Синод стал единственной инстанцией, которая могла официально канонизировать святых. Для того, чтобы канонизировать святого, необходимо было выполнение трех основных условий. Во-первых, праведная жизнь и подвиги святого, во-вторых, совершение чудес и, в-третьих, в некоторых случаях, нетление мощей. Слово «мощи» в древнерусском языке обозначало «кости», т.е. «нетленные мощи» это «нераспавшиеся кости». Данное выражение противопоставлялось выражению «нетленное тело». Однако нетленные мощи со временем понимались как останки святого тела /а не костей/, которые не разлагаются долгое время после его кончины. В Древней Руси не требовалось этого условия для канонизации святого, однако, на протяжении 17 и 18 веков сложилось представление, что все мощи святых являются нетленными телами. Только в 20 веке при канонизации Серафима Саровского было опровергнуто это заблуждение, однако оно настолько укоренилось в народных представлениях, что существует до сих пор.

Первыми канонизированными /точная дата их канонизации неизвестна/ на Руси были князья Борис и Глеб. Однако они не были первыми святыми Русской земли. Ими считались варяги Федор и Иоанн, которые погибли за веру при князе Владимире. Еще до «официальной» канонизации на Руси почитали княгиню Ольгу и князя Владимира как равноапостольных просветителей Руси. Борис и Глеб были миряне, князья, которые были убиты в борьбе за престол. Древняя русская Церковь и русский народ видели в кончине князей христианский подвиг. Из дошедших до нас житийных памятников[3] мы узнаем, что Борис, узнав о намерении Святополка убить его, решает не противиться ему и на молитве встречать врагов. Убийцы вторгаются в его палатку и пронзают копьем его грудь. Но Глеб не хочет верить в злодейство своего брата Святополка. По дороге на север ладья убийц встречается с ладьей Глеба. Перед смертью Глеб просит врагов о сострадании, однако он убит и тело его брошено на берег, где только через несколько лет найдено братом Ярославом и погребено рядом с Борисом. Житийные памятники изображают беззащитность и слабость умирающих князей. Их вера в Бога не позволяет им выступить против своего брата. По словам Г.Федотова, «подвиг непротивления есть национальный

русский подвиг, подлинное религиозное открытие новокрещенного русского народа» /Федотов 1990, 49/. Образы страдающих князей Бориса и Глеба вошли в русскую духовную традицию как своеобразный поступок, как почитание непротивления насильственной смерти, как возвышение чистой беззащитной жертвы. Жалость и сострадание к умирающим и терпящими стали одной из характерных черт русской духовности.

Ученые точно не установили, когда произошла канонизация первых русских святых князей. По всей вероятности, св. Ольга была канонизирована еще в домонгольский период /праздник 11 (24) июля/, а Владимир вскоре после победы Шведами, которая была одержана в день памяти святого Владимира /15 (28) июля 1240 г./. Русская церковная традиция позволяет канонизировать князей, которые погибли за свой народ в национальной борьбе. К известнейшим принадлежит князь Александр Невский, житие которого /конец 13 или начало 14 века/ представляет собой оригинальное произведение агиографической литературы. Последним канонизированным русским царем был Николай II. Канонизация произошла 20 августа 2000 года в храме Христа Спасителя в Москве. Царь и вся царская семья, расстрелянные большевиками 17 илюля 1918 года в Екатеринбурге, уже давно почитались русским народом. Многие русские и православная церковь видят в их мученической смерти символ терпения и непротивления большевистским порядкам. Святой царь Николай II стал заступником всех жертв эпохи большевизма и коммунизма.

Русские святые очень часто выходили из монашеской среды. Все монастыри, установленные в древней Руси, были городскими или пригородными. Русская церковь непредставима без монашеской традиции, которая пришла на Русь вместе с Преподобным Антонием. Вернувшись с Афона, он принес с собой посвящение для основания монастыря. Однако Антоний[4] не стал строить монастырь, а остался жить в пещере недалеко от Киева. Когда вокруг Антония стала собираться братия[5], он поручает ведение монастыря игумену Варлааму, а себе находит новую пещеру, в которой живет до конца жизни. К первым «ученикам» преподобного Антония принадлежит Феодосий Печерский, который стоял во главе братии, когда ему еще не исполнилось 30 лет. Его житие, написанное Нестором[6], это образец греческой агиографической литературы.

Преподобный Феодосий был третьим /после Бориса и Глеба/ русским торжественно канонизированным святым. Он считается отцом русского монашества. Нестор часто дословно цитирует греческие жития, но несмотря на это, мы узнаем большое количество деталей из жизни Феодосия. Он

родился в 1035 году и его детство проходило в Курске. Феодосий был очень талантливым учеником, любил читать святые книги, каждый день ходил в церковь и молился. Он не любил играть с остальными детьми, и его единственным желанием был уход в монастырь. Аскетический образ жизни у него с детства проявлялся в том, что он отказывался надевать чистую одежду. Он хотел быть бедным, и такое понимание бедности стало впоследствии отличительным признаком русского понимания аскезы.

В ранней молодости Феодосий ушел из дома и направился в Киев, где хотел постричься в монахи. Однако в киевских монастырях из-за его бедности его не приняли, и тогда он ушел в пещеру преподобного Антония. Там он стал монахом, позже и игуменом[7] возникшего там монастыря /Киево-Печерская Лавра/. Феодосий Печерский ввел в монастырь новый монашеский устав. Монахи получали еду два раза в день. Их одежда должна была быть темной, из грубого полотна. В постные дни инокам[8] было разрешено есть только один раз в день. Они должны были полностью воздерживаться от мяса. В близи монастыря Феодосий построил дом для бедных, слепых и больных и каждую субботу посылал в город телегу с хлебом. Феодосий умер в 1074 году, и был канонизирован в 1108 году.

В Киево-Печерском монастыре составляли т.наз. Патерик /Книги Отцов/, в котором даются краткие сводные жизнеописания подвижников определенной местности. Киево-Печерский патерик имеет общерусское значение. Его основой являются сводные жизнеописания 11 – 13 вв. Начиная с дошедших до нас рукописей 15 века, он постоянно изменялся и дополнялся новыми сведениями. Киево-Печерский Патерик является в настоящее время ценнейшим документом развития монашеской жизни на Руси.

Эпоха татаро-монгольского ига на долгое время прекратила естественное развитие русской духовной жизни. Разорение русских земель и всеобщий упадок творческих сил стали главной причиной стагнации религиозной мысли. Канонизация святых на двести лет практически прекратилась. Оживление традиции русской духовности можно наблюдать со второй половины 14 века. На Руси в то время появляется новая форма святости, которая развивается особенно в уединенных местах лесных пустынь. Отрешение от мира, поиски новых форм проявления духовности, уход из светской жизни – это основные приметы новой аскезы.

Пустынножительство развивается одновременно в разных местах русского севера /лесные пустыни на Волге и в Заволжье/. Одним из представителей этого направления является преподобный[9] Сергий Радонежский. Сергий Радонежский принадлежит к одним из самых

почитаемых русских святых. Об основных подвигах его жизни мы узнаем из жития, составленного его учеником Епифанием Премудрым. Детство Сергия /крестное имя Варфоломей/ проходило в Ростове Великом, где он стал учиться грамоте. С детства Сергий отказывается от мяса, питается только водой и хлебом. С родителями он переезжает в Радонеж и после их смерти вместе с братом уходит в Хотьковский монастырь. Там его постригли в монахи. Потом Сергий уходит в лес, где строит маленькую церковь из бревен. Эта церковь стала началом известной Троице-Сергиевой Лавры. Со временем вокруг него собралось 12 монахов. Он был назначен игуменом расширяющегося монастыря. Монастырь был очень беден, не хватало ни еды, ни воды. Тогда перед Сергием явилась Пресвятая Богородица и обещала ему помощь и заступничество. Иноки рассказывали, что часто видели ангела, который служил с ним литургии[10]. Он исцелял больных, давал советы, своим духовным зрением он предсказывал будущее. Многие приезжали к нему просить помощи. Преподобного Сергия посетил и Дмитрий Донской перед своим походом против татар. Преподобный Сергий осенил князя крестным знамением и вдохновенно произнес: «"Иди, господине, небоязненно! Господь поможет тебе на безбожных врагов". А затем, понизив голос, сказал тихо одному князю: "Победиши враги твоя". Во время битвы Сергий молился с братией у себя в церкви. Он говорил о ходе боя, называл павших и читал заупокойные молитвы. А в конце сказал: "Мы победили"» /цит. по Концевич 1993, 137-8/. За шесть месяцев до смерти преподобный Сергий знал о своей скорой кончине и поручил игуменство своему младшему ученику. В 1392 году Сергий Радонежский умер /праздник 25 сентября (8 октября)/. Его похоронили в Троице-Сергиевой Лавре. И после своей кончины св. Сергий творит чудеса. Он является инокам с предсказаниями, которые всегда сбывались, исцеляет их. Ученики преподобного Сергия основали 40 новых монастырей.

Имя преподобного Серафима Саровского /крестное имя Прохор/ связано с продолжением традиции отшельничества. Он родился в 1759 г. в Курске. Отец его умер рано, и еще до своей смерти он начал строить храм. Когда Прохору было 10 лет, он упал с недостроенной колокольни храма и тяжело заболел. Во сне перед ним явилась Матерь Божия, которая обещала ему исцеление. Прохор стал быстро выздоравливать, и Богоматерь стала его заступницей на всю жизнь. Хотя Прохор помогал своему брату в торговле, он постоянно молился и каждый день ходил в храм. На семнадцатом году жизни он взял у матери благословение и ушел в монастырь. Сначала он побывал в Киево-Печерской Лавре, в 1778 году

Прохор пришел в Саров, где нашел стройную монашескую обитель и где его ласково приняли. На 20-ом году жизни Прохор был пострижен с именем Серафим /пламенный/. На 35-ом году жизни Серафим оставил монастырь и поселился в деревянной келье[11] в густом лесу на берегу реки Саровки. Там он все делал своими руками: выращивал картофель, лук, свеклу. Когда на него напали разбойники и разбили ему голову топором, он простил их и даже некоторых обратил на правильную веру. Три года он провел в полном одиночестве и совершенном молчании и только потом стал принимать христиан, давать им советы, учить их правильной жизни и исцелять их. В некоторые дни к нему приходило более тысячи человек. Во дни пустыннической жизни преподобному Серафиму во сне явилась Матерь Божия с двенадцатью апостолами и поручила ему построить и руководить тремя обителями для девушек-сирот без крова и защиты. В обителях Дивеевской, Ардатовской и Зеленгорской он спасал сирот от разных опасностей, давал им одежду, лечил их. Из-за этого своего труда преподобный Серафим перенес много оскорблений и клеветы. В 1833 году преподобный Серафим скончался в своей келье. На протяжении 70 лет русские люди приходили к его могиле и получали чудесные исцеления. В 1902 году Комиссией Святого Синода было обследовано более ста случаев чудесных исцелений на могиле преподобного Серафима. Год спустя русская православная церковь Серафима Саровского канонизировала.

Одним из самых близких к нам по времени русских святых был Иоанн Кронштадтский. Иоанн родился в 1839 году в селе Сура на севере России. Отец часто брал его в церковь, читал ему Евангелия. Однажды ночью, когда Иоанн болел, ему явился ангел и сказал, что всю жизнь будет охранять его. Когда пришло время учебы, отец отправил его в Духовное училище в Архангельске. Условия там были очень трудные, ученикам не давали есть, не хватало книг и бумаги. Иоанн старался хорошо учиться, но ему это не удавалось. Каждый день он усердно молился о помощи в учебе и вдруг во время ночной молитвы его ум стал проясняться и он стал читать очень свободно и легко. Иоанн успешно окончил училище, был переведен в семинарию[12] и получил государственную стипендию в Духовной Академии в Санкт-Петербурге. После окончания образования Иоанна направили в Андреевский собор города Кронштадта. Он женился, но со своей женой они жили как брат с сестрой. Каждый день Иоанн ходил к беднякам, давал им одежду, еду и деньги. Он исцелял больных и преподавал Закон Божий в городском училище. По замыслу отца Иоанна был даже создан Дом Трудолюбия, где находились разные ночлежные приюты, столовая,

лечебница, убежище для сирот, начальная школа и детская библиотека. Отец Иоанн часто путешествовал, встречался с людьми. В здании Кронштадтской почты был даже открыт особый отдел сортировки писем и посылок отцу Иоанну. В 1906 году он тяжело заболел, но каждый день продолжал служить литургию. Отец Иоанн скончался в 1908 году в возрасте 69 лет. И после его смерти тысячи людей обращались к нему за помощью и служили панихиды. В 1964 году праведный Иоанн Кронштадтский был причислен к лику святых русской православной церкви /праздник 20декабря (2 января)/, была составлена служба и вместо панихид[13] ему стали служить молебны.

Особенную сторону русской святости представляет собой юродство[14]. Многие считают, что юродство - это чисто русское явление духовной жизни. Однако греческая православная церковь канонизировала больше десятка юродивых. Жития некоторых из них были хорошо известны на Руси. Греческие жития святых юродивых служили каноном русских биографий. Однако таких житий мы в русской литературе находим очень мало. Типичные представители раннего юродства живут чаще всего в монастырях, ходят в грязной одежде, никого не беспокоят. Обычные люди их почти не замечают, и сами юродивые остаются в своем внутреннем духовном мире.

С развитием юродства важную роль начинает играть элемент провокации и агрессии. Юродивый ходит голый или в рваной одежде, он бесчинствует в храме, уничтожает на рынке товар, пьянствует, в постные дни на глазах у всех ест колбасу, ходит в баню с публичными женщинами. Первым русским юродивым, хотя еще не канонизированным официально, был Исаакий Печерский /† 1090г./. Он был учеником св. Антония, «духовного отца» Киево-Печерского монастыря.

Русское юродство развивалось на севере и северо-востоке Руси с 14 века. Первым русским официально канонизированным юродивым был Прокопий Устюжский, который жил в Новгороде и в Устюге. В житии Прокопия упоминается его «западное, немецкое» происхождение. Немецкие юродивые были довольно частым явлением на русской земле. Запад не знал подвига юродства и православные немцы, которые пришли в северные земли, часто принимали самую экстремальную форму святости. В 16 веке центр русского юродства перемещается в Москву. К самым известным московским юродивым принадлежит Василий Блаженный. О его популярности свидетельствует большое количество сохранившихся икон и легенд. Было составлено и официальное житие. Василий начинает как юродивый бродить по Москве, жестоко осуждает царя Ивана Грозного,

пристает к женщинам, ходит голый, вызывает споры и провоцирует жителей Москвы. Когда Василий умирает /† 1552г./ собирается много народа, священники поют псалмы над его гробом и на похороны приходит даже царь Иван IV с царицей. У его гроба совершались чудеса и исцелялись больные. Канонизация Василия Блаженного произошла в 1588 г. По указу Ивана Грозного на месте погребения был построен собор в память взятия Казани. Однако народ переименовал Покровский собор в собор Василия Блаженного, что свидетельстует о большом почитании этого юродивого.

Появление большого числа юродивых в 16 веке говорит о внутреннем кризисе православной церкви. Внешняя обрядовая сторона начинает превосходить духовную, скрытую сторону ритуала. Юродство обличало утрату внутренней веры человека, показывало необходимость вернуть вере ее мистический, скрытый характер, который проявляется не во внешней красоте и пышности, а в уединении и внутренней молитве.

Критика общественных порядков юродивых вызывает неприязнь со стороны официальной церкви и светской власти. В 17 веке было запрещено впускать юродивых в храм, прекращается их канонизация. Юродивые возвращаются на север, где они живут в лесах. При Петре I, который ненавидел разные формы суеверий и обычаев русского народа, юродство стало полулегальным. На юродивых начинают смотреть как на душевно-больных, и они стояли наравне с преступниками, убийцами и ворами. Однако простой народ не перестает видеть в юродивом святого, который смотрит на мир со стороны своего духовного опыта, с высоты истинного познания божественной правды. Местное почитание юродивых продолжалось и в течение 20 века.

На Руси почитали и канонизировали и женщин. Сразу после принятия христианства на Руси стали возникать женские монастыри, которые служили прежде всего для незамужных боярских девиц. Лик русских святых женщин возглавляет равноапостольная Ольга, почитание которой опередило почитание св. Владимира. Русская церковь канонизовала и ряд княгинь, основательниц монастырей. Самая известная из них - Евфросиния Полоцкая /† 1173/, дочь Полоцкого князя Святослава-Георгия. Под старость она совершила путешествие через Царьград в Святую землю, где и скончалась. К лику русских святых женщин причислены, например, Анна Кашинская /супруга святого князя Михаила Ярославича Тверского/, Евфросиния Суздальская /дочь святого князя Михаила Черниговского/, Евфросиния Московская /жена Дмитрия Донского/ и д.р.

Комментарий

[1] *Праведник* – благочестивый святой человек, не погрешающий против правил и требований религиозной нравственности и морали

[2] *Молебен* – краткая служба, в которой священник и присутствующие молятся Богу, Богородице или прославленному святому о ниспослании помощи от Бога

[3] напр. «Начальная летопись» /под 1051г./, «Чтение о житии и погубении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба» Нестора, «Сказание, страсть и похвала св. Мучеников Бориса и Глеба» /конец 11 века/

[4] Антоний вернулся на Русь около 1051 г., когда главой Церкви на Руси стал Илларион – первый русский митрополит

[5] *Братия* – монашеская община одного монастыря

[6] Нестор был монахом Киево-Печерской Лавры. Им написана летопись «Повесть временных лет» /12 век/

[7] *Игумен* – настоятель /глава/ монастыря

[8] *Инок* – монах

[9] *Преподобный /ctihodnэ/* - эпитет святых из монашествующих, в значении праведный, святой

[10] *Литургия* – главное богослужение Православной Церкви, во время которого верующие причащаются хлебом и вином

[11] *Келья* - отдельная комната монаха в густом лесу или монастыре

[12] *Семинария* – специальная духовная школа для будущих священников

[13] *Панихида* – краткая служба, в которой священник и верующие молятся Богу за спасение души умершего или умерших

[14] *Юродивый* – христианский аскет, который обладает даром прорицания

Литература

Концевич И. *Стяжение духа святого в путях древней Руси*. Москва 1994.

Науменко М. *Житие преподобного Сергия, Радонежского чудотворца*. Москва 1992.

Науменко М. *Житие святого праведного Иоанна, Кронштадтского чудотворца*. Москва 1993.

Федотов Г. *Святые древней Руси*. Москва 1990.

Юрьев В. *Святый преподобный Серафим Саровский чудотворец*. Одесса 1903.

Lášek J.B. *Počátky křesťanství u východních Slovanů*. Brno 1997.

Marek L. *Dějiny křesťanství na Rusi I*. Hostinné 1996.

Rezková E. *Srovnání jurodství s fenoménem dvorských šašků*. Diplomová práce PdF MU. Brno 1999.

ИЗ «ПЕСТРЫХ ГЛАВ»

Символика цветов и национальный флаг
Российский двуглавый орел

Л. Б. Трушина
(Россия)

У разных народов существует своя символика цветов. Так, для русских черный цвет – цвет траура, печали. Белый – цвет чистоты, неиспорченности, поэтому невеста на свадьбе должна быть в белом платье. Красный цвет ощущается русскими как цвет мужества, борьбы, поэтому, например, в День Победы 9 мая ветеранам обычно дарят красные гвоздики. Эти же цветы возлагают к Вечному огню и Могиле Неизвестного солдата.

Желтый цвет издавна связывают с изменой, с неверностью, поэтому дарить девушке желтые цветы мужчина не будет.

Цвета национального флага страны также имеют для жителей этой страны символическое значение.

Интересна, с этой точки зрения, история российского флага. Бело-сине-красный флаг был впервые введен в XVII веке царем Петром I. Считается, что на выбор цветов повлияли цвета голландского флага – сейчас у Нидерландов также флаг этих трех цветов, но расположение их другое – сверху вниз идут полосы: красная, белая, синяя.

Но Петр I, без сомнений, учитывал традиционное представление русских о символике цветов; поэтому расположение полос на российском флаге соответствовало древнему представлению о строении мира. Внизу – плотский физический мир – красная полоса, выше – небесный – синяя полоса, а затем – мир божественный – белая полоса. Этому соответствует и традиционная русская триада: также сверху вниз – Вера, Надежда, Любовь...

Почти десять лет такой бело-сине- красный флаг при Петре I был один и для суши, и для моря, но затем в 1705 году царь сделал этот флаг только флагом торгового флота. Россия в это время стала могущественной морской державой. А государственный флаг с 1758 года имел цвета: черно-желто-белый. Это был официальный императорский флаг, хотя по-прежнему бело-сине-красный флаг воспринимался населением страны как национальный. Странный парадокс, который, может быть, найдет объяснение в отрицательном отношении русского сознания к черному и желтому цветам?

Интересно, что во время гражданской войны 1917-1921 гг между так называемыми белыми и красными, то есть, между борцами за новую власть, возглавленную большевиками, и сторонниками царя и старого строя в России, у первых было красное знамя, а у белых - бело-сине-красный флаг (а не черно-желто-белый!)

После победы революции в 1918 году красный флаг стал официальным государственным флагом России, а затем Советского Союза. Он напоминал о борьбе, крови, пролитой в этой борьбе.

И вот 21 августа 1991 Верховный Совет РСФСР утвердил новый или, точнее, старый флаг России – бело-сине-красный. Надо только учитывать, что согласно Конституции РФ государственный флаг, как и другие символы (герб, гимн) должны быть утверждены Федеральным конституционным законом, что до сих пор не сделано. И сейчас этот флаг используется в качестве государственного на основании Указа Президента от 11 декабря 1993 года.

За всей этой ситуации видится политическая борьба между сторонниками старого строя (коммунистами) и новой России. Не случайно на свои демонстрации коммунисты выходят под красными знаменами и требуют возвратить этот цвет на государственный флаг страны.

Видите, какие сложности вызывают такие, казалось бы безобидные вещи, как цвет государственного флага.

Российский двуглавый орел

Все, кто интересуется Россией, наверняка знают, что гербом страны является двуглавый орел. Почему двуглавый? Это тоже нетрудно понять – Россия находится и в Европе, и в Азии, так что эта гордая хищная птица смотрит одновременно и на Восток, и на Запад. Недаром в России было много, да и есть сейчас сторонников теории евразийства как философского обоснования этого среднего положения страны между Европой и Азией.

Но не многие, видимо, знают, что в истории России было 33(!) варианта этого двуглавого орла. Да, именно 33! Каждое царствие Руси отмечалось своим гербом.

Первый герб пришел из Византии, тогда женой Ивана Третьего стала Софья. Император Византии отправил свою дочь Софью в Россию в жены русскому царю, чтобы обратить эту страну в католичество. Двухглавый орел был тогда гербом Византии и он нес в себе высший смысл государства: в лапах Западно-Римской империи был меч, а в лапах Восточно-

Византийской – крест, то есть христианство идет на восток, оберегая мечом свои западные границы.

Иван Третий изменил византийского орла, на головах его появились две царские короны, а на груди – Георгий Победоносец – покровитель России.

Через семь лет, когда было сброшено татарское иго, и Ивану не пришлось более униженно, как вассалу, ездить в татарскую Орду, орел снова изменился - крылья вверх, клювы раскрыты, взгляды яростны ...

Сын Ивана Василий изменил орла по-своему, но после смерти его остался сын, малолетний Ванечка, которого потом назовут Иваном Грозным. Пока он был ребенком, страной правили бояре, и орел стал таким, какими были они: крылья опущены, клювы закрыты, тучный, ленивый, меча нет ... Все напоминало политику того времени: лень, инертность, прозябания, интриги.

И лишь Ивану IV исполнилось 16 лет, все изменилось – и в стране, и сам герб стал другим. Появился новый орел: крылья вверх, в когтях меч, клювы открыты грозно. И композиция завершается тремя крестами. Почему тремя? Ведь ещё не была выдвинута теория Москвы как преемницы Рима – «Москва – третий Рим». А юный царь уже все предвидел – будущее великой России.

История сложилась так, что шестнадцатилетний царь отрекся от царства - недостойны бояре его правления, друг другу горло грызут, интриги плетут, и ушел в Троице-Сергиеву лавру в добровольную ссылку.

И бояре, успокоившись, снова создали своего орла! Крылья – вниз, в лапах ни меча, ни креста, нет шапки Мономаха.

А Иван тем временем набирал сил в своем добровольном заточении. Он решил учиться властвованию у турок: создать гвардию императора, а всех непокорных уничтожить. Так родилась опричнина. И вместо Святого Георгия на груди орла появился единорог. Да, впервые, и единственный раз, в Троице-Сергиевой лавре Георгий Победоносец уступил свое место на груди орла нерусскому единорогу. Почему? Откуда этот образ?

Из Библии. Известно, что царь Давид, библейский герой, по имени «Кроткий» казнил своих врагов еще страшнее, чем Иван, позже названный «Грозный». И в Библии есть такие строчки: « ... враги твои гибнут, а мой рог ты вознесешь, как рог Единорога». С единорогом на груди орел Ивана IV благословил опричнину, казни, кровь и смерти ... Но после возврата себе царской власти и гибели непокорных бояр Иван отменил единорога – он вернул на грудь орла Георгия Победоносца.

Ушел из жизни Иван Грозный. Пришел Федор Иоанович, слабый, безвольный царь – и орел стал похож на него: крылья опустились, вид птицы жалостливый, вместо меча в лапах – яблоко. Клювики закрыты, глазки сонные.

Воцарился Борис Годунов – снова другой орел! Вместо меча в лапах – Евангелие. Появился Лжедмитрий, самозванец, и с ним – католический орел, с императорской короной на головах. А потом, при ... ском - вообще что-то непонятное: ни меча, ни креста, ни Евангелия, ни императорской короны, просто двуглавая птица с хвостом.

Пришли на царство Романовы – крылышки у орла к верху, в лапах крест и держава, но меча еще нет. Слаба Россия, истощена войнами и внутренними раздорами. Объединение с Украиной при Богдане Хмельницком – и орел стал трехглавым. Но ненадолго. Пришла на царство Софья – исчез Георгий Победоносец. А потом вообще кто-то нарисовал у орла розочки, цветочки (!).

Но наступило время Петра I, Великого. Петровский орел могуч, крепок, как сама Россия петровских времен. И так далее, с каждым новым правителем менялся и облик орла на гербе. За четыреста лет – более тридцати разных орлов – где еще в какой стране возможно такое?

G G G

Если мы идем вперед в знании,но уступаем в нравственности, то мы идем назад,а не вперед.

(Аристотель)

«НАЦИОНАЛЬНАЯ ГАЗЕТА» КАК СРЕДСТВО СЛОВАЦКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

И. Лендел, К. Седлакова
(Словакия)

Журналы и газеты уже во время своего возникновения на территории Словакии имели – как пишет историк Ф. Руткай/ см. Седлакова: «Литературное творчество в журнале ”Сокол”»/ - свою значительную общественно-политическую, культурно-образовательную, литературно-национальную и просветительскую миссию, которую они сохраняли, выполняя свою роль также в трудных условиях двойного гнета словаков в Венгрии. Хотя словацких журналов и газет не было много и они выходили малым тиражом, что являлось следствием неблагоприятных общественных отношений, а также неразвитостью словацкого национально пробужденного общества, они имели большое общественное значение. На это не влияла ни нужда их издателей и редакторов, недостаток сотрудников, ни очень строгая, часто даже бесцеремонная цензура, и в многих случаях также недоброжелательство церковных властей. Авторы и сотрудники газет в одном лице по необходимости становились писателями, поэтами, научными работниками, популяризаторами научных знаний, просветителями, а также политиками и публицистами.

И по этой причине немногочисленная национальная интеллигенция, которая могла опираться прежде всего на свою просветительскую деятельность, культурное творчество и политическую публицистику, приняла на себя ответственность в борьбе за национальные права. Особые усилия деятельности Словацкой национальной партии в середине 70-ых годов были направлены к сотрудничеству с остальным славянским миром / напр. с чешским народом, причем эти усилия с другой стороны поддерживали т. н. словакофильское движение в Чехии/, прежде всего с Россией, направляемые идеями славянофильства. Представительный орган этой партии - «Национальная газета» /1870-1886/ - занимал ведующее положение в тогдашней словацкой журналистике и помогал создавать политику газеты. Она ориентировалась прежде всего на интеллигенцию, подчиняла этому также подбор своих материалов, использования жанров и стиль статей.

Хотя по Ф. Руткаю /«История словацкой журналистики до 1918 г.», Трнава 1999 г., с. 175/, значение «Национальной газеты» в истории словацкой

журналистики до сих пор настоятельно не исследовано и оценено, можно сказать, что ее ведущая роль в национальном движении однако препятствовала решению многих жгучих социальных и политических проблем Словакии, словаков и всей Венгрии. Она чрезмерно ориентировалась на зарубежную политику, принимая линии, удовлетворяющие русский царизм, а также сдержанно, даже отрицательно относилась к революционному движению на территории России и под.

«Национальная газета» могла выпускаться благодаря помощи в 5000 рублей, которую в редакцию вносил Славянский благотворительный комитет. Заслугу в повышении этой суммы после 1885 г. имел русский славяновед Леманси. Ради интереса мы приводим факт, что администрации «Национальной газеты» выплачивали эту сумму представители российского посольства в Вене почти 33 года.

В связи с выше приведенным требуется упомянуть, что одним из живых примеров существующих отношений между отечественной периодикой и зарубежными материалами, конкретно из Россси, является статья тамошнего писателя и публициста Владимира Сергеевича Соловьева /1853-1900/. Мы упоминаем имя этого известного писателя , который большую часть своей жизни посвятил борьбе против религиозного и национального гнета, еще и потому, что как раз в этом году отмечается 100-ая годовщина его смерти.

Этот русский философ-идеалист закончил в 1873 г. историко-филологический факультет Московского университета и через год защитил магистерскую диссертацию с названием «Кризис западней философии». В 1880 г. он занял критическую позицию к позитивистам в докторской диссертации «Критика абстрактного начала». Уже в марте 1881 г., после выступления против смертной казни в связи с убийством Александра II патриотами, он был вынужден прекратить свою академическую деятельность и с этого времени полностью посвятил себя литературно-философскому и проповедническому творчеству. При этом он часто вступал в конфликт с российскими властями /напр. выступив за свободу мышления и против национализма/.

Его увлечение религиозным мистицизмом проявилось в оригинальной статье «Новозаветный Израиль», перевод которой поместила «Национальная газета» 5 января 1886 г. («Национальная газета», 1886 г. (XVII/, № 2 /5. января 1886 г./ с. 3./. Окончание статьи читатели газеты могли найти 9 января в том же году /«Национальная газета», 1886 г. /XVII/, № 4 /9 января 1886 г./, с. 3-4./.

Статья составлена на основе наблюдений Соловьева, она несла в тогдашнюю жизнь новые философско-религиозные идеи. Ее выводы можно сопоставить с высказываниями и проповедью Йозефа Рабиновича который в Южной России, в городе Кишиневе призывал евреев к Новому завету. Как приведено в комментариях к источнику этот процесс до сих пор считался в разных газетах скорее курьезом, но по другим данным это было примечательным явлением.

События литературной, культурной и общественной жизни в тогдашней России еще много раз становились для авторов «Национальной газеты» источником вдохновения, и рядом со статьей В. Соловьева появляются также переводы А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского и других культурных деятелей. Но это по понятным причинам не может быть предметом нашего сообщения.

Литература:

1. «Национальная газета» - 1886 г. /XVII/, № 2 /5. января 1886 г./, с. 3.
2. «Национальная газета» - 1886 г. /XVII/, № 4 /9 января 1886 г./, с. 3-4.
3. Руткай, Ф.: «История словацкой журналистики до 1918 г.», Братислава 1999 г., с. 174-175.
4. Руткай, Ф.: «Словацкая жизнь и журналистика, Мартин 1987 г., с. 54-56.
5. Седлакова, К.: «Литературное творчество в журнале "Сокол Ин"»: Дипломная работа, Прешов 1999 г., с.
6. Соловьев, В. С.: «Иудейство и христианский вопрос», Братислава 1991 г.

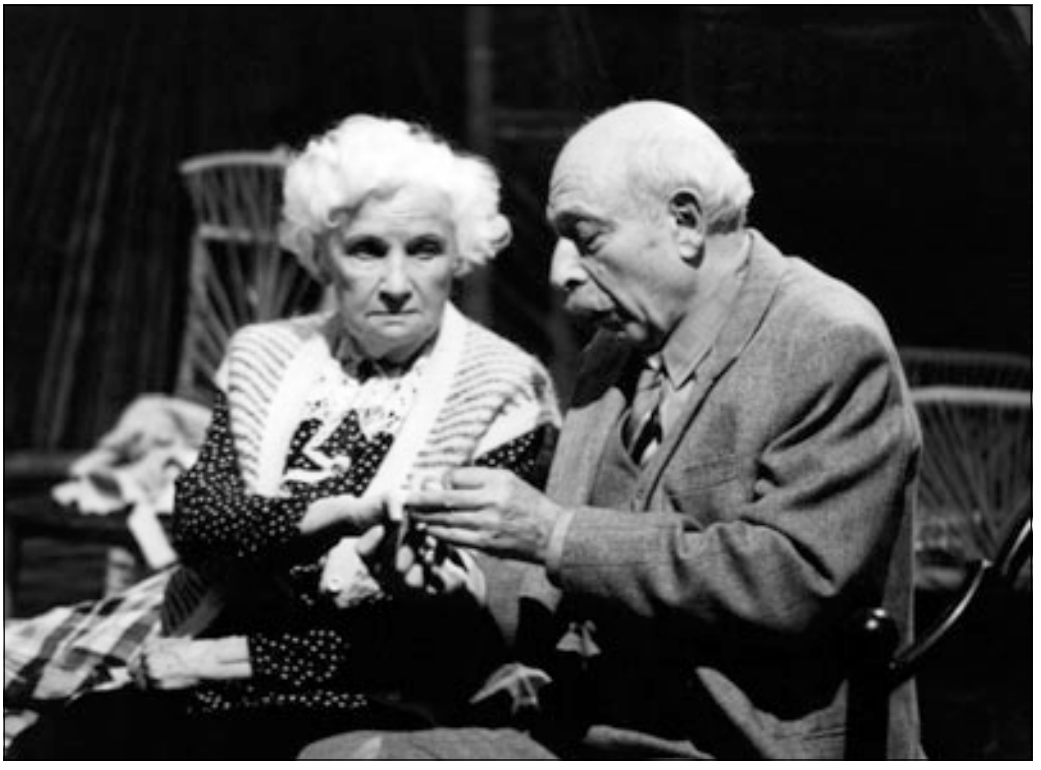
ЧИТКА ПЬЕСЫ ИЛИ ПЕРВЫЙ ШАГ К ПРЕМЬЕРЕ

О. Заградник
(Словакия)

Самолёт набирает северо-восточный курс, мягко врезаясь в лазурь, которая больше напоминает летний день на Ядране, чем полётный коридор к Москве в декабре. Я прислушиваюсь к монотонному шуму двигателей и думаю про себя: есть что в мире, кроме театра, что вынудило бы меня в эти предрождественские дни мчаться куда-то вдаль от дома? Но сколько ни думаю, ничего серьёзного не приходит на ум.

Конечно, насколько было бы приятнее совершить это путешествие где-нибудь в мае! Думаю о том, какая погода встретит меня в Москве. Я почти уверен, что в последней декаде декабря меня могут ожидать такие «минусы», которые бывают у нас на переломе января-февраля. Ну почему эти гоголевцы не пригласили меня весной? Сразу осознаю, что так может рассуждать человек, который совершенно не разбирается в специфике театральной жизни. Театр десятилетиями подчиняется совсем другим правилам, чем весь остальной мир, другим календарям, другим часам. Его сезоны больше похожи на школьный, а не календарный год, и расписание у них иное, не такое, как в большинстве других мест. Я пробую представить, что ждёт меня в театре. Из приглашения главного режиссёра театра Сергея Яшина я знаю, что это будет читка пьесы. Такое обыковенное и для большинства людей неинтересное слово. Но каждый, кто связан с театром, и особенно драматург, знает, что читка – это краеугольный камень, который разделяет написанный текст от его возможной интерпретации на сцене. В русском театре существует давнишняя традиция, что текст театральному коллективу читает сам автор. Но я, хотя и довольно хорошо владею русским языком, не был готов к тому, чтобы читать собственную пьесу в переводе.

После приветствия в театре, точно так, как я и предполагал, прозвучал вопрос, собираюсь ли я сам читать пьесу. Прокомментировав это предложение как почётный жест для автора, я всё-таки отказываюсь и прошу дать прочитать текст какому-нибудь актёру. Я подчёркиваю, что моё чтение повредило бы произведению. Хозяева идут мне навстречу и снимают с моих



Сцена из спектакля „Долетим до Милана”

плеч тяжесть, не дав возможности искалечить пьесу моим заиканием и нерусским акцентом.

Дата читки определена. Она состоится через пять дней. Ожидание срока я заполняю посещением спектаклей, поставленных С.Яшиным, ведь теперь судьба пьесы в его руках.

Наконец – читка. Моё напряжение достигает кульминации, когда я узнал, что пьесу будет читать сам Яшин. Читка будет проходить в студии театра и, в отличие от нашей практики, она проходит в присутствии всей труппы. На мой вопрос «Почему?» я получаю логический ответ: «Читка новой пьесы – дело всего театра и касается всех». Я оцениваю этот момент как вполне демократический в начале творческого процесса работы над пьесой, дающий хорошую возможность коллективу выразить своё мнение в дискуссии, которая происходит после читки.

И вот всё начинается. Актёры сидят на своих местах в зрительном зале, и я впервые слушаю реплики своей самой новой пьесы... С. Яшин читает

очень впечатляюще, виртуозно оттеняет диалоги персонажей, градуирует темп, подчёркивает отдельные реплики; персонажи начинают «отклеиваться» от бумаги, осущетсвляется настоящая мистерия театра. Я подчиняюсь магии момента и только подсознательно воспринимаю усиливающуюся атмосферу концентрации присутствующих, их дыхание, их нарастающее участие в судьбах персонажей и их поступков. Актёры – особенная публика. Нелегко овладеть их эмоциями. У них развита профессиональная защитная система, опирающаяся на постоянный рациональный контроль действия, убедительности мотивации действующих лиц, меры правдивости воспринимаемых реплик.

В отличие от слушающей аудитории в зале, я знаю, как будет развиваться пьеса дальше, персонажи вступают в действие по тому плану, который я предназначил для них. Но вопреки тому, что я уже заранее знаю, **что** случится, Сергей Яшин своим чтением уже предвосхищает, **как** это случится.

Я чувствую, что забываю своё предварительное знание, и чем дальше, тем больше втягиваюсь в чудо превращения писаного слова в драматическую реплику, высказанную персонажем. Я погружаюсь в магию театра и прощаю себе то, что встречаю Рождество не дома.

Трудно содержательно перечислить признаки этой магии, этой возрастающей атмосферы соучастия в особом ритуале, который позже выльется в процесс поиска театральных средств выражения сложных, а подчас и трудно именуемых театральных элементов, точка пересения которых создаст в своём результате неповторимое театральное впечатление.

Постепенно я теряю чувство восприятия перевода. Даже знание пьесы до тончайших деталей не мешает мне воспринимать текст как подлинник. В этот момент я сожалею, что рядом со мной не сидит мой переводчик В.Мичурин. Именно сейчас я оцениваю наше тесное сотрудничество автора и переводчика, когда мы не обращали внимания ни на поздние ночные часы, ни на особые диалоги, дополняемые телефонными разговорами. Может быть, мы иногда и действовали друг другу на нервы, особенно при бесконечном пересеивании эмоционального заряда реплик. Но я уверен, что наша работа не была лишней. Как говорят, перевод должен ложиться в уста актёра и входить в уши зрителя без того, чтобы беспокоить их, не лишая ценности подлинный текст. Из своей практики я знаю, что такой результат бывает скорее исключением, чем правилом, и я счастлив, что мы достигли оптимального эффекта. Я даже осознаю, что в переводе были найдены такие языковые средства, которыми не располагает словацкий язык. Используя

языковую специфику, перевод значительно углубил социальную и психологическую характеристику действующих лиц.

Читка заканчивается. Яшин произносит последние реплики пьесы и читает заключительное авторское замечание в скобках. Тишина... А потом – аплодисменты, не шумные. Может быть, «вдумчивые» аплодисменты. Начинается дискуссия. Она подчиняется какому-то неписаному «домашнему» протоколу. Первыми выступают старейшие, опытнейшие актёры, после них – более молодые и, наконец, - самые молодые. Они объясняют свои чувства, впечатления, оценивают сильный социальный заряд пьесы, её гуманистический пафос, призыв к человеческой солидарности... Оценивают упорное сражение за сохранение природы человеческой личности, чувства собственного достоинства.

С. Яшин сосредоточенно и внимательно слушает мнения людей, которых он хорошо знает по долголетнему сотрудничеству, видно, что он серьёзно прислушивается к мнению коллектива.

Премьера, которая состоялась 18 и 21 мая, в полной мере исполнила и даже превзошла наши ожидания. Театр Гоголя взялся за роль первопроходца, роль пилота-испытателя, потому что первым поставил пьесу под названием «Долетим до Милана».

Художественный коллектив под руководством режиссёра Яшина обогатил автора словацкой театральной пьесы очень талантливой, неповторимой интерпретацией. Публика на премьере подтвердила, что первопроходческий акт театра имел воё глубокое этическое и художествнное значение.

Перевод Л. В.

G G G

Примечание:

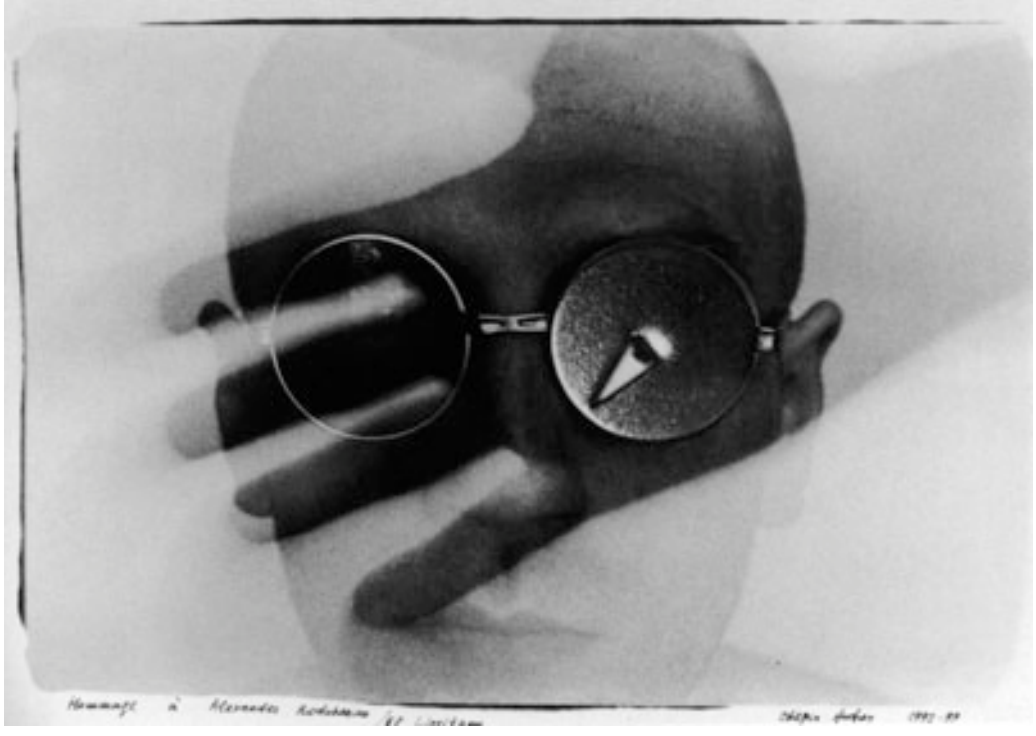
А. Зверев оценивая последний московсий театральный сезонв статье Перед восходом солнца (АиФ) написал: »Долетим до Милана« в Театре имени Гоголя заслуживает внимания куда больше, чем иные раскрученные премьеры.

З. Колларова
М. Сисак

X Месячник фотографии в Словакии

Уже десятый раз в Словакии проходит Месячник фотографии. Нас заинтересовали русские авторы. В этом году – Андрей Чежин. (В прошлом году - А. Родченко со своим «Маяковским».) Выставка авангардного художественного фотографа-постмодерниста во Дворце Зичи чрезвычайно оригинальна. Чежин на нескольких фотографиях называет своих magnus parens: А. Родченко и Мен Рея.

Фотографии Андрея Чежина:



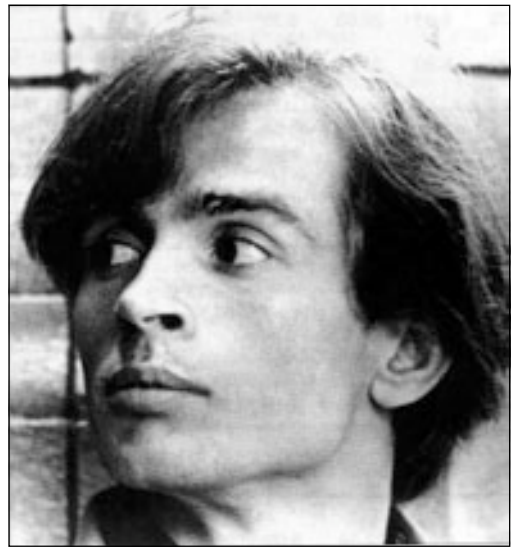
Hommage à Alexander Rodchenko

Албом для пуговиц А.Чезина

Автопортрет А.Чезина

Австрийский татарин

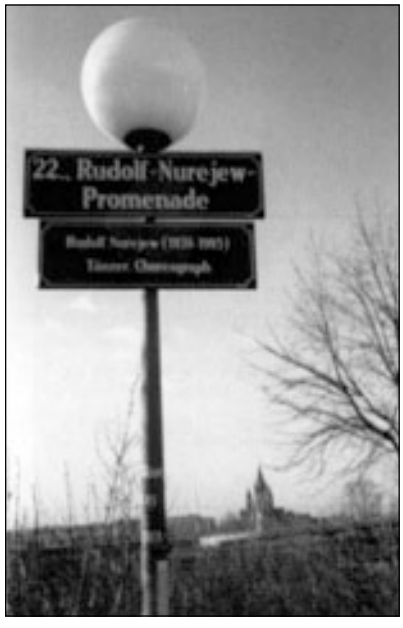
Памяти Р. Нуреева



В одном из самых привлекательных мест австрийской столицы городские власти назвали часть набережной в честь знаменитого танцовщика и хореографа Рудольфа Нуреева.

Нуреев не только танцевал в Венской опере, но в 1982 году получил австрийское гражданство. В Вене Нуреева боготворили. В 1964 году он здесь впервые выступил в «Лебедином озере», вызвав восторг взыскательной столичной публики.

Нуреев и Барышников – два солиста Мариинки, которые покорили Запад. Нуреевым восхищалась Европа, Америка лежала у ног Барышникова.



22. Rudolf Nurejew
PROMENADE

В 1983 году Нуреева пригласили на должность директора балета Гранд Опера в Париже. Здесь он ставил много русской классики, прежде всего П.И.Чайковкого. При Нурееве Гранд Опера пользовалась невероятным авторитетом.

В мае 1992 года он представил в нью-йоркской Метрополитен-опера «Ромео и Джульетту» Прокофьева в качестве дирижёра.

Через несколько месяцев его не стало.

Хоронили Нуреева на кладбище Сен Женевьев де Буа под Парижем. У его гроба руские артисты читали стихи Пушкина.

А Вена его не забыла.

(Фотографии Новый венский журнал)

Аукцион произведений русского искусства в Вене

39 –
Ilja Jefimowitsch Rjepin
(Tschugujeff 1844–1930 Kuokkala)
Bildnis Leo Tolstoji, mit Farbkreide übergangene Bleistiftzeichnung auf Papier, signiert (cyrillisch), 17 x 12 cm, ger., (W).

ATS	70.000 – 80.000
EURO	5.400 – 6.200
US $	4.700 – 5.300

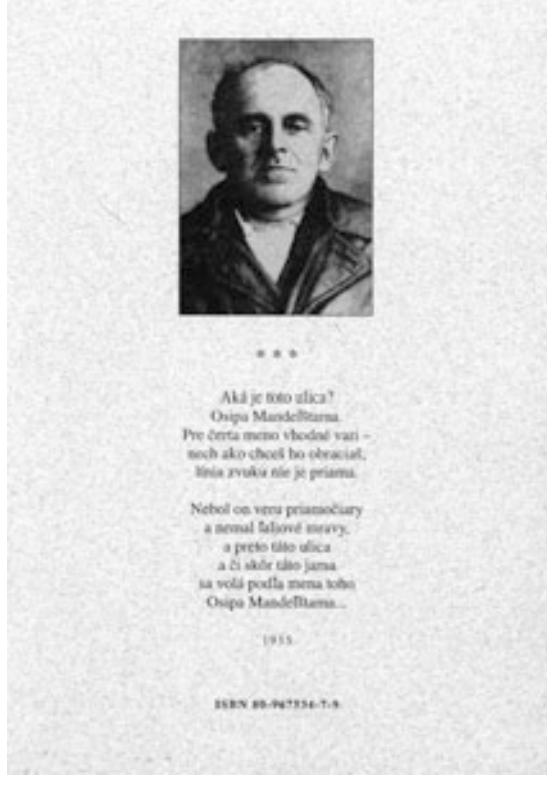
Сколько стоит шедевр?

Репинский Толстой – 5300 долларов.

Новая марка

В честь десятилетия основания галереи Andy Warhola в Словакии (в г. Медзилаборце) на днях появилась новая интересная марка. На марке - королева NTOMBI TWALA кисти Анди Вархола.

В книжных киосках появился новый Мандельштам



* * *

Aká je toto ulica?
Osipa Mandelštama.
Pre čŕtu mimo vhodné vari -
nech ako chceš ho obracia!,
línia zvuku nie je priama.

Nebol on veru priamočiary
a nemal ľalivé mravy,
a preto táto ulica
a či skôr táto jama
sa volá podľa mena toho
Osipa Mandelštama...

1933

ISBN 80-967334-7-9

Русский номер Revue svetovej literatúry 3/2000

Почти весь третий номер этого журнала посвящён современной русской литературе и культуре. Это, после многих лет полного невнимания к ней со стороны словацких журналов и издательств, отрадно. Неудивительно, что среди всё ещё многих её почитателей он вызвал несомненный тнтерес. В номере представлены современая русская проза, поэзия, эссеистика, а в отделе книжного обозрения находятся рецензии на современные труды литературоведческого характера. Номер прекрасно иллюстрирован работами Леонида Тишкова и Петра Перевезенцева.

Факт, что подбор авторов и произведений, их перевод на словацкий язык осуществил прешовский русист Валерий Купка, симптоматичен. Известно, что составитель интересуется не только реалистической литературой в традиционном понимании, к каковой привыкло большинство из нас, но и литературой андеграунда, той, что в советские времена была на задворках официальной издательской политики. Большинство авторов номера до 90-х годов были известны узкому кругу друзей. Исключением являются разве только Сергей Довлатов, Варлам Шаламов, Евгений Попов и Юрий Мамлеев. Причём, В.Шаламов представен не в привычной ипостаси прозаика,автора «Колымских рассказов», а как поэт. Оказывается, поэт он не менее оригинаьный, во многом перекликающийся с поэтами

рецензируемого номера – Г.Сапгиром, А.Макаровым-Кротковым, С.Гандлевским, В.Ковалем, С.Моротской и другими.

Перечитывая тексты двух десятков авторов и куцие сведениия о них, диву даёшься богатству тем и мастерству. Лирический герой Г.Сапгира живёт вне самого себя, рассматривает своё тело как бы со стороны и позволяет манипулировать собой любому постороннему. Не менее абсурдно положение его героя в прозаической «Рыбе». Подаренная рыба – мир, совмещающий для автора лакомое блюдо, тут же способное превратиться в жену, любовницу и во что угодное... С.Довлатов представлен рассказом «Чья-то смерть», самым реалистическим из напечатанных, одновременно и самым замечательным. Как всегда, автор-герой-рассказчик в лице Довлатова проходит горьким опытом жизни, не без юмора и самоиронии приводит читателя к осознанию простой мысли, что жить всё-таки стоит. С интересом читаешь экзистенциалисткие рассказы Ю.Мамлеева «Нога», «Трое», «Воскресение» и задаёшься вопросами: неужели можно влюбиться в собственную ногу и лелеять её сверх всякой меры, как Савелий? Чем отличается мир слабоумного Вани от мира нормальных людей? Есть ли граница между жизнью и смртью? и т.д... В.Тучков в рассказе «Хозяин степи» воссоздаёт мир взаимоотношений в России первой половины Х1Х века, т.е. крепостного права с худшими его сторонами и убеждаешься, что современный человек согласен и на него, лишь бы иметь кусок хлеба, крышу над головой и водку...

Все остальные авторы не менее интересны, всех стоит внимательно прочитать. Как и рецензии на книги Григория Хартишвили «Писатель и самоубийство», или на фундаметальной труд Александра Эткинда «Хлыст. Секты. Литература и революция».

(М.С.)

Годовщины 2000-го года

l 160 лет со дня рождения Петра Ильича Чайковского (7 мая 1840 г.)

l 140 лет со дня рождения Исаака Ильича Левитана (18 авг. 1860 г.)

l 90 лет со дня рождения Александра Трофимовича Твардовского (21 июня 1910 г.)
?

С. Лебедева: А. Твардовский

l 60 лет со дня рождения Иосифа Бродского (24 мая 1940 г.)
?

10 лет конкурсу чтецов «ARS POETICA»

X конкурс чтецов «ARS POETICA» состоялся в этом году в г. Кошице. Его победителем стала словацкая гимназистка из г.Снина Евгения Камозина. ARS впервые наградил победительницу поездкой на Московский молодёжный фестиваль искусств, который состоится в 2001 году.

Начиная с 2000-го года, победитель словацкого конкурса будет награждаться поездкой в Россию.

Конкурс «ARS POETICA» 2001-го года состоится в мае в г. Кошице. К участию в этом конкурсе приглашаются также и представители соседних стран (по одному из каждой страны).

ТОЛЬКО МИР И ЛЮБОВЬ

Э. Буйнова
(Словакия)

Под таким названием с 22 мая по 29 мая 2000 г. Российский государственный университет нефти и газа им. Губкина в Москве проводил Второй московский открытый международный пушкинский молодежный фестиваль искусств. Я имела честь присутствовать на этом великолепном мероприятии в качестве гостя фестиваля и члена жюри в номинации «Художественное слово».

Камертоном фестиваля выступает имя, личность и творчество А. С. Пушкина. Его идеи и мысли во многом продолжают оставаться актуальными и привлекательными для молодежи и в наши дни. Участие студентов из более 80 вузов России и иностранных студентов из 25 стран в фестивале этого года – красноречивое свидетельство тому. В этом году фестиваль был посвящен 55 годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.. Актуальность темы войны в наше время ни у кого не вызывает сомнений. Слишком много крови льется сейчас в горячих точках России, мира ...

Торжественное открытие фестиваля состоялось в Словацком культурном центре. После приветствия участников директором центра Яном Коцианом в поэтическо-музыкальной программе выступили лауреаты фестиваля 1999 г. Трогательной была речь генерал-майора Рябчука, участника освобождения Словакии и Чехии. Российские коллеги интересовались традициями и проведением нашего конкурса „Памятник Пушкину – ARS POETICA". От имени Ассоциации русистов Словакии им было передано приглашение на общесловацкий тур в город Кошице, в котором и приняли участие.

23 мая в РГУ нефти и газа им.Губкина проходил финальный тур конкурсной программы фестиваля по номинациям: поэзия (ежегодно издается сборник лауреатов), академическое пение, эстрадная и авторская песня, художественное слово, актерские и режиссерские работы, живопись и графика, декоративно-прикладное искусство, который выявил лауреатов 2000 г.

В номинации «художественное слово» выступило 58 чтецов, среди которых была и студентка кафедры русского языка факультета гуманитарных наук в Банской-Быстрице Габриела Ткачёва, прочитавшая стихотворение Есенина. За лучшее сочинение на тему «Только мир и любовь» Габриела Ткачёва и Мартина Петерова получили дипломы.

24 мая фестиваль «вышел» за стены университета и продолжался в историко-культурных местах Подмосковья, связанных с именем А. С. Пушкина. Первым встретил участников фестиваля Музей-усадьба Астафьево «Русский Парнас». В овальном зале дворца прошел литературно-музыкальный салон с участием лауреатов фестиваля.

25 мая на пушкинской поляне в селе Захарово, где прошло детство Пушкина, состоялся большой праздник, на котором собрались, кроме участников фестиваля, 2000 выпускников Одинцовского района, так как 25 мая во всех российских школах прозвучал последний звонок. На живописной поляне вместе с лауреатами фестиваля были представлены и творческие молодежные коллективы Одинцовского района.

Участники фестиваля посетили Государственный историко-литературный музей-заповедник А. С. Пушкина «Большие Вяземы». Интересно было осмотреть и места, где снимался фильм Н. Михалкова «Утомленные солнцем».

Незабываемыми остаются впечатления от пребывания в 600-летнем Саввино-Сторожевском монастыре, где проходило закрытие фестиваля. Выступление мужского хора математическо-физического факультета –

МИФИ, исполнившего духовные песни и композиция философско-религиозной лирики под сводами старинной колокольни, были достойным завершением этого прекрасного праздника.

Спасибо Вам, Комарова Наталия Николаевна – «душа» фестиваля и российские коллеги кафедры русского языка РГУ нефти и газа им.Губкина, Московской консерватории П. И. Чайковского и других вузов, за большую работу, связанную с организацией и проведением фестиваля. Сделаем все для того, чтобы в будущем лауреаты Московского фестиваля могли выступить на нашем конкурсе „Памятник Пушкину – ARS POETICA" и наши победители показали свое мастерство на фестивале в Москве.

Десятая Международная олимпиада школьников по русскому языку

МАПРЯЛ сообщает, что в июне 2001-го года состоится очередная олимпиада школьников. Для участия в Олимпиаде приглашаются учащиеся общеобразовательных, средних и специальных школ, которые стали победителями национальных конкурсов по русскому языку. Для Словакии, Чехии, Венгрии выделено по 10 мест, Польша - 20 мест.

Организаторы Олимпиады подготовили и разослали «Программу Олимпиады», в которой наряду с требованиями, критериями оценок и образцами билетов по устной речи, чтению, письменной речи в комиссии «Страна и культура» приведены образцы текстов, по которым можно готовиться к экзамену. Приводим полностью один из таких текстов.

Малевич Казимир Северинович (1878-1935)

Не каждый художник имеет свой метод и создаёт свой мир и школу. Не каждый живописец создаёт картину-символ, которая почти сто лет вызывает в России острые дискуссии. Казимир Северинович Малевич — авангардист и абстракционист. Его картину "Чёрный квадрат" знают во всём мире.

Художник родился в Киеве в 1878 году. Его родители по происхождению – поляки. Отец работал на сахарных заводах. В 1894 году Малевич поступил в киевскую рисовальную школу. Будущий художник начал работать и собирать деньги, чтобы учиться в Москве или Петербурге.

В 1904 году он приехал в Москву и посещал занятия в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. В начале XX века здесь преподавали живописцы К.А. Коровин и В.А. Серов и учились будущие знаменитые художники и поэты Д.Д. Бурлюк и В.В. Маяковский. Московское училище было школой смелого эксперимента в искусстве.

Свои первые живописные работы Малевич сделал в духе импрессионизма. Однако его манера быстро менялась. Он полюбил живопись П. Сезанна, попробовал свои силы в кубизме.

Русское изобразительное искусство в это время активно осваивало и использовало достижения западноевропейской живописи: яркий цвет, кубические геометрические формы, абсурдные сочетания предметов.

В это время художники организуют шокирующие публику выставки, одна из них была даже названа необычно —"Бубновый валет". Малевич участвовал в ней.

В 1912 году вышел манифест молодых художников "Пощёчина общественному вкусу". Его авторы вслед за итальянскими мастерами назвали себя футуристами – художниками будущего. Среди авторов этой небольшой книги был и Малевич. Футуристы отказывались от традиций и культурного наследия прошлого, они создавали новый художественный язык, который шокировал публику. Футуристы считали, что новое искусство должно отражать динамику современной жизни: скорость техники, развитие спорта, а не слепо копировать то, что фиксирует на плёнку фотография.

В 1913 году Малевич участвовал в первом русском футуристическом спектакле — опере "Победа над солнцем", художник сделал эскизы костюмов и декораций. По сюжету оперы люди будущего подчинили себе солнце. Костюмы и декорации Малевича были выполнены в кубистской манере. Поэтому герои оперы не были похожи на пришедших на спектакль зрителей. Зрители не остались равнодушными. В зале столкнулись взгляды консервативной части зрителей и молодёжи, которая горячо поддержала спектакль.

Начало XX века -- время смелого эксперимента в искусстве. В 1914 году в Москве на Кузнецком мосту художники вышли на улицу с раскрашенными лицами, и это шокировало публику. Малевич также участвовал в этой футуристической демонстрации.

В 1915 году в Петрограде открылась выставка, названная "0,10" (ноль-десять). Что же имели в виду художники? Десять молодых живописцев экспонировали свои абстрактные картины, поэтому они считали, что они вышли "за ноль форм", то есть "оторвались от реальности". Малевич показал на выставке свою самую известную и самую скандальную картину – "Чёрный квадрат". По мнению художника, это самое простое произведение живописи.

Что же означает эта картина? Почему многие зрители не понимают, что хотел выразить автор? Нарисовать квадрат и закрасить его чёрным несложно. Это может сделать, наверное, каждый. Трудно понять, что чёрный четырёхугольник -- простейшая геометрическая форма, которая заключает в себе все другие геометрические формы и возможности искусства. Из квадрата "вырастают" куб и круг. Почему квадрат чёрный? Чёрное и белое – два основных цвета в мире: день и ночь, свет и тьма. Малевич первым понял это и первым показал в живописи. "Чёрный квадрат" – космическая картина: зритель не может сказать, где "право", где "лево", где "низ", где "верх". Что получается? Художник преодолевает силу земного притяжения. Не случайно Малевич впервые использовал выражение "спутник земли", говоря о космическом летательном аппарате. Художник своей картиной обозначил границу живописи. И дело, наверное, не в том, что чёрный квадрат нарисовать легко, а в том, чтобы первым придумать это.

Позже Малевич написал манифест новой живописи "От кубизма и футуризма к супрематизму. Новый живописный реализм" (1916). Художник назвал свой метод супрематизмом, так как это слово означает "высший"; он сознательно отказался от изображения людей и предметов, имея в виду то, что абстракция -- высшая форма искусства. В своей книге он показал, как развивалась живопись, как менялся её изобразительный язык.

Уже в это время Малевич очень известен как мастер авангарда и художник, непонятный для массовой публики.

Малевич принял революцию 1917 года, он был избран в Совет солдатских депутатов в Москве. Революция, по его мнению, должна была дать художнику творческую свободу. В 1918 году Малевич переехал в Петроград, где оформил спектакль по революционной пьесе В. Маяковского. Малевич активно участвовал в художественной жизни Петрограда. Художник начал преподавать, вокруг него собралась молодёжь. В 1919-1922 годах Малевич и его ученики жили в Витебске и преподавали в народной художественной школе, во главе которой стоял М.З. Шагал. Встреча разных по манере и философии художников привела к конфликту, поэтому Шагал уехал из Витебска. Малевич остался, он смог организовать новую систему художественного обучения. Но власти города не приняли педагогические и живописные поиски художника. Малевич был вынужден уехать из Витебска.

В 1927 году художник уехал в Польшу и Германию показать выставку своих работ и прочитать цикл лекций. Возвращаясь из Германии в СССР, он оставил свои таблицы и картины друзьям. Может быть, он предчувствовал отношение властей и публики к своим картинам? Часть картин была продана в США. Однако основная часть коллекции всю войну была в Германии. Художники прятали абстрактные картины от властей, потому что в 1930-е годы многие произведения немецких мастеров были объявлены дегенеративным искусством и уничтожены. После войны картины Малевича купил музей Амстердама, где собрана одна из самых богатых коллекций работ Малевича.

В 1930 году Малевич был арестован, но скоро его отпустили. Боясь за него, друзья сожгли часть его рукописей. Конфликт художника, массового зрителя и властей становился всё более глубоким и трагическим. В 1930-е годы Малевич вернулся к предметной живописи.

В 1935 году он последний раз участвовал в выставке.

Малевич умер в 1935 году от рака в Ленинграде и был похоронен в Немчиновке, под Москвой.

Малевич – создатель нового метода в живописи, неповторимой художественной манеры, геометрической беспредметной живописи. Его искусство требует интеллектуальной работы от зрителя и непонятно широкой публике. В 1930-1980-х годах живопись Малевича не популяризировалась в Советском Союзе, в музеях не выставлялись его картины. Большая персональная выставка была организована только в 1989 году. Самой известной картиной художника и сейчас остается "Чёрный квадрат".

(Текст составлен О. Фроловой)

2001-ый год – ЕВРОПЕЙСКИЙ ГОД ЯЗЫКОВ

Согласно решению Комитета министров Совета Европы 2001-ый год объявлен Европейским годом языков. Среди его организаторов – ЮНЕСКО, Ассоциации современных языков, средства массовой информации, частные компании и фонды...

Журналы для русистов, которые можно заказать

Адреса и условия подписки можно узнать в редакции нашего журнала:

«Русский язык за рубежом»,
«Мир русского слова»,
«Вестник МАПРЯЛ»,
«Ступени» - журнал для основных и средних школ
(e-mail: zdenek_okunek@yahoo.com),
«Вместе» (tel. 07 623 136 54).

Новые издания в помощь учителю

НОВЫЕ НЕТРАДИЦИОННЫЕ ПОСОБИЯ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Я. Крыстынкова

В настоящее время необходимо использовать все формы, которые оживляют обучение русскому языку и повышают интерес и мотивировку студентов. На уроках необходимо создавать атмосферу удобства, хорошее настроение, чувство раскрепощенности и радости от обучения.

Одной из возможностей создания такой благоприятной атмосферы является и песня. Еще в древней культуре пение считалось важным элементом коммуникации. Песни сообщали информацию, выражали человеческие чувства и расположение и были неотделимой частью жизни данной страны. Издавна именно песня использовалась как нетрадиционное средство обучения. Она является одним из самых эффективных способов закрепления языкового материала. Песня легко (легче, чем стихотворение) запоминается благодаря динамике, ритму и мелодии. Она создает на уроках благоприятный психологический климат, необходимый для поддержания интереса к предмету.

Пособие авторского коллектива под руководством Анатолия Бердичевского «**Русский язык через песню**» рассчитано на все возрастные категории и может использоваться во всех типах учебных заведений (включая высшие) и на разных курсах. Оно коренным образом отличается от существовавших ранее материалов в основном тем, что кроме песен

включает ряд самых разнообразных упражнений: фонетических, лексических, грамматических и речевых. Работа обычно заканчивается так называемым проектом, при котором студенты делятся на группы и выполняют полученные творческие задания.

Песни разделены на три категории по степени трудности языка: на начальный, средний и продвинутый этап. В пособии мы найдем всего шестнадцать песен, из которых пять - в первой части (среди них «Дважды два – четыре», «Миленький ты мой», «Улыбка»), во второй части – шесть (это «Тонкая рябина», «Подмосковные вечера», «Мы желаем счастья вам») и в третьей части также пять (напр. «До свидания, Москва», «Пожелание», «Парус»), причем преобладают авторские песни над народными.

Самую большую ценность данного материала представляют разнообразные и удачные упражнения (в количестве от восьми до двенадцати). Речь идет, напр., о следующих темах : 1) прочитайте текст песни и переведите или скажите, о чем она; 2) произнесите отдельные слова, предложения (с разной интонацией); 3) задавайте вопросы, отвечайте на вопросы; 4) замените приведенные слова другими; 5) дополните пропущенные выражения; 6) составьте предложения по данному образцу; 7) выпишите из текста имена существительные, местоимения и имена прилагательные, определите падеж; 8) выпишите глаголы, образуйте инфинитив, определите вид; 9) нарисуйте иллюстрации к тексту; 10) сопровождайте отдельные слова, предложения соответствующими жестами; 11) расскажите содержание своими словами; 12) прочитайте песню хором и т. д. В заключительных проектах от студентов требуют, чтобы они сочинили песню на подобную мелодию, использовали в разговорах данные фразы, организовали конкурс на лучшую инсценировку и иллюстрацию песни, с использованием данных слов написали рассказ или сценарий видеоклипа или пантомимы на темы текста и др.

Материал состоит из компактного диска (или магнитофонной кассеты) и публикации, вмещающей слова отдельных песен и выше- указанных заданий (недостает, наверное, только нотного приложения к тексту песен).

Каждое пособие такого характера необходимо только приветствовать и надеяться, что оно вдохновит и наших учителей.

Бердичевский, А. - Калашникова, О. - Соловьева, Н.: «Русский язык через песню». Вена, Комино 1998.

Следующим вспомогательным материалом при разучивании русских песен может стать новая запись «**Вечерний звон**», выпущенная на магнитофонных кассетах и компактных дисках торговым обществом ПЕЗОС в содружестве с Чешским координационным советом Общества друзей народов Востока. Здесь мы найдем любимые русские песни и романсы как, например, «Вечерний звон», «Вечер на рейде», «Стенька Разин»,, «Сулико», «Смуглянка», «Подмосковные вечера», «Очи черные», «Байкал», «Я вас любил», «Калинка» и ряд других. По – русски поет Николай Марченко в сопровождении оркестра электромузыкальных инструментов Павла Зедника, который также является автором музыкальной аранжировки. Кассеты или диски можно купить или заказать по адресу:

Чешский координационный совет Общества друзей народов Востока,
ул. В заветржи 4, 170 00 Прага 7, Чешская республика

Česká koordinační rada Společnosti přátel národů Východu
V závětří 4, 170 00 Praha 7, Česká republika

Združenie slovanskej vzájomnosti
Dobšinského 16, 815 29 Bratislava

Другие издания:

1. Pracovný zošit к учебнику «Встречи с Россией» I часть
2. Učebnica-a čo ďalej-MP II. a III. časť
   Два этих учебных пособия можно заказать по следующему адресу:
   Metodické centrum, Tomášikova 4, 820 09 Bratislava
   (dr. A. Ravingerová)
3. «Бизнес и коммерция». Учебные материалы по языку бизнеса
4. „Пёстрые главы”Л. Б. Трушина, О. Белянко
   Два этих учебных пособия можно заказать по следующему адресу:
   Metodické centrum, Horná 97, 975 46 B. Bystrica (dr. M.Matušková).
5. Písanka a pexeso pre začiatočníkov (manželov Korityákovcov)
   e-mail: korityakova@iol.cz.
6. Pedagogická interpretácia 7. symfónie (Leningradskej) D. Šostakoviča
   Metodické centrum, Tarasa Ševčenku 5, 080 40 Prešov (Mgr. V. Kučinská)

V МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОГО И ДРУГИХ ЯЗЫКОВ»

Е. А. Правда
(Словакия - Россия)

Изучение русского языка в сопоставлении его с другими языками представляет собой одно из важных направлений русистики, которое постоянно находится в поле зрения международной и национальной ассоциаций преподавателей русского языка; большое внимание проблематике сопоставительных исследований уделялось и на недавнем IX Конгрессе МАПРЯЛ в Братиславе.

Исключительно проблемам сопоставительной русистики был посвящен симпозиум, организованный Союзом славистических обществ Югославии, Славистическим обществом Сербии, Кафедрой славистики Белградского университета и Философским факультетом Нишского университета и прошедший под эгидой МАПРЯЛ 30 мая – 1 июня 2000 г. в Белграде и Нише.

Тематика выступлений участников встречи была широкой. Поднимались и общие проблемы сопоставительной лингвистики, и вопросы сопоставительных исследований в области фонетики, словообразования, грамматики, лексики и фразеологии; С.Гайда (Польша) представил свой проект сравнительной стилистики славянских языков. Большое внимание было уделено **лингвокультурологическим проблемам**. Обсуждались также национальная специфика художественных текстов, вопросы интерференции, построения учебных пособий, формирования коммуникативной компетенции учащихся и др. Как отметил, подводя итоги симпозиума, П.Пипер, в докладах участников было представлено большое разнообразие проблем и методологических подходов к сопоставительным исследованиям; при этом основной упор был сделан на практическое применение результатов таких исследований в типологическом изучении русского языка, в практике его преподавания, а также в теории и практике перевода.

Высказанные в докладах положения опирались на сопоставление русского языка с такими языками, как древнерусский, сербохорватский, словацкий, польский, болгарский, македонский, венгерский, немецкий, английский, французский, шведский, казахский, китайский и др. В выступлениях были использованы и нетрадиционные способы иллюстрации. Так, к большому удовольствию аудитории, Б.Тошович (Австрия) подтвердил свои наблюдения над русскими субстантовербалами раздачей выпущенных в России шоколадок «Сникерс», на обертках которых напечатано одно из проанализированных им слов – *сникерсни.*

Хозяева предоставили гостям возможность познакомиться с достижениями сербской русистики XX века: одноименная книжная выставка была открыта в дни симпозиума в читальном зале кафедры славистики Белградского университета. Вклад югославских русистов в сопоставительные исследования русского языка с другими языками гости могли оценить также, прослушав доклад П.Пипера о сопоставительных исследованиях русского и сербского языков в 90-ые годы XX века и выступления некоторых других участников из Сербии и Черногории.

Важной частью программы симпозиума был его третий день в городе Ниш, где прошло заключительное заседание, приуроченное к торжественному открытию в Нишском университете кафедры славистики и балканологии. На этом заседании выступил и гость симпозиума В. Г. Костомаров, который познакомил аудиторию с современным состоянием речевой культуры в России и новыми идеями в области преподавания РКИ. В заключение своего выступления президент МАПРЯЛ подчеркнул большую роль славистики, в том числе сопоставительных исследований славянских языков, в осуществлении идеи славянского единства.

В симпозиуме приняло участие свыше 60 лингвистов из 15 стран мира, в том числе и представители Словакии. Участников могло быть гораздо больше, если бы период подготовки к симпозиуму не совпал с кампанией нагнетения атмосферы вокруг Югославии в СМИ многих стран мира, начавшейся в связи с майскими выступлениями югославской оппозиции, - что помешало приехать на встречу многим лингвистам. Это вызывает только сожаление, поскольку, несмотря на действительно сложную экономическую и политическую ситуацию в стране, симпозиум был организован и проведен на самом высоком уровне и оставил у гостей множество приятных впечатлений. Об этом говорили они сами, высоко оценивая состоящуюся встречу и выражая свое восхищение мужеством и оптимизмом югославских коллег.

Следующий симпозиум по сопоставительной русистике, на тему «Проекты по сопоставительным исследованиям русского и других славянских языков», решено провести там же, в Югославии, ровно через 4 года. Координационный совет уже приступает к его подготовке.

РУСИСТСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ПРЕШОВЕ

А. Антоняк
(Словакия)
(Печатается в сокращении)

27-го и 28-е сентября 2000 года в Прешове благодаря кафедре русистики и транслатологии философского факультета Прешовского университета, состоялась очередная международная научная конференция, посвященная теме*: "О языковых, литературных и культурологических контактах Европы и мира".*

Открывая конференцию, А. А. Антоняк (председатель оргкомитета) отметил, что, несмотря на нелегкое время, в котором находится вся словацкая общественность, кафедра ничуть не сомневалась в необходимости ее проведения. Участники конференции работали в языковедческой, литературоведческой, методической и культурологической секциях. В конференции приняло участие 52 русиста.

В пленарном докладе *"Языковые, литературные и культурологические контакты Европы и мира*" М. Миклуша (Прешов*)* в связи с функционированием языков в европейском и мировом контексте были подчеркнуты самые различные социокультурные и исторические влияния на изменение их места и значения на карте мира. Докладчик особенно подчеркнул поэтическую, риторическую, логическую, грамматическую и другие стороны речи, обусловленные местом и специфическими этнокультурными условиями их функционирования.

"Когнитивные стратегии и тактики спонтанного иноязычного дискурса" были в основе одного из центральных докладов конференции Н. Бардиной (Одесса), которая поставила себе задачу исследовать когнитивное строение дискурса и определить свою позицию в этом вопросе. Когнитивная лингвистика, как утверждал докладчик, "это продолжение платоновской линии в понимании языка" , т.е. "язык с когнитивной точки зрения - это не инструмент по переработке информации", он - неоканчиваемая

объективация идеального, духовный процесс, затрагивающий субъектные и надсубъектные слои сознания.

В совместном докладе *"Базовая культура личности и культурологическая компетенция русиста"* Э. Колларова (Банска Быстрица) и А. Бердичевский (Вена) обратили внимание на один из важнейших вопросов словацкой русистики - подготовке русистов на современном этапе, подчеркивая мысль, что "в качестве цели должно выступать не только формирование коммуникативной компетенции, а образование личности, ибо содержанием образования является культура. Предлагаемая докладчиками система усвоения русского языка посредством развития базовой культуры личности отвечает современным требованиям филолгической науки, так же и современным общекультурным тенденциям, вытекающим из европейского и всемирного контекста.

В духе программы конференции выступил с сообщением *"К семантическому спектру лексемы "неприязнь"* П. Шима (Братислава), раскрывший семантический спектр одной лексемы с ей секундарным переходом в нейтральный (нетерминологический слой лексики) на протяжении столетий.

В докладе Л. Бенедиковой (Нитра)*"Язык русского православия",* исходя из специфики содержания, жанров и языковых средств, докладчик выделил подстили и микроязыки в религиозно-церковном стиле, активно обслуживающие духовную сферу жизни человека и являющиеся содержательной силой,которые оказывают большое влияние на русский язык. М. Чабала (Трнава) сделал сообщение о *"Личных собственных теофорических именах в русском и словацком языках в плане выражения".*

В докладе *"Семантическая трансформация глагольной лексики в русском языке XVIII-XX вв."* Т. Николаева (Казань) обратила внимание на внешние и внутриязыковые процессы, способствующие формированию новообразований лексико-семантической системы языка. Проблеме *"К некоторым аспектам текста печатной программы (ТПТ)"* посвятила выступление Э. Выслоужилова (Оломоуц), в котором подчеркнула новые методологические подходы в исследовании ТПТ, где семантическая связность, экстралингвистические факторы при их анализе считаются примарными. Выходилова (Оломоуц) в выступлении *"Чешское универсальное "to" и его русские эквиваленты"* сосредоточилась на одном особом типе прономинализации - на анализе чешского анафорического местоимения "то" и его русских функциональных эквивалентах. В сопоставительном русском-чешском плане *"Местоименные слова как*

средства структурной связи между частями научного текста" Г. Флидрова (Оломоуц) рассматривала местоименные слова, один до сих пор не исследованный тип коннекторов, с которым встречаемся прежде всего в научном стиле. А. Бранднер (Брно) в выбранной теме *"Функционирование заимствованных аналитических прилагательных в современном русском языке"* проанализировал функционирование указанных прилагательных, констатируя, что эта группа слов находится еще в процессе развития.

Проблеме *"Лексика и реалии*" посвятила выступление Я. Соколова (Нитра), в центр внимания была поставлена проблематика реалий, т.е. явления материальной и духовной культуры конкретного народа в их лексическом воплощении. В выступлении Е.А.Правды (Воронеж-Нитра*) "Способы обозначения признаков-состояний в русском и словацком языках*" была представлена попытка сопоставительного исследования русских и словацких предложений на основе их интерпретации с современных номинативно-прагматических позиций. В сообщении *"Религиозный контекст в словацко-русских переводах"* И. Сипко (Прешов) сосредоточил свое внимание на переводах словацкой литературы на русский язык, на влияние на них (чаще отрицательное) общесвенно-политического контекста. Э.Мала (Банска Быстрица) в сообщении *"Трансферация английских слов в русский язык",* уточнив само понятие "трансферация", уделила внимание разделению заимствованных наименований на отдельные типы. М. Лучик (Зельона Гура) обратила внимание на проблему *"Выявления особенностей субъектного датива при независимом инфинитиве",* подчеркивая целесообразность расматривать инфинитивные конструкции как особую разновидность безличных глагольных предложений. Несколько докладов были посвящены проблемам фонетики: Э.Ондрейчиковой, Т.И.Магамедовой и др. С *докладом "О новых критериях составления словарей синонимов в Румынии"* выступил О. Винцелер (Клуж). М. Дуйчак (Прешов) поделился с итогами своих исследований (*"Антропонимическая система", на материале региона Карпат).*

С докладами, рассматривающими фразеологию, выступили Д.Антонякова (Прешов), Я.Опалкова (Прешов). С интересными сообщениями *("Перформативные глаголы и своеобразность их вида")* выступили Л. Гузи (Прешов), А. Климчукова (Прешов).

С одним из самых интересных докладов *"Креативный хаос постмодернизма*" в секции литературы выступила И.С. Скоропанова (Минск). Докладчик сосредоточил свое внимание на характеристике различий "древесной", "корешковой" и ризоматической систем культуры.

А. Червеняк (Нитра) выступил с содержательным докладом "*К проблематике национальной, региональной и мировой литератур"*. Доклады в секции литературы отмечались разнообразием тем, широтой охвата круга литературных течений и имен.

В методической и культурологической секциях выступили с интересными докладами Э Рогалева (Нитра, *"Русские номинативные словосочетания как культурный образец культурологических сведений"),* М. Рогаль *(*Нитра*, "Обучение иностранным языкам в аспекте новых лингводидактических концепций"),* Н.П. Щипанская (Прешов, *"Ассоциативный принцип как способ активизации иноязычного образования") и другие.*

Были поставлены интересные вопросы мотивации, содержания, методов и подходов при обучении иностранным языкам, взаимодействия учителя и ученика.

Закрывая конференцию, А. Антоняк выразил благодарность всем участникам за активное участие в конференции, пожелал им успешно продолжать научную и педагогическую работу.

Геннадий Айги в Словакии

В. Купка
(Словакия)

Геннадий Айги – поэт, переводчик, чуваш по национальности, один из виднейших представителей современной русской поэзии, продолжатель традиции русского авангарда как поэтического (В.Маяковский, В. Хлебников, Б. Пастернак), так и авнгарда художественного (К.Малевич), прибыл в Словакию по приглашению Obce slovenských spisovateľov. Его приезд имеет заодно и символическое значение. В конце 50-х годов его как студента литературного института на пятом курсе исключили за его близкие отношения с Б. Пастернаком. С тех пор его русскоязычные стихи печатались только за рубежом. Словакия была первой страной, в которой появился книжный дебют Г. Айги. Благодаря М. Валеку в 1967 году вышла в переводе на словацкий язык книга стихов Г. Айги *Žena sprava* (Изд.Смена). С тех пор в разных странах мира было издано 22 книги Г. Айги. Его стихи переведены на более чем 40 языков мира. Первый сборник стихов Г. Айги появился лишь в 1991 году («Здесь», с предисловием Е. Евтушенко). В 1995 году в Словакии

его вторая книга *Predlžovanie odchodu* (перевод Я. Замбора, изд. Knižná dielňa Timotej).

В Словакии Г. Айги провел две беседы в Братиславе в Клубе словацких писателей и на Философском факультете УК. В своем вступительном слове О. Ковачичова, заведующая кафедрой, сказала , что Г. Айги первый живой русский поэт, посетивший их кафедру. Г. Айги также выступил перед студентами Философского факультета ПУ и был гостем Прешовского литературного салона, на котором ему была торжественно вручена его третья книга, изданная в Словакии, *Pieseň pre nás dvoch* (перевод В. Купки и И. Купковой, изд. Knižná dielňa Timotej).

Интервью с Г. Айги выйдут в журналах Kultúrny život и Romboid.

Облака

В этой
Ничьей деревне
Нищие тряпки на частоколах
Казались ничьими.

И были над ними ничьи облака,

И там – рекламы о детстве
Рахитичных и диких детей,

И музыка о наготе
Гунских и скифских женщин,

а здесь, на постели, на уровне глаз,
где-то около мокрых ресниц,
кто-то умирал,

пока понимал я
в последний раз,

что она была мама.

HRÁME SA NA ĽUDÍ

TICHO

Ako keby
cez krvavé konáriky
sa predieraš k svetlu.

Dokonca aj sny sa tu ponášajú
na sieť šliach.

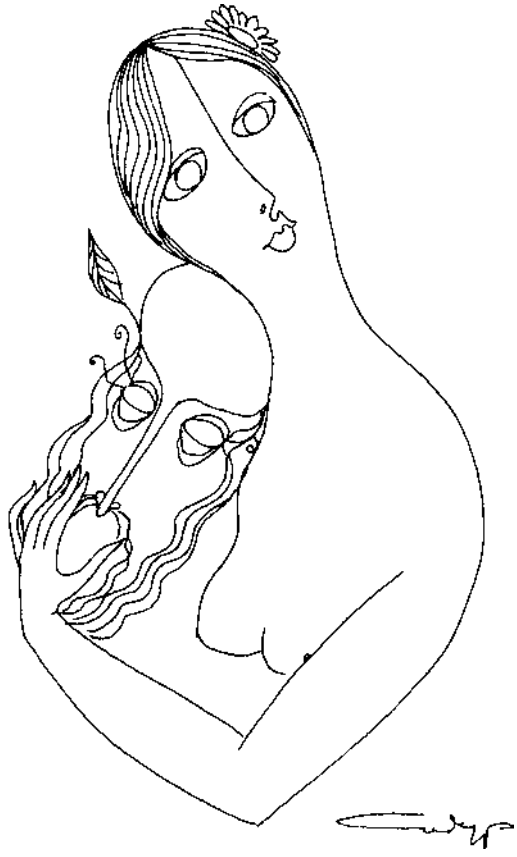
Čo narobíš, na zemi
sa hráme na ľudí.

A tam —
úkryty oblakov
a priehradky
božích snov
a naše ticho, ktoré sme porušili

pre tých, čo sú niekde na dne,
sme ho
zviditeľnili a zpočuteľnili.

A my tu hovoríme hlasmi
a viditeľnými odtienkami,
no nikto nezačuje
naše skutočné hlasy,

a keď sa staneme najčistejším kvetom,
navzájom sa nespoznáme.



РУССКИЙ ЯЗЫК В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ 3
Издание Ассоциации русистов Словакии в сотрудничестве с филиалом Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина при Российском культурном центре Будапеште

Технический редактор: Ф. Тетяк, Н. Ракованова
Тираж: 400 экземпляров
Год издания: 2000
Печать: Ф-студия, Наместово
Кубик, Наместово

ISBN 80-968315-3-4